

ГРАНИ

GRANI

91

1974

Postverlagsort: Frankfurt/Main, Januar - März

ПОСЕВ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

И

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

САМИЗДАТ. ИЗБРАННОЕ. ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ СЕРИЯ

УСЛОВИЯ ГОДОВОЙ ПОДПИСКИ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

«Посев» и 4 брошюры «Вольного слова»: В Европе — 65 н. м., в США и Канаде — с дост. «Посева» по воздуху — 33 ам. дол., простой почтой — 27 ам. дол.; с дост. обоих изданий по воздуху — 35 ам. дол.

«Посев»: в Европе — 50 н. м., в США и Канаде возд. почтой — 27 ам. дол.; простой почтой — 22 ам. дол.

Журналистическая подписка на «Посев» и 4 брошюры «Вольного слова», предоставляющая право использовать весь материал, не снабженный «copyright», без предварительного согласования: в Европе — 240 н. м., в остальном мире (с индивидуальной доставкой возд. почтой) — 270 н. м.

УСЛОВИЯ ГОДОВОЙ ПОДПИСКИ ЧЕРЕЗ МАГАЗИНЫ ИЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

«Посев» и 4 брошюры «Вольного слова»: в Европе — 78 н. м., в США и Канаде — с дост. «Посева» по воздуху — 40 ам. дол., простой почтой — 32 ам. дол.; с дост. обоих изданий по воздуху — 42 ам. дол.

«Посев»: в Европе — 60 н. м., в США и Канаде возд. почтой — 32 ам. дол.; простой почтой — 27 ам. дол.; в Австралии — 20 ав. дол. (по воздуху).

Стоимость подписки в неевропейских странах, кроме США, Канады и Австралии, простой почтой — та же, что и в Европе; авиапочтой — с доплатой за пересылку.

Стоимость в розничной продаже: 5 н. м. — или эквивалент 5 н. м. — для Европы и неевропейских стран; для США и Канады 2 ам. дол.; для Австралии 1,60 ав. дол.

VERLAG — POSSEV — REDAKTION

D - 6230 Frankfurt/M. 80, Flurscheideweg 15

Telefon: 34 12 65. Postscheckkonto 33461 Frankfurt/M.

Bank: Nassauische Sparkasse 161 001 163 Frankfurt/M.

Telegramme: Posseverlag Frankfurtmain

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год издания XXIX

№ 91

1974

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

- ВАСИЛИЙ БЕТАКИ — Пляски истории. Сюита для актеров и фигляров с оркестром 3

ПРОЗА

- ЕВГЕНИЙ КУШЕВ — Отрывки из текста. Повесть 15

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Н. КОРЖАВИН — Судьба Ярослава Смелякова. Вместо некролога 131

ПУБЛИЦИСТИКА

- ВАДИМ БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ — Третий путь 180

- Обращение журнала «Г р а н и» 217

- Список книг, поступивших в редакцию 219

- Обращение издательства «П о с е в» 221

*Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
не обязательно выражают мнение редакции.*

© 1974 Copyright by Possev-Verlag
V. Gorachek K. G., Frankfurt am Main

Издательство «Посев»

Пляски истории

СЮИТА ДЛЯ АКТЕРОВ И ФИГЛЯРОВ С ОРКЕСТРОМ

От редакции

Василий Павлович Бетаки родился в 1930 г. Первые стихи были опубликованы в Ленинграде в сборнике «День поэзии» за 1963 год, хотя писать их начал еще учась в Ленинградском университете в 1948-50 гг. После исключения из университета в 1950 г. (в связи с разгромом лингвистической науки в СССР и обвинением в «космополитизме») о печатании стихов не могло быть и речи. В 1960 году окончил московский Литературный институт. Но к тому времени, когда первые стихи были напечатаны, Бетаки уже был известен как переводчик английской и американской поэзии. Его переводы в СССР издавались многократно: стихи Ленгстона Хьюза (1960 и 1962 гг.), «Избранное» Байрона (1967 г.), баллады В. Скотта в собрании сочинений, основные поэмы Эдгара По в двухтомнике (1973 г.), стихи современных поэтов: африканских, немецких, английских (как переводчик Бетаки участвовал в двух десятках поэтических сборников). Первая же книга оригинальных стихов «Земное пламя» вышла в 1965 году в изд-ве «Советский писатель». После нее, хотя в журналах иногда и появлялись стихи Бетаки, следующую книгу он издать уже не мог, поскольку стихи его первого сборника были объявлены «несозвучными» и нежелательными. Как всегда бывает в таких случаях, они стали достоянием «Самиздата». Особенно распространилась его политическая лирика и сатира. В 1972 году В. Бетаки был исключен из Союза писателей СССР в связи с требованием свободного выезда из СССР. Но выехать удалось только весной 1973 года. В настоящее время В. Бетаки живет в Париже.

ВСТУПЛЕНИЕ

Века рождаются великими.
 Стареют — по-особому:
 Век начинается религией,
 Кончается — фасонами.
 Век начинается фронтонами,
 Кончается — камеями,
 Век начинается титанами,
 Кончается — пигмеями.

Часть I — начало XVIII в. Менуэт — Камаринская
 Часть II — начало XIX в. Мазурка — Полонез
 Часть III — начало XX в. Танго — всё, что угодно: от
 «блатных» песен до бодрых
 маршей...

После каждой части — антракт.
 В антракте казнят оркестрантов, а по возможности и
 актеров.
 В роли палачей — фигляры.

ЧАСТЬ I

МЕНУЭТ — КАМАРИНСКАЯ

— Анхен, чарку водки!
 — Мингер Петер,
 отвлекитесь, предоставьте действовать судьбе!
 ...Музыкальный ящик сотрясает менуэтом
 стекла в двухэтажной
 монсовой избе.

Всё перемешалось,
 дымное, синее,
 с трезвых глаз не разобраться —
 плюй, не плюй —

ПЛЯСКИ ИСТОРИИ

то ли тут Голландия,
то ли — Россия...
Нет! Кукуй!

Царь сидит на лавке, расставив колени,
огурцом хрумтит,
была — не была,
утром — марш цум тойфель стрелецкие тени,
пусть хоть надорвутся
коло — ко — ла !

Бердыши косые
не нужны,
сменят вас России верные сыны!

...До России далеко, а Русь уже ушла...
— Дай водицы, Анхен, одолела икота!
Рот перекрестил —
ни кивота, ни иконы —
и обвел глазищами
четыре
угла.

Царь то пьет, то пляшет,
то глядит в окно.
Липы там поскрипывают, ветер, дождь...
За окном — ничего.
За окном — темно.
Русь во тьму уходит,
А Россию — подождешь...

. . . . .
До Кукуй-слободы ветер с города,
Дуй-подуй, ветви вздыбь, словно бороды!

Староверская Русь из ночи гляди:
Подпалим Петру ус, да и челяди!

Сам-то! Срам-то: почитай, что тридцать лет,
А ведь пляшет обезьянский менувет!

Ишь, кургузые бояре с Кукуя,
Не по вкусу вам Камаринская?

Не хотим, чтоб православных сыновей
Усылали аж за тридевять морей,

Чтоб под немцами, под голландцами
Русь потоптана была срамными танцами,

Чтоб во храмы — вместо Господа Христа —
Беломраморные черти без хвоста!

До чего же, Русь, на нехристей ты зла —
Аж холопа да с боярином свела!

Сводит месть соболью шубу с кистенем!
Ну-ка, вместе Аввакума помянем!

. . . . .
В Новодевичьем пахнет ладаном.
Все монашенки под лампадами.
Где ни кинь — всюду клин,
Хоть зады крести,
Всё одно жить Руси
При Антихристе!
Эх, стрельцы-молодцы,
Княжьи выкормцы!
Проворонили Петра
Ваших пик концы!
Палкой стукнул, басом цыкнул царь-отец —
И Хованскому и Цыклеру конец!
Вон и плотнички пилы несут,
Пилы несут,
Канты поют:

Твоя Воля,
Плотник!

ПЛЯСКИ ИСТОРИИ

Достало бы сил —
Глаголи

                    сколотим

Для старой Руси!
И дождем и потом
Зареван апрель,
Работает споро
Царёва артель,
    Чтоб не скиты́ по Руси голосили,
    А — паруса, паруса — по России!

Будет Русь болтаться
В пеньковой петле,
Россия — рождаться
На черной заре.
Разинутый ветер
Так дивно кричит...

Рожденье от смерти — поди, отличи!

. . . . .

Вражий
Ветер
Воет менуэтом,
Выстояла всюнощную Софья до утра,
А под монастырскою стеною где-то
Ухают тяжелые
Удары топора:
«Славно поработали, теперь — налей!»
... Далеко от виселиц
До кораблей.

Татарская, боярская, посконная Москва!
Бороды холеные
Вымочит Нева!

Бой часов —
Звуки менуэта.

Прочь до рассвета ученые споры,
Росчерком — свет в золоченые шпоры!

Шпора сотрется
В свете сусальном,
Звон обернется
Звоном кандалным,
Белая роза дворцового бала
В белой метели окажется алой...
В легкость мазурки лязгом железа
Врежется медленный гром полонеза:

«В бой
вы пойдете
за
царя...
который раз, который раз
тяжеловесные мелодии твердят,
что в бой
вы пойдете за царя...»

. . . . .
Всплески мазурки тонут в железном.
Пляска снежинок — в отблесках лезвий.
По ветру яркие ментики мечутся...
Иль вы презрели Царя и Отечество?
В блеске последнем слепнет заря:
«Будет отечество — и без царя!»
— Чёрта ли — на площадь? Если угодно —
Можно и проще...

— Неблагородно!

Татем бесславным в вечность не канем!
Сабля скользит по граниту Гром-Камня!
Конь глазом косит — не было б хуже,
Саблю, как косу, точит Бестужев.
Блики на облике облака близкого...
Был он Бестужевым, будет Марлинским.
Всплески мазурки, вьюжной мазурки,

Пули снежинок — в черные бурки.
 Скинъ-ка перчатки, рыжий поручик:
 Эта мазурка — без лайковых ручек!
 Ядер

горячих

по льду

шипенье...

Скоро ль откликнется Польша Шопена?

Гром.

По Сенатской пушки бьют.

И лед трещит, полурасколотый,
 Как будто полонез ползет через Неву...

...Через Неву бы! Солнце над Горным.
 Взблеск ли клинков, или выкрики горна?
 Лебедь декабрьский, горнист очумелый!
 Снег ли? Кровь ли? Красный да белый —
 Белые стены, красные лица,
 Хлещет мазурка снежной столицей!

Цепи наручников на доломанах.
 Что же, поручики, нас доломало?
 Лавры ль Марата? Пыл патриота?
 Или святая болезнь Дон-Кихота?
 Мельницей

вертятся ветры российские,
 Петли пеньковые, тракты сибирские,
 В ритмах мазурки гремят колокольчики:
 «Кончено, кончено, кончено, кончено...»
 Трупы завернуты в черные бурки.
 Мельница вертится в ритмах мазурки!
 Снег? Перемелется, Век? Перемелется —
 Крутит Россию кровавая мельница!
 Горские пули? Кавказские кручи?
 Значит — в рубашке родился, поручик!

ЧАСТЬ III

ТАНГО — ВСЕ ПРОЧЕЕ

Еще война за Ригой где-то и на Марне,
Гниет она иодоформом в желтой марле,
А Петроград в каком-то трансе предкошмарном
Так беззаботно в танго погружен.

Мир черно-белый, словно клавиши рояля,
Заиндевелые решетки на канале...
И хлопья снежные, спускаясь по спирали,
Уже заводят вьюжный граммофон.

На этих днях — шестнадцать лет подростку-веку.
Ему не хочется быть рифмой к человеку,
И стылый воздух на заснеженную реку
С железных крыш сметает лживый сон.

Дворец на Мойке. Электрические свечи.
И перья страуса склоняются на плечи.
И полумаски под прическами лепечут
О том, что сам Распутин приглашен.

Сникает шорох лакированных ботинок,
Бледнеет бархат и смолкает «Аргентина»:
Из рамы двери,
                                как взбесившаяся картина,
Толкнув лакея, вваливается он.

Колдун, пророк, и бородица — рыжей лавой...
По волнам танго он недолго взглядом плавал —
Медвежьи глазки — зырк налево и направо,
И каждый в зале к месту пригвожден.

В холодной паузе застыли эполеты,
Не кольхнуты ни боа, ни блики света,
И оркестранты — как трефовые валеты
В кривом и белом зеркале колонн...

И вдруг он вышел,
Но кто-то слышал,
Как заперевшись от гостей,
По блюдам шарит он —
Цыпленок жареный
Уже обглодан до костей...

А зал — как мир: его смычки опять в ударе.
Танцует сам подросток-век со смертью в паре,
Сквозь вуалетку в этом медленном угаре
Пустых глазниц еще не видит он.

Под ветром тени фонарей танцуют боком.
В декабрьском воздухе, ночном и одиноком,
Смерть на плечо ему роняет снежный локон —
Февральским вьюгам путь освобожден.

Под звон, катящийся вдоль Крюкова канала,
Гудит Коломна, и залив мерцает ало...
И вот по набережной время побежало:
Убитый век убийцей наречен.

И сам себя под стон валторны и виолы
Несет топить, в мешок засунув трупом голым,
Пока к заутрене у синего Николы
Бьет танго колоколом голос похорон...

Белой черемухой
Кажутся липы,
Белый мороз дерет
Ветви до скрипа.
Доносят ветры снег
С дальних окраин...
В одном лице сей век
Авель и Каин:

ПЛЯСКИ ИСТОРИИ

«Смело мы в бой пойдём...»

«Вихри над нами...»

Век — он в лице одном

Феникс и пламя...

...А феникс жареный,

А феникс пареный

В костер заката погружен...

«Аль водки мало?»

«Даешь — подвалы!»

«И грабь награбленное, мать твою в закон!»

Распутин — всё, Распутин — все, Распутин —
всюду:

Он в тех же самых бойких ритмах бьет посуду,
И черный маузер, готовый к самосуду,
Висит на поясе, как дремлющий дракон.

Но не поверив, что История ослепла,
Цыпленок-феникс возрождается из пепла,
И ... крылья складывает: снова — камнем в пекло
Под хриплый смех столпившихся ворон!

Квадраты черные в кварталах ночи белой.

Углы вылизывал закат осатанелый.

И глыбой алой на Исаакии горел он —

В петлице чьей-то вянущий пион...

В скрипичных воплях ленинградского трамвая,

На каждом такте равномерно замирая,

Танцуют тучи, отсвет пламени стирая,

Но не задев недвижимых серых крон...

Внизу скелет гранитный выпятил недобро

Мосты, как черные недышащие ребра,

И танго мертвое скользит, и пляшет кобра —

Змеиным ритмом век заморожен.

По серым улицам без видимой причины
Ночными воронами шастали машины,
И под конвоем выходили в ночь мужчины,
И до утра опять не спал район...

Над красной жестью крыши неслышными шагами
Крадется танго равномерными кругами,
Влипая в паузы бескостными ногами
Над полутрупом вымирающих времен...

В ту полночь волчью
Бек вышел молча,
Чтоб навсегда уйти с земли.
Его поймали,
Арестовали
И на Литейный повели.
Пока не помер —
Двадцатый номер
Ему таскать по лагерям...
Пока не ожил —
Всё будет то же,
И там и тут, и тут и там...

От Воркуты до Колымы проходит путь он,
И конвоирует его опять Распутин,
Да танго старое, знакомое до жути:
Опять заел на вахте патефон...

И над землей, как сумасшедшая шарманка,
Неотвратимое, как гусеницы танка,
От самой Праги до Камчатки воет танго,
И машет ворон крыльями погон

Над мертвым фениксом за проволокой крепкой,
Где рубят лес и где стволы идут на щепки ...
А на плакатах, улыбаясь из-под кепки,
Глядит Распутин в зареве знамен.

Август 1966 — Ноябрь 1973 г.

Отрывки из текста

Повесть

Автор публикуемой ниже повести Евгений Кушев известен нашим читателям еще по рукописному российскому журналу «Русское Слово», который был целиком воспроизведен в «Г р а н я х» № 66 (1967 г.), и по книге «Отрызком карандаша. Стихи и проза» (изд-во «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1971). Его биографические данные см. в «Г р а н я х» № 79 (1971), стр. 95. Повесть Е. Кушева была получена нашей редакцией еще до его выезда из России. В настоящее время он находится в Западной Европе.

Дробь выбиваемая колесами похожа на неврастеническую дробь барабанов перед казнью

серый солдатский строй на переднем плане столбы и жуткое зияние свеженьких ям мужественные лица осужденных отказ от исповеди плевок в офицерскую морду прощальные крики тонут в громовых раскатах дружного залпа.

последние кадры кинофильмов о войнах и революциях

приходится то и дело сгибать колени амортизировать

словно летишь на лыжах с крутой горы

откидываться спиной к стене чтобы не упасть когда заносит в сторону на поворотах которых слишком много на этом отрезке железнодорожного пути

Противно ноют зубы

появляются и исчезают снова выплывают и проносятся мимо поля с грязными подпалинами на сером сне-

гу склады кирпичные и блочные заборы новые кварта-
лы дома в двенадцать и четырнадцать этажей дорога без
твердого покрытия ямы красная глина несчастный гру-
зовик притулился у обочины несчастный шофер роется
в моторе рытвины пустое пространство грязь вдоль на-
сыпи белое небо лес на горизонте синий и голубой

— Простите с какой стороны будет платформа —
вопросительно смотрит и ждет ответа маленький чело-
вечек мятая шляпа съехала на затылок пальтецо драп-
велюродерюга во рту папироска-гвоздик зажег спичку
и прикурил талантливо обнимая пламя чтобы не задуло
лес на горизонте синий и голубой белое небо вблизи
маленькие зеленые елочки голые ветки деревьев щети-
на кустарника закиданный снегом овраг

наплевать ну абсолютно наплевать с какой стороны
будет платформа и какое это имеет значение неужели
нужно экономить даже шаги

овраг искусственный пруд оранжевый трактор пе-
реезд и платформа с левой стороны по ходу поезда

маленький человечек выходит

— Вот слева платформа —

бубнит себе под нос и роняет папироску растяпа

злбно шипя сдвигаются створки автоматических
дверей ты снова принимаешься разглядывать унылый
пейзаж непонятно какого времени года месяц зимний а
оттепель навязывает весну

мост а внизу шоссе поток машин фабрика или завод
черный дым из высокой трубы серые крыши цехов ог-
ромные буквы «НАША ЦЕЛЬ — КОММУНИЗМ!» при-
земистые строения поселка пустая улица тяжело ползу-
щий автобус гора угля будка путевого обходчика

двое входят в тамбур

взгляд останавливается на стае ворон кружащей
над полем

очень сильно болит голова загнали в голову желез-
ный болт раскроили череп на две равные части

геометрия

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

двое курят пускают дым кольцами у кого лучше получится у обоих получается очень хорошо

красные фанерные щиты белой краской ровно и аккуратно «Слава труду!» на одном и «Слава КПСС!» на другом

стены тамбура исцарапаны ногтями гвоздями ключами ножами булавками все имена инициалы клички даты и даже одно неприличное слово из трех букв синоним мужского полового органа

двое продолжают курить

прошлогодняя жалкая трава на откосах мусор гравий огромная пустая консервная банка из-под балтийской салаки блестит как зеркало

поезд замедляет ход

бам-бам стучат бам-бам колеса бам-бам

водонапорная башня виадук крохотные домики с крохотными участочками огороженные крохотными заборчиками здание станции пронзительная розовая краска церковь вдали синяя с белым действующая в подтверждение чего золотом сияют все восемь куполов черный мужской силуэт прыгает под колеса локомотива черными буквами «не ходите по путям — опасно для жизни» расписание к Москве и расписание от Москвы газетный киоск

проезжаешь мимо

выходишь

возвращаешься назад

мимо повалившейся изгороди мимо шикарного объявления «сегодня в клубе вечер танцев» через голое поле в сторону церкви по широкой хорошо утоптанной тропке с правого боку магазин торговля вином хлебом сахаром конфетами табаком и крупами за магазином элегантный пивной ларек возле него мужичишка в ватнике с пустой кружкой в руках пьяно пританцовывает очень сильно болит голова

пиво мутное и кислое но от него становится легче а пьяный мужичишка пытается что-то вымолвить ты не

слушаешь его
теперь церковь совсем близко
женщина в синем платке идет навстречу лицо ничего
не выражает идет
и всё разминулись поскользнулся и чуть было не
шлепнулся
сияют купола
ворота
церковь остается за спиной
сгорбленная старушка-сторожиха синий нос крючком
как у бабы Яги только помела нет есть обычная клюка
с резиновой обувкой
еще одни ворота
люди
тропинки разбегаются в разные стороны
— где мне тут искать сто двадцать третий участ-
ток —
вопрошает мужчина в дохе
— это где-то там в той вот стороне —
сугробы с обеих сторон и слева и справа сугробы одни
только сугробы огромное пространство сугробов
вот и добрался
— здравствуй мама —
небольшой сугроб выпуклость земли укрытая снегом
могила похожая на сотни других фанерные тумбы с
красными звездами гранитные плиты
железные кресты арматура цепи планки и рейки ска-
мейки и столики могильные ограды похожи на детские
кроватки радужные цвета зеленый и голубой
огромное белое поле в сугробах
пустая поллитровая бутылка
железная табличка утонула в снегу
отбрасываешь рукой снег
болт поворачивается в голове
оступаешься
мама
падаешь

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

сколько тут снега и не тает
на могилу и лицом в снег
плачешь

***

Новый год встречаешь в компании чужих и чуждых
людей роковое стечение обстоятельств ошибка которую
не исправить

всеобщее внимание привлекает киноактриса Марина
Текинская почти красавица рекламная открытка с ее
изображением

кстати очень неудачная ведь в жизни Марина куда
эффектнее продается во всех киосках «Союзпечати» и
стоит пять копеек она выпущена бюро по пропаганде
киноискусства и сообщает на обороте что Марина Те-
кинская в 1966 году окончила актерский факультет
ВГИКа и снималась в фильмах

следует несколько мудреных названий

открытка не сообщает физических данных но примерно
так сказать «на глазок» рост Марины 167 сантиметров
а объем груди талии и бедер на глазок не определишь
на открытке нет также ее ног красивых и сильных
мужчины крутятся около неё и очень ласково произ-
носят

Марина Мариночка Мариника

ну это уже полная глупость

возражает актриса

что еще за Мариника

и автор Мариники пристыженно опускает глаза а они
у него великолепные

присутствие Марины является неоспоримой заслугой
хлебосольных хозяев дома затащить такую птичку в
глубокий мещанский омут мало кому по силам

пятый час утра и скоро уже начнет работать метро а
такси поймать в эту пору просто гиблое дело
женщины выдохлись и сидят в рядочек за столом

на столе еще много выпивки остатки закуски горы
грязной посуды холодный чай в элегантных чашечках
злобно взирают на своих мужей
ведут милую беседу
не нахожу в ней ничего особенного очень заурядное
лицо не понимаю что в ней нравится мужчинам тоже
мне звезда и в рифму
мужчины всегда теряют голову в присутствии знаме-
нитостей
оставьте дорогая вы тоже ужасно любите имена
я да вы с ума сошли пропади они все пропадом эти зна-
менитости мы просто живем в доме где много писателей
генералов актеров поневоле приходится общаться
кстати знаете этот из Большого театра ну как его ну
очень известный так я узнала что он педераст
а они там все такие
нет зачем вы так говорите многие женаты
а это только для отвода глаз
посмотрите посмотрите да посмотрите же как ваш юлит
возле этой
нет это ваш юлит
все они юлят все хороши мерзавцы
посмотрите посмотрите ваш помолодел лет на десять
посмотрите ваш уже наакался за своим следите сей-
час упадет
не упадет еще столько выпьет и хоть бы что
ну и прорва
я ужас как устала сейчас лягу прямо тут и усну
и я устала сейчас ляжем друг на дружку и захрапим
а шалопаев этих
выгоним ха ха ха
представляете я спала сегодня часа три не больше то
то надо сделать то это
у М. П. жуткая трагедия буквально на днях разбилась
его жена насмерть
ну конечно насмерть
самолет разбился

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

нет хуже ехала в автомобиле так колесо отвалилось бах
и все

а я вот слышала что она с любовником из-за города
возвращалась с дачи обои пьяные были в стельку ну
и вот

полная чушь я-то уж получше вашего знаю мы с М. П.
живем в соседних подъездах он просто убит горем
как же он сегодня по телевизору выступал такой ве-
селый жизнерадостный

что им делается артистам надо плакать так плачут а
надо смеяться так смеются

ну не говорите такое горе

эти передачи готовятся заранее за месяц или за полтора
не знаю но заранее

ох на самолетах лучше не летать боюсь я этих само-
летов едешь на поезде все так тихо спокойно

а я вот только на самолетах и быстро и удобно и
приятно

вы смелая женщина

смотрите ваш целует ей руку о как это трогательно

пускай целует я не ревную он обожает это делать

а мне он не целовал

он целует только худым блондинкам

худые блондинки фи у него дурной вкус

как вы думаете сколько ей лет

думаю что-нибудь около тридцати

если ее умыть и высморкать то все сорок будет

не болтайте она молода

но изрядно потаскана

кто-то пускает магнитофон на полную катушку быст-

рый безумный твист Чеди Чекер очень старая запись

тата тира тира ти та ра ти ра татир тира тира та ти

ра ти ра

Марина высокая стройная блондинка грациозно взмахи-

вает руками волосы распущены туфли сброшены она

готова начать танец а мужчины вьются как ужи тря-

сут задами виляют бедрами

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

сейчас поищем поищем он только что был тут
Боба пьяный в дым мирно спит в соседней комнате
подложив под голову собственный ботинок
спишь негодяй он всегда спит когда выпьет
она прикладывает ладонь к его лбу как это делают
детям когда хотят узнать есть ли у них температура а
Боба открывает глаза и ноет плаксивым голосом
о я несчастный сплю тут на коврике а дома меня ожи-
дает теплая постелька я одинок я покинут я страдалец
Бобочка маленький я тут я с тобой уже пора ехать
о минутку еще только одну минутку если я сейчас вос-
стану то жидкости наполнившие меня выплеснутся на-
ружу о это будет настоящий потоп товарищи дамы и
господа краснокожие братья и сестры мои
соорудите скорее ковчег
может быть принести таз
он просто притворяется
говорит Марина и двумя пальцами брезгливо вытаски-
вает ботинок из под его головы кидает ему на грудь
о ты обидела мой ботиночек мой бедный ботиночек о
мой бедный ботиночек тебе больно больно больно
Бобочка нежно целует свой бедный ботиночек
молчи дурак прекрати паясничать мне это надоело че-
рез пять минут мы поедем
мужья шушукаются между собой жены зевают и кор-
чат рожки зевота
одолевает всех женщина с бокалом шампанского ходит
из угла в угол
ходит из угла в угол
Мариночка мы сейчас снова пустим твист
она отгоняет их рукой кыш кыш брысь пошли
нет не нужно я очень устала танцуйте сами
выходит на кухню и садится там у раскрытого окна
смотрит на тебя
её безразличие сменяется некоторым интересом зажи-
гаешь спичку и прикуривая она берет тебя за запястье
и дрожь пробегает по твоей руке и расходится у шей-

ных позвонков она курит то и дело высовывая кончик розового язычка пристально изучает тебя или подразнивает

яркий свет режет мне глаза

и щелкает выключатель

вы любите стихи

спрашиваешь ты робея от ее близости от запаха духов

и помады этого химического барьера

что ах стихи ну конечно

рассеянно произносит она

я сама пишу стихи милый

Марина

обнимаешь ее за плечи и она сама начинает целовать

тебя она прокусит тебе губу

о я дура я глупая дура

она отстраняется запускает руку тебе в волосы и повторяет

я дура я глупая дура

ты снова пытаешься обнять ее

нет нет я устала все я хочу на свежий воздух мне надоели эти морды

она гладит тебя по волосам

плюнь ты на этого Бобочку поедем вместе давай поедем вместе

нет нет я пьяная я глупая дура

о какой тут интим о фо фо

наигранный голос женщины с бокалом шампанского вспыхивает свет из коридора доносятся голоса гости собираются по домам Бобочка в носках бегаёт по квартире

где мои ботиночки ау мои ботиночки ау я ищу вас

хватит валять дурака идиот

зло говорит Марина и бьет его по щеке

Бобочка кривит губы все смотрят на него широко раскрыв глаза

зачем вы так он очень забавен зачем

он очень забавен этот идиот очень забавен

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

произносит Марина и снова бьет Бобочку по лицу
Бобочка сейчас заплачет
я и вам могу
оставь их оставь эту психопатку мало того что крутил-
ся около неё весь вечер
Марина резко поворачивается
заткнись сука
и муж и жена и все прочие что стоят у дверей разева-
ют рты однако пора прощаться
спасибо спасибо очень рада была познакомиться боль-
шое удовольствие очень рада спасибо
Марина похожа на большую куклу
ах ах
ты помогаешь ей надеть шубку
удивительная особа хамство граничит с непосредствен-
ностью
но женщина с бокалом шампанского не успевает до-
говорить
заткнись сука
ах ах
все ошарашены
Марина с Бобочкой выскальзывают за дверь ты за ни-
ми Бобочка еле стоит на ногах
неужели мы больше не встретимся
ласковый шёпот щекочет твое ухо
встретимся милый непременно встретимся я жить без
тебя не могу
и она дает тебе бумажку со своим телефоном

***

Очень интересный номер акробатический этюд или что-
то вроде спортивного танца
большая кукла очень похожа на Марину
кукла отлично сделанная кажется двигается сама по
себе она как живая актер в черном трико а кукла в
красном желтое пятно прожектора и они в этом пятне

и очень приятная музыка
но зал аплодирует им меньше чем скажем поджарому
тенору исполнителю бездарных задушевных песен или
жонглерам которые хоть и уронили один раз булаву но
зато здорово вертели шары указательными пальцами
по-моему глупый номер
считает девица сидящая рядом
попробовал бы он меня поднять и повертеть
актер раскланивается заставляя поклониться и куклу
поклон куклы естественный и грациозный больше все-
го умиляет публику раздаются хлопки
да пожалуй глупый
соглашается спутник девицы и поправляет цветастый
галстук его лицо выражает мучительную попытку ос-
мыслить происходящее
окончилось первое отделение и весь зал мчится в бу-
фет трое пожилых мужчин обсуждают новости хоккея
женщина в розовой кофте хрустит яблоком запасливо
принесенным с собой
а что есть яблоки в буфете
не знаю по-моему есть
Маруся нужно взять килограммов пять жаль не захва-
тили с собой сетки
ничего в пакеты возьмем
у входа за кулисы маленькая старушка в черном хала-
те не доверяя своим силам зовет на помощь пожарни-
ка тот шевелит пушистыми усами и зычно трубит
нельзя сюды молодой чеек тута актёры
видя что на него не обращают внимания он раскидыва-
ет руки загораживая проход и снова трубит
идите в буфет в фойе а сюды нельзя артисты тута де-
корации
но ты пробиваешься сквозь живую изгородь погони нет
трубные звуки затихают за спиной
светловолосая женщина в тёмном костюме пьет кофе
из термоса
понравился концерт

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

очень а вы будете выступать
о нет я всего лишь администратор
скажите а этот номер с куклой этот артист еще не ушел
нет не ушел он здесь могу вас с ним познакомить
будьте любезны
и вы идете вглубь коридора
а это удобно
интересуешься ты
удобно
артист уже переоделся в свитере он кажется более худым чем на сцене вытирает полотенцем лицо
Миша с тобой хочет познакомиться молодой человек
она уходит тук тук тук
чем могу служить
артист поднял голову и бросил полотенце в раскрытый чемодан
интересно взглянуть на вашу куклу мне очень понравился ваш номер это так оригинально
смотрите
бурчит артист пожимает плечами и открывает футляр
ну просто живая женщина лежит в нём с открытыми глазами
она из полиэтилена
артист Миша не ответил он вышел в туалет
ты гладишь куклу по волосам пальцем касаешься ее губ оттягиваешь трико на груди как настоящая только без сосков и пытаешься усадить ее но вот входит артист Миша и нервно произносит
не трогайте
она что живая
да живая
говорит артист и поджимает губы они у него тонкие и злые

***

Встречаешься с Мариной в поздний час у «Националя»

совсем случайно ты старый добрый знакомый и она кидается на шею
я пьяная я совершенно пьяная я на Новый год была
пьяной и значит примета сбывается возьми меня к себе
я хочу в тепло
в такси она лезет целоваться
ой задушишь мой славненький зверёчек
она смеется у нее изумительные зубы
а это портрет твоей девушки
спрашивает она у тебя дома
это моя мама
очень интересная женщина да да вы очень похожи значит
когда она придет я должна буду уйти
она умерла
и у меня мама умерла это так ужасно просто невыносимо
а когда умерла твоя мама
на этот Новый год когда мы познакомились
бедный мальчик у него умерла мама
говорит Марина и снимает платье и кидает его на пол
и снимает чулки и прыгает в постель и укрывается
одеялом
гасить свет это ее профессия
о как жёстко ты что спартанец
пытаюсь
ты очень смешной я тебя люблю у тебя очень смешная
верхняя губа дай я тебя укушу
я тоже люблю тебя моя собачка
гав гав я тебя съем о какой ты сильный ты что занимаешься
каким-нибудь самбо
ношу женщин на руках
значит очень часто сильный великолепные мышцы
стальные
поцелуй нет не так вот так так
сильный
ты вся моя вся моя
да да о положи руку вот сюда
я сразу влюбился в тебя

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

глупенький мой глупыша
ты вся моя
да
и я хочу быть с тобой всегда и никогда не разлучаться
никогда
оставь это мы всегда вместе
зачем тебе этот Бобочка ну пошли его к чёрту
не обижайся пойми он мой муж муж он спас меня он
спасает меня каждый день каждую минуту я не могу
убить его он добрый он славный
милая родная
не надо ты этого не понимаешь
иди
он добрый он хороший о Боже мой я мучаю его я всё
ему рассказываю я издеваюсь над ним
я хочу чтобы ты была только моей
я не буду больше приходить
будешь я люблю тебя мы любим друг друга
я приду милый
мы будем всегда вместе
да милый
люблю
о как хорошо
да очень хорошо
но утром всё будет по-другому только ночь наша
нет всё время наше все дни и ночи
утром тебе будет противно
утром мне будет прекрасно
как смешно но я сейчас гораздо пьянее чем была
я тоже
милый мой
люблю тебя люблю слышишь
милый
ты спишь
нет не сплю я не могу с тобой спать я ужасно счастли-
ва с тобой
и я

но надо спать
надо
спи
не буду спать не хочу спать не умею
тебе жарко
нет нет нет я люблю тебя не уходи будь со мной все-
гда вот так со мной мне страшно без тебя я люблю тебя
я боюсь без тебя ты нужна мне я сам себе не нужен
только ты нужна мне ты понимаешь о чем я говорю

***

Я приехал домой а мама пила чай под глазами у нее
были темные круги мама пила крепкий чай
когда вы приехали
в семь утра что-то около этого под глазами у нее были
большие темные круги я поздравил ее с Новым годом
поцеловал не помню уже сейчас сколько раз ну это не
имеет значения и лег спать
и сколько спали
часов пять
значит легли в семь а встали в двенадцать
нет я просыпался раньше часов в десять и звал ее но
она не отвечала в квартире было тихо я думал она спит
и снова уснули
и снова уснул а потом проснулся от внезапного толчка
что-то толкнуло меня мне стало не по себе я вскочил и
кинулся в ее комнату но к двери было приставлено
кресло с той стороны я толкнул дверь кресло упало я
влетел в комнату и увидел маму она сидела на тахте
а голова свесилась на грудь
сидела на тахте а голова свесилась
даже не сидела, а как-то полулежала была в какой-то
неестественной позе на плече у нее сидела наша кошка
Савелий
кот Савелий
нет кошка Савелий она у нас самочка

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

а почему у нее мужское имя это неправильно
неправильно то что у нее человеческое имя а вообще-то
кошки едят покойников вот у нас в деревне
послушай бабуся замолчи-ка со своей глупостью
нет едят едят
бабуся очень обижена
продолжайте
я выбежал на улицу в автомат дома у нас телефона нет
вызвал скорую помощь
а как вы поняли что нужно вызвать скорую помощь
как это понял
ох ох бедный мальчик ох
рядом с мамой у ее ног на полу стоял стакан с остатка-
ми белой кашицы она сначала развела таблетки а по-
том выпила тут же валялись пустые пакетики из-под
люминала целых восемь штук и два потом я нашёл в
помойном ведре
так в помойном ведре а записки никакой не было
нет нет не было я не стал ждать скорую помощь а взял
маму на руки и понес в больницу она тут рядом метров
триста не больше
почему она поступила так как вы это объясняете
не знаю у нее была очень тяжелая жизнь ее не приняли
в комсомол
не приняли в комсомол но это было так давно
ее отец был священником он умер давно еще до войны
и маму из-за этого не принимали ни в комсомол ни в
институт а еще старший сын то есть ее брат эмигриро-
вал в Харбин от так и исчез о нем ничего не известно а
первый муж мамы умер во время войны
погиб
нет умер в лагере он был скрипачом и отказался идти
на земляные работы боялся испортить руки и ему дали
три года он вскоре умер в лагере от туберкулеза а мама
была на фронте она лейтенант юстиции и там познако-
милась с моим отцом первый ребенок у них умер потом
они разошлись я еще в школу не ходил у нее никого не

было кроме меня а я последнее время редко бывал дома
а что так
да занятий много в институте когда вставал ее уже не
было ушла на работу а когда приходил так она спала
вот здесь распишитесь
следователь уходит и тут врывается целый табун
одних ты не знаешь совсем других изредка встречал
лица третьих смутно помнятся по фотографиям
родственные чувства родственные чувства
нет не так
ройственные чуйства
так вот лучше пожалуй точнее
врываются не только родственнички но и какие-то яко-
бы друзья и все якобы сочувствуют
расположились на постой стреножились и в большой
комнате и в маленькой и в прихожей и на кухне
окружают кольцом засыпают вопросами зудят как му-
хи жужжат как шмели бубнят как докладчики ноют
воют пищат заламывают руки обнимают целуют толь-
ко волосы на голове не рвут
ах какие у них слюнявые губы
распоряжаются советуют сетуют участвуют
заверните на кухне кран погасите в уборной свет от-
кройте дверь
завёртывают гасят открывают произносят очень длин-
ные фразы
например
жаль очень жаль что так произошло и надо же было та-
кому случиться
о какой ужас просто кошмар а мы так все любили вас и
конечно это трагедия потому как одному очень тяжело
будет но не надо отчаиваться жизнь на месте не стоит
жизнь продолжается и все хорошее у тебя еще впереди
думают
она была противной неприветливой не любила нас ни
разу не поздравила с праздником к куму брату свату не

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

приехала на юбилей и уж конечно считала нас дураками

я знаю знаю

киваешь головой а сам считаешь

вы никогда не любили её ни разу ничем не помогли осуждали стыдили оскорбляли и она вас терпеть не могла презирала не помнила не знала отворачивалась при встрече

гудели

каким она была хорошим человеком у нее трудно сложилась судьба но мы советовали ей предупреждали мало того вот Маркел скажет он-то всё-всё знает он скажет

ну скажи скажи дядя Маркел

и он говорит но ты не слушаешь его

мама отличалась от вас всем всем всем внешностью голосом манерами всем всем всем ей никто не давал больше тридцати лет а она с двадцать пятого года она никогда не повышала тона и никогда не злилась она понимала массу вещей которых вам никогда не понять вы тупые ее нет а вы живы завистливые злые знающие толк во всем правильные честные умудрённые жизненным опытом обманами лестью подхалимством корыстью подлостью

как же ты теперь будешь жить

кто тебе будет помогать

ты должен прописать к себе кого-нибудь ну хотя бы моего Славку он как-никак твой троюродный брат

жаль что хорошая квартира со всеми удобствами правда нет мусоропровода но зато помойка рядом и можно сбегать туда не надевая пальто и такая квартира останется этому молокососу который не знает ещё почем фунт лиха и не умеет трудиться он начнёт водить девиц и станет пьянствовать попадет под дурное влияние и тут его сцапают и дадут срок и отправят в лагерь а квартира пропадет хорошая квартира из двух комнат со всеми удобствами правда нет мусоропровода

ты думай думай как будешь жить дальше
не знаю не хочу сейчас об этом говорить
о милоч только сейчас об этом и говорить тебе нужно
обязательно закончить институт и только не вздумай
жениться а не то отсудят у тебя жилплощадь и самое
главное это поменьше друзей они до хорошего не дове-
дут сам брат знаешь дружки приятели водка девочки
а потом в карман залезешь
они толпятся кишат вокруг мотыль для кормёжки аква-
риумных рыбок раскрывают рты и пасти животные
брызжут ядовитой слюной хлопают глазами вздымают
брови закатывают глаза выдавливают сострадание лы-
сые бритые брюхатые бледные круглые розовые квад-
ратные лохматые
гладкие плоские зелёные двулапые и четвероногие кро-
кодилы пни коряги черти полосатые они окружили их
носы впиваются сейчас проткнут насквозь
где тут можно помыть руки
безусловно тебе не следует оставаться одному о воспо-
минания это не так уж просто о прошу поверить мне
когда умерла моя бабушка я от горя места себе не нахо-
дила не знала куда себя девать
брат троюродной твой славный малый рыболов а азарт-
ный какой
поверь мне я на воспоминаниях собаку съел
ой что за ужас вошёл и увидел представляю что ты ис-
пытал бедный мальчик а сколько же тебе лет
ой ой ну ребенок ну совсем ещё ребенок в его возрасте
я была круглой душой
зачем же она это сделала вне всякого сомнения за этим
кроется какая-то темная история вот до чего доводит
беспутство легкомыслие чрезмерная гордость
только в уборной можно спастись от этих насекомых
жаль сигарета как назло не тянется
туалет здесь
скребутся кто-то гасит и снова зажигает свет
занято там кто-то сидит

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

а где он вы его видели
только что был здесь
ногой спускаешь воду для конспирации и снова выхо-
дишь к этим беспозвоночным
с отцом-то ты как уважай отца-то ему тоже плохо от-
цу-то
набрасываются они
поговорил бы с отцом
отец он всегда отец пропустите его к отцу
а где он где он
он только что вышел на лестничную клетку
пропустите его к отцу
сейчас его позовут
стоишь и слушаешь стоишь и слушаешь что говорит
тебе отец низкорослое корявое существо с бараньими
глазками бородавкой на носу и шерстью в ушах которое
обзавелось новой семьей жена с детьми сейчас дома
пьют чай и смотрят телевизор а само аккуратно выпла-
чивало алименты регулярно встречалось с тобой води-
ло в цирк и в зоологический парк показывать себе по-
добных
слушаешь отца глядишь на институтский значок при-
винченный к лацкану его черного костюма уже совсем
не нового слушаешь его в такси по дороге в морг и в
автобусе с черной полосой который везет гроб на клад-
бище а голова мамы глухо стучается о стенки на ухабах
тук тук тук
ее сильно заморозили очень сильно
какое сегодня число
седьмое января
вы с ума сошли сегодня восьмое
не может быть
вот не знала что кресты продают и недорого железный
крест всего 12 рублей 50 копеек это же на всю жизнь
хватит
не сильно дерут
погоди вот я на заводе договорюсь такую ограду сделаем

для памятника нужен черный камень
а фотографироваться будем
это как сын решит
он не хочет
напрасно
гроб родственникам нельзя нести это примета такая кто
понесет тот следом и в могилу сойдет
а в церкви отпевали
как можно ведь хоронят за счёт предприятия
самоубийц не отпевают
открывать будем
у могилы откроем жуткий мороз
да холодина такая что околеть можно
надень шапку-то уши отморозишь шапку-то надень го-
ворю а не то менингит схватишь мороз-то какой лютый
смотрите смотрите генерала хоронят а солдат-то сколь-
ко нагнали
смотрите с ружьями стрелять будут
а вот совсем свежая могила
впереди смотрите сколько пропасть людей умирает
а молодых сколько
далеко еще мороз жуткий какой
кто-то плачет а ты нет мельком смотришь на маму и от-
ворачиваешься
подойди попрощайся
он хочет запомнить маму живой
оставьте его в покое отойдите
двое верзил слегка пьяных ловко опускают гроб в моги-
лу люди согласно обычаю кидают комья мерзлой зем-
ли бах бах бах по крышке гроба очень гулко кто-то
кашляет кто-то всхлипывает кто-то сморкается огляды-
ваешься на маленький холмик рыжей глины ветер раз-
вевает ленты на тряпичных венках обжигает твои щёки
ну кажется всё в порядке
удовлетворенно говорит представитель предприятия
в ушах всё еще раздаются резкие удары молотка
крепись мужайся

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

искренне соболезнаем искренне
ты молчишь

молчишь и по дороге домой отец снял ботинки и пальцами разминает копыта молчишь на поминках где пьют водку из маленьких стаканчиков и не чокаются как обычно молчишь и смотришь как пожирается мясо как обглаживают бараньи кости кладут на тарелки кислую капусту режут на дольки соленые огурцы молча киваешь головой в знак прощанья

мужайся мы будем заглядывать тяжело но что брат поделаешь думай о будущем всё забывается время лучший доктор
и остаешься один

***

В уютной хорошо обставленной квартире за большим столом сидят вполне приличные люди ведут приятную беседу о том о сём

ласковые голоса женщин

отчетливая речь мужчин

легкое вино черный кофе пирожные фрукты минеральная вода

как в лучших домах Лондона и Филадельфии

шесть человек три женщины трое мужчин и ты седьмой очаровательный блондин

как отмечают женщины

или светлый шатен с мужественным подбородком и соколиным взором

таково мужское мнение

хозяйка чуть склонная к полноте живая и обаятельная ей что-нибудь около сорока излагает обстоятельства вашего знакомства

иду по улице и ужасно трушу я вообще ужасная трусиха вы это знаете время позднее второй час ночи жуткий ветер фонари не горят всё эта экономия электричества а вы знаете какой у нас бандитский район

и тут слышу у себя за спиной шаги о Боже просто
разрыв сердца

хозяйка с улыбкой смотрит на тебя

это был он

теперь уже все смотрят на тебя

это был он я сразу прониклась доверием у него такие
очаровательные глаза такие чистые ну думаю банди-
том быть не может и попросила оказать любезность
проводить меня до дому он галантно взял меня под
руку и мы пошли рядом но тут меня снова объял жут-
кий страх а вдруг он ха ха попытается воспользовать-
ся моим беспомощным положением

присутствующие лукаво косятся в твою сторону ты
смуцаешься опускаешь взгляд теребишь бумажную
салфетку

но он вел себя по-рыцарски мы очень мило беседовали
сейчас уже не помню о чем именно кажется о погоде
я только попросила его чуть-чуть убавить шаг он ходит
очень быстро просто летит на крыльях ещё бы он пи-
шет стихи и какие изумительные стихи ну так вот он
довел меня до парадного и мне показалось что будет
как-то неудобно взять и сказать ему прощайте я при-
гласила его подняться выпить кофе милый мальчик
она гладит тебя по плечу

он сказал что это неудобно так поздно но я ему ничего
ничего и просто силой затащила в дом о настоящий
рыцарь а как он вытирал ноги так тщательно что меня
просто разобрал смех а шапку он снял еще до порога
и держал ее в руке с королевским достоинством милый
мальчик

погладила еще раз

пока я возилась с плитой он обложился книгами я по-
зволила ему порыться в шкафу и так увлёкся что даже
не слышал как я его звала но самое интересное произо-
шло утром я положила его вот на этом диване на нем
обычно спит муж но тогда он как впрочем и сейчас
был в отъезде ха ха мы всегда спим врозь он просто

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

измучил меня своей ночной работой сидит ночи напролет долбаёт на машинке как дятел курит дует крепкий чай журналистика жуткое дело так продолжаю в шесть утра раздаются звонки в дверь я со сна ничего не могу понять кто бы это мог быть в такую рань а это муж вернулся как в анекдоте ха ха нет не угадали летом мы отдыхали в Пицунде изумительное место сосны песок и одна приятельница уговорила меня сдать квартиру одному своему знакомому такой приятный человек грузин денег у него куры не клюют за полтора месяца он заплатил нам сто пятьдесят рублей итак звонки в дверь я набросила халат выбегаю рыцарь мой уже успел одеться и застелил даже постель нет по-моему даже убрал её куда-то и стоит посреди комнаты с самым невинным видом закройся в комнате говорю ему а сама спрашиваю кто там а в ответ откройте милиция нет заявляю не открою мы вам не звонили думаю действительно какая может быть милиция а они требуют откройте мы по очень важному делу я не открою боюсь вы не милиция открывайте открывайте мы в форме подумаешь в форме тот тип что в космонавтов стрелял тоже был в форме а они уже кричат откройте дверь что мы с вами будем шутки шутить я дверь на цепочку бац и открываю смотрю две усатые физиономии и в штатском только хочу снова захлопнуть как один из них раз и ногу вставил и под нос сует мне удостоверение правда милиция пришлось их впустить и вот что оказалось наш бывший квартирант крупный аферист что-то там натворил и его посадили а эти двое прилетели на самолете из Тбилиси специально к нам узнать что он тут проживал ну спрашивали кто к нему приходил а я-то ничего не знаю выясняли не оставлял ли каких-либо вещей нет отвечаю ничего не оставлял спрашивают а сами всё на моего рыцаря смотрят думают наверно что это мой любовник ха ха ха а сами носами клюют очень устали спать хотят я предложила им выпить кофе раз уже так слу-

чилось они согласились вели себя очень мило и перед уходом пригласили к себе в Грузию правда адресов не оставили впрочем они из уголовного розыска их там можно будет найти ха ха ха

эта история вызывает общее оживление и один из мужчин начинает рассказывать о своем путешествии в Сванетию которую он исходил вдоль и поперек

знаете ли они все вооружены трофейным немецким оружием у них есть даже автоматы и главное там никакой советской власти там у них своя власть в каждом доме висит портрет Сосо первый тост обязательно за него я отказался пить они удивились почему я объяснил что у меня много родственников погибло в тот период и пить за это я не буду они посмеялись правда вначале я думал они меня зарежут но они больше не поднимали этого тоста интересно то что сваны очень почитают родителей и вообще всех пожилых людей если отец не пригласил сына за стол тот никогда не сядет сам хотя может иметь уже не только детей но и внуков

да да это именно так

у этих маленьких народов очень сильны старые традиции у нас у русских этого нет вот придите просто к кому-нибудь и скажите я мол русский ну и что же ответят вам а вот у нацменов всё по-другому у них солидарность

кстати интересные процессы происходят на Западе замечает кто-то

буквально десять лет назад никто не слышал о существовании каких-то там валийцев или бретонцев все считали что жители Уэллса и Бретани это англичане и французы и вдруг пожалуйста нате вам кидают бомбы требуют независимости называют себя европейскими индейцами или франко-канадцы в Квебеке тоже вдруг захотели отделиться спрашивается для чего и зачем их же там никто не угнетает в Канаде два официаль-

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

ных языка всё очень просто высокий уровень национального сознания культуры

Мнемозина мощная женщина с хорошо развитой тазобедренной частью заявляет

хватит говорить обо всех этих меньшинствах голова трещит от этих проблем тем более они нас не касаются о еще как касаются

ерунда я вот расскажу вам какой вчера произошел со мной забавный случай

мы все внимание

наняла я женщину вымыть окна и вот явилась вместо

мытья окон я получила концерт представьте себе бабу

здоровую сильную целая гора и кондовый такой текст

видит я булку маслом мажу у-у-у говорит хорошо питаетесь

масло на столе а я так ведь только в кашу живете вы хорошо

мебель стильная вещи красивые сразу видно что не ворованное

и колготы на вас заграничные и туалетная бумага в уборной сразу видно культурно

живете вы кто наверно актерка будете нет отвечаю

косметичка а это что большая должность я вот плохо

живу с сестрой и с мужем ее она у меня в мужском туалете работает

и замуж вышла за милиционера не побрезговала а то сперва за еврейчика собиралась я

отговорила у него из уха текло так я дура по деталям

разбирать стала а богатый он был вот теперь мыкаемся

племянник меня сукой называет а ему пятый годок только пошел

и я ему желаю чтоб он культурно рос чтоб знал как ложку и вилку

держат а он меня за это матом а я ведь гордая была теперь вот окна полы мою а диплом

имею я на лифтершу кончила

тут все покатались со смеху

да еще много темных людей

и начинается разговор о культурном уровне населения

проводятся параллели делаются выводы затем снова переходят к малым народам

чечены или черкесы не помню кто именно страшно ненавидят русских

а знаете ли вы что в Союзе около полутора миллионов немцев
по последней переписи населения количество евреев уменьшилось
крымские татары требуют чтобы им отдали все побережье
прибалты страшные националисты
якуты называют себя младшими братьями японцев но они не имеют к ним ни малейшего отношения
и чем дальше в лес тем больше дров
перескакивают с одного на другое
и все перемешивается
киндзмараули теперь нигде не достать недаром кавказцы обожают славянских женщин но литовки тоже страшные а Чиковани уже умер но постоит где же это было в Игарке или в Гудаутах перевести текст с абсолютной точностью просто невозможно заявляю вам как филолог что шашлыки в шашлычной на Арбате делают из Цхалтубо в горы какой великолепный вид просто на Клухорском перевале в компании пьяных моряков в кафе Старый Томас где-то на юге и в Одессе тоже несмотря на всю бездарность подобного времяпрепровождения ты любишь бывать здесь в этой компании у Мадам как именуют
это моя подпольная кличка
хозяйку дома

***

Да и нет
добро и зло
белое и черное
таким представляется тебе все сущее в двенадцать лет ты уже большой и тебя окружают Викторы Гюго со всякими там гуманизмами
смелость честность благородство отвага храбрость долг справедливость нет середины а только так

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

правда и ложь

прекраснодушные люди не дали вырасти скорлупе которая могла бы предохранить от жестокости от правды от злой правды а не от той доброй придуманной проклятье им и благодарность

шестой класс

38 учеников столько-то девочек столько-то мальчиков достопримечательность класса уникален феномен круглый двоечник татарин Фатик

фамилия его забылась

что-то вроде Жамжымжабджинов

татарин Фатик обуреваем националистическими чувствами его армия это непобедимая армия Чингисхана железный поток ободранных истуканов со зверскими мордами

твоя армия меньше морды тоже зверские но твоя армия борется за свободу твоя армия это буры твоя армия не сдается в плен

идет невиданное в мировой истории сражение роковую роль сыграла книга Луи Буссенара «Капитан Сорви-голова»

одна из лучших книг прекрасная книга

вот мамин голос

хватит играть в солдатики садитесь за уроки вы уже не маленькие

падает сраженный пластилиновым ядром главнокомандующий буров

сейчас сейчас нам мало задали

буры окружены но лучше смерть чем позорный плен сражение проиграно но дух не сломлен дух не сломлен Фатик ухмыляется и забирает дань проигрыш контрибуцию шесть отличных марок острова Святой Елены целую серию в идеальном состоянии с величественным профилем английской королевы в правом углу на улице жарко

дочь уборщицы тети Клавы твоя ровесница жадно лопает мороженое за порцию мороженого она позволяет

себя тискать всем ребятам во дворе
а тетя Клава тащит тебя за ухо
опять ваш сорванец в чужие звонки спички вставляет
а дочь ее кретинка идет следом лопает мороженое и
ржет

мама не ругает за это не ругает за это и третий муж
мамы дядя Савелий инженер путей сообщения ему
просто наплевать он любит читать газеты любит не-

много выпить и плотно пообедать
я не люблю просто поесть а я люблю вкусненько от-

кушать

о это разные вещи
дядя Савелий боится простуды он кутает горло теплым
шарфом шарф этот гнусного кремового цвета и вообще
дядя Савелий похож на бабу он купил телевизор и
смотрит его по вечерам от и до он отдает маме всю
зарплату до копейки за исключением 25% которые вы-

читают у него за алименты

дядя Савелий приносит маме цветы

ты не слышишь что бы мама говорила ему нежные сло-

ва Савелий обед на столе

говорит мама

Савелий я взяла билеты в кино Савелий у нас не за-

плачено за свет

Савелий я купила тебе перчатки Савелий неужели ты
не можешь привинтить розетку

жирная морда Савелия и его домашние туфли все время
перед глазами до того самого весеннего дня

какое же это было число

1962 года когда он как ошпаренный выбегает из квар-

тиры

время близится к полуночи

похожий на ободранного кота или на испуганную крысу
и вслед за ним летят два чемодана два огромных че-

модана с его шмотками

прелестная картинка

Савелий хватает чемоданы у одного у коричневого об-

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

рывается ручка и Савелий пытается взять его под мышку мама стоит в дверях с немецкой статуэткой в руке память о Восточной Пруссии Савелий после войны больше года ошивался в Кёнигсберге

бросить или не бросить

мама ставит статуэтку на пол эту глупого вида пастушку со свиноподобной овечкой громко хлопает дверь с тех пор о Савелии ничего не слышно он как в воду канул

а каждое лето непременно поездка в Крым

в начале I века Пэрисад Пятый последний правитель Боспорского царства отчаявшись отразить нашествие скифов призвал на помощь Митридата впоследствии названного Великим

юноша в клетчатой рубашке продолжает гундосить скифы были разбиты но Пэрисад Пятый последний из рода Спартокидов потерял владения это был робкий и нерешительный царь а ловкий полководец из Трапезунта не захотел делить победу

юноша гундосит а у тебя перед глазами пурпур боевых плащей блеск медных шлемов

некогда великое Боспорское царство помимо того что вело обширную хлебную торговлю со многими греческими городами в том числе и с Афинами являлось и значительным культурным центром тогдашнего Северного Причерноморья или Гостеприимного Моря как его называли древние

на горизонте появляются корабли

отныне земля эта становится частью Понтийского государства чтобы стать потом вассалом Рима подвергнуться нашествию готов сарматов хазар печенегов половцев татар турок

вы пропустили генуэзцев

ах извините гренадер князя Потемкина англо-французских интервентов в Крымскую войну и греко-французских в Гражданскую

он выговорился

и наконец этого стада жизнерадостных рахитов в белых панамках на тонких кривых ножках с расписными палочками в ручонках карабкающихся к белым вычищенным дождем и ветром на протяжении двух с лишним тысячелетий колоннам славного города Херсонеса-Гераклеи-Корсуни который кстати никогда не был частью Боспора а являлся свободным полисом с аристократической властью

будь здоров колонны отгрохали

с ума сойти как красиво

вот бы тут золото найти

ты злобно плюешь и спускаешься вниз

мальчик мальчик ты не из нашей группы

так и не встретив заветного корабля который увез бы тебя в Пафлогонию

поезд увозит в душную Москву

мама тихонько плачет

какие соленые у тебя слезы ты не плачь я вырасту и

стану ученым и у нас с тобой будет дом в лесу и я там

буду работать а ты будешь делать все что захочешь

мы будем гулять с тобой по лесу будем купаться в

лесном озере ходить на охоту

мама громко смеется

ты стоишь перед ней шестнадцатилетний оболтус дер-

жишь за руку скромную рыжую девочку три тысячи

веснушек усыпали ее лицо

мама мы любим друг друга

это пройдет пройдет

мама смеется и плачет от счастья и говорит соседке

по этажу

он сдал все на отлично одни пятерки он у меня умница

нет нет зачем ему на вечерний мы слава Богу с голоду

не умираем

поднял голову и вытер снег

и обвел взглядом белое поле

вздохнул

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

***

Как-то Мадам знакомит тебя с Жорой Мерсисовым
алкоголиком 32-х лет поэтом-переводчиком хорошим
человеком бывшим футболистом

у Жори Мерсисова только один недостаток он заикается
например

сы сы старик хы хы хочу пы пы помочь ты ты тебе
ды ды делом

и действительно помогает тискает парочку твоих сти-
шат в «Бодрости» где имеет знакомых

пы пы поверь мы мы мне бы бы без зы зы знакомства
ны ны ничего ны ны не ны ны напечатаешь

ты охотно веришь и отправляешься с ним в редакцию
Толстого Журнала ответственный секретарь которого
Лукошкина отличная баба и большая приятельница
Жоры разошлась по идейным мотивам с мужем из-
вестным черносотенцем автором детских песенок и ба-
сенок

Лукошкина не одна

слева от нее томится поэтесса Б широко известная сво-
ими лирическими стихами бледная как полотно а спра-
ва дымится нагретый лучами славы прозаик Г автор
популярного романа «Кровь разная бывает» о молодом
человеке навлекшем на себя подозрение в убийстве на-
пряженное действие дает возможность читателям по-
знакомиться с трудной но благородной работой органов
безопасности и убедительно показывает что всякая по-
пытка обмануть следственные органы лишь усложняет
положение обвиняемого

Жора Мерсисов подталкивает тебя вперед

Лукошкина шлепает ладонью по тугой синей папке в
ней покоятся твои рукописи

ознакомилась ознакомилась мы все трое ознакомились
прозаик Г с кислой миной протягивает руку поэтесса
Б благосклонно улыбается

и вот что скажу определенный интерес ваши м-мм так

сказать рассказы несомненно представляют м-мм но
позвольте вернуться к ним несколько позже мы сейчас
говорили о м-мм героическом очень интересно и вам
послушать итак прошу продолжать
начинается продолжение разговора о героическом
героическое склоняется по всем падежам

героическое

героического

героическому

героическим

о героическом

вот какой умный и насыщенный разговор о героическом
слово берет прозаик Г

он говорит

что очень не доволен тем что само понятие героическо-
го как бы утратило былую привлекательность вот ска-
жем читают пошлые романы зарубежных писателей а
вот «Молодую гвардию» Фадеева или «Как закалялась
сталь» Островского или вот даже придумали целую се-
рию анекдотов про Чапаева вот к примеру плывет он
с одной рукой через Урал а Петька кричит ему эй
Василь Иваныч чемоданчик-то брось а то утопнешь
вот такие пироги или скажем вот про Олега Кошевого
гадость распространили что он в Германию удрал с нем-
цами потому что всех подпольщиков выдал гестапо вот
кощунство или скажем Зоя Космодемьянская пустили
слух что была она психичка и боли не чувствовала или
вот измыслили присказку ах ты черт какой нынче го-
лолёд сказал Александр Матросов падая на амбразуру
а про Котовского какая гнусность якобы его адъютант
застрелил не потому что был агентом сигуранцы а из-за
жены Котовский у него якобы жену увел про всех про
всех я думаю тут виноваты мутные волны эфира вот
но и мы виноваты тоже вовремя недоглядели и казен-
ных форм в литературе у нас опять же много

Лукошкина вздрогнула и яростно выхватила из ящика
листок бумаги

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

рассказик я вам прочту какой-то подонок прислал на конкурс
ну ну
монотонное чтение текста

из репродуктора несется идет война народная священная война Маня Портупеева решила идти на фронт и завтра она идет на фронт Маня Портупеева очень красивая девушка она читает рисует танцует занимается спортом смеется и поет она юна и прекрасна телом и душой а Мать горько плачет Мать уговаривает ее взять с собой в окопы теплые носочки из верблюжьей шерсти но Маня сильно возмущается разве Овод из романа английской писательницы Этель Войнич не поступил бы так же значит Маня правильно так возмущается обоснованно а Мать не читала роман Этель Войнич английской писательницы Мать горько плачет не плачь Мать прочти-ка лучше этот роман Мать все равно плачет ей не до романа Мать хочет остановить дочь но та уходит так и не взяв с собой теплых носочков и вот приходит страшная весть Маня Портупеева ее дочь убита пала смертью храбрых как гласит официальное сообщение Мане присваивают звание Героя посмертно как это было это было так огромное пустое небо над огромным голым полем ни кустика ни ложбинки ни бугорка а впереди проклятый дот а пулемет строчит и строчит и головы не поднять и вот уже несколько бойцов дерутся между собой за честь подорвать его гранатами и тут-то появляется Маня

она была отличным боевым товарищем все бойцы ее очень любили

ползком бочком к доту поднимается в полный рост и грудью падает на амбразуру

она заботилась о раненых и читала им по памяти отрывки из романа английской писательницы Этель Войнич большой подвиг налицо и Маню кладут в цинковый гроб и отправляют на родину у Мани на могиле краси-

вый памятник скульптор запечатлел ее мужественный облик круглый год живые цветы идут строем юные пионеры горнит горн барабанит барабан желтые кисти знамени хлопают знаменосца по лицу ветерок краски наступившей осени свежесть алых галстуков торжественная минута очередная пионерская дружина в который раз принимает Маню в пионеры и навечно зачисляет ее в свой состав потом то же проделывают с Матерью слезы выступают на глазах целые коллективы детские и взрослые уже много лет подряд зачисляют Маню в свои ряды и Мать ее так же Мани нет и все же она есть ее много и она везде и в бронзе и в гипсе и в памяти людской приезжают жижковцы из Чехословакии харцеры из Польши идут к Матери она рассказывает в ту последнюю ночь Маня читала роман английской писательницы Этель Войнич

Мать больше не плачет слезы от жалости а героев жалеть нельзя ими нужно гордиться они погибают правильно и совсем не за то чтобы о них потом плакали но пионеры хотят плакать а им тоже плакать нельзя пионеры читают роман «Овод» и хотят быть похожими на Маню выходит из печати книга о Мане она называется ясно и просто «Подвиг Мани Португеевой» в конце книги приложены фотографии вот Мане три года вот Маня и Мать вот Маня-пионерка вот Маня-выпускница вот Маня в военной форме вот голое поле место где Маня совершила свой подвиг вот памятник на могиле Мани Португеевой живи учись делай свой подвиг получишь вечную славу и красивый памятник книгу написал умный человек в золотых очках к нему тоже приходят пионеры требуют

хотим чтобы вы написали продолжение
писатель умно отвечает

совершайте подвиги напишем

пионеры горестно сопят обдумывают как бы это им совершить подвиг ну хоть маленький подвиг ну хоть вот такусенький а Мать рассказывает

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

в ту последнюю ночь Маня читала роман «Овод»
Мать ездит в другие города к ней приезжают из других городов Мать очень устает но в свободную минуту читает и перечитывает роман «Овод» жаль умерла английская писательница Этель Войнич она бы непременно написала про Маню и вот Мать посещает ее сестра тысячу лет не виделись

ну как там у нас в деревне
конечно не так как тут ведь тут в большой квартире светлые окна и паркет и горячая вода и телефон и просторный туалет и кухня с газовой плитой и все это блестит и сверкает а там-то в деревне что
вот Ваня пришел с войны без ноги запил и спьяну удавился Вася значит женился очень неудачно бросил жену и троих детей сошелся с агрономшей Валя в колхозе скотницей очень устает Вова в город подался да там за драку три года получил Витя еще в школе учится а Вера любимая дочь беспутной стала всему свету отказу нету и кто ее теперь только замуж возьмет разве дурак какой

А Мать слушает сестру и все ее жалобы до единой угощает всякими вкусными вещами они по спецзаказу из спецмагазина глядит на большой портрет Мани он висит на стене а под ним полки с подарками зарубежных гостей хорошо что Маня погибла совершив подвиг невольню вырывается у Матери вечная ей память пора однако и спать ложиться завтра опять встреча с пионерами и не одна а целых три

воплъ негодования лицо прозаика Г полыхает нахлынувшими чувствами

да это же настоящая антисо

спазма в горле

ветчина

еще бы и сыр и буженина и рахат-лукум с люля-кебаб
впридачу

тут все есть для предъявления обвинения по статье фу

ты черт забыл ее порядковый номер
страсти утихают и снова раздается хлопок по тугой
синей папке с твоими так сказать произведениями
они несомненно несут в себе долю м-мм и так далее
и тому подобное но все же в определенном смысле м-мм
в общем и целом м-мм так сказать являются продуктом
м-мм большого воображения

Лукошкина шелестит бумагой

не могу сейчас найти одним словом м-мм там у вас
что-то вроде «лица снега» или «у снега лицо» а где вы
видели чтобы у снега было лицо у снега м-мм лица нет
и быть не может

продолжает

это м-мм очевидная несуразность

сказано без выкрутасов общедоступным правильным
литературным языком великим свободным и могучим
и потом к чему это самобичевание этот Достоевский
м-мм в стихах кому все это нужно м-мм многие строки
просто наивны а многие рассказы не отличить от сти-
хов и наоборот м-мм все правильно но неверно и на-
оборот

прекрасно наивность лучше тупой умудренности
между прочим очень м-мм странно что такой прилич-
ный молодой человек и такая порнография м-мм просто
стыдно читать

ах если бы вы знали как стыдно писать

и м-мм затем я ожидала увидеть произведения о любви
и дружбе а тут все м-мм галиматья какая-то где м-мм
попытка раскрыть образ своего современника ничего
этого мы м-мм не нашли

и она указывает глазами на поэтессу Б и прозаика Г
тут все о смерти и прочая м-мм чепуха неужели нельзя
найти чего-то более интересного яркого полноценного
в нашей жизни м-мм возмущает сама форма ваших
м-мм трудов это какое-то издевательство претензия
на оригинальность выверты и вывихи а м-мм читать
такую дребедень очень трудно

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

ты перебиваешь невинным голосом
а вы не читайте пускайте прямо в набор
наглость сражает Лукошкину поэтесса Б сомлела в
битву кидается прозаик Г а Жора Мерсисов ехидно хи-
хикает и двигает кресло с леденящим душу скрипом
это все было было было все было уже под луной и под
солнцем и ничего нового вы не создадите только разве
что опощлите старое разумное вечное
тоже благородная задача
когда наглость выплевывается с методичной направ-
ленностью она превосходна
мой метод прост я все пишу подряд с маленькой буквы
и без знаков препинания так сказать поток сознания
э-бююэ моя мысль не терпит точек и запятых к осталь-
ным знакам я вполне снисходителен причем я пишу
страшно неразборчиво и когда усаживаюсь переписы-
вать заменяю нечитабельные слова другими просто
беру их от фонаря по принципу наименьшего сопро-
тивления когда все готово я путаю листы тасую их как
колоду карт а затем остается только пронумеровать их
и соединить скрепками ах да и еще придумать название
желательно чтобы оно ни в коей мере не отражало
смысла повествования
прозаик Г вулканизирует
молодой человек одни бьют лампочки в подъездах и
это ничего это простительная шалость по сравнению с
вашим хулиганством
тяжко вздыхает Лукошкина
молодой человек не вас нам учить русскому языку
она потеряла разум
говорят это случилось давно
но еще находится в сознании
советую вам прекратить ваши литературные излише-
ства пишете вы много м-мм а кто много пишет тот не-
пременно станет писателем
м-мм бросьте дурить м-мм будьте настоящим челове-
ком

Хорошо, я больше не буду, соглашаешься ты. Я постараюсь писать правильно, но и Жора Мерсисов тоже пусть больше не заикается.

Ны-ны-не буду больше, говорит Жора. Пы-пы-последний раз заикнулся. Но самое страшное еще впереди, предупреждаешь ты. Даю вам рифму: вы все — говно. На ответ даю пять минут.

Пять минут напряженного молчания. Зудит гладкая, как колено, голова прозаика Г. Поэтесса Б. кусает губы. Лукошкина, не мигая, глядит в потолок. Старательно обдумывают ответ.

Помогу, говоришь ты, когда время истекает. Давно. Очень хорошая рифма.

Уже давно, так будет лучше, замечает Жора Мерсисов. И ты соглашаешься с ним.

Лукошкина разевает рот, как варешка. Она напоминает рыбу, выброшенную на песок. Возникает страстное желание оглушить ее о голову прозаика Г., такую светлую и полированную.

Не делай этого, советует Жора Мерсисов. Не надо. Люби ближнего своего.

Не буду.

Вы выходите на улицу, радостно улыбаясь. Хулиганы, хулиганы, несется вдогонку. Отмахиваетесь от слов, как от мух. Ноги сами несут в ЦДЛ. Хорошо бы выпить по бутылочке холодного пива, остудить горячие головы.

Администратор, громадный географический глобус на тонких ножках с двумя дополнительными полушариями (это чтобы мягко сидеть), преграждает дорогу. Напрасно хлопает его Жора Мерсисов сначала по Баффиновой земле (левое плечо), а потом по полуострову Таймыр (правое плечо). Напрасно. Совершенно напрасно. Глобус не из папье-маше. Жора Мерсисов достает из нагрудного кармана веский аргумент — членский билет Союза писателей. Напрасно, напрасно и еще раз напрасно.

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

Все равно не пуцу, заявляет глобус.

Подумать только, как он держит равновесье! Ведь дополнительные полушария все время тянут назад.

Краткая история о том, почему Жору Мерсисова не пускают в ЦДЛ: Жора Мерсисов имел глупость зверски избить одного маститого лирика, «певца электропередач и наших голубых берез», как его именует доброжелательная критика. Дело было так. Жора Мерсисов сидел с приятелем в ресторане ЦДЛ и мирно пил коньяк. Как раз получил гонорар за Бодлера. Вдруг лирик (он рядом за столиком сидел) заявляет (неизвестно, что на него нашло) приятелю Жоры: ты не за политику сидел, я знаю, а за бандитизм. А тот восемь лет на Колыме отгрохал (за папаню своего), человек слабый, болезненный, сразу слёзы на глаза и в обморок. Тут Жора Мерсисов и говорит лирику: пошли-ка выйдем (у него на уме ничего плохого не было, просто вместе с ним выйти хотел). А лирик с гонором. Чего это я с тобой пойду?! Не хочешь, как хочешь, примирительно сказал Жора и врезал ему в челюсть (он это может). Счастливый человек лирик, что Жора ему челюсть не свернул. Так, только внешность слегка исказил. На неделю. Не больше. Вот с тех пор Жору не пускают в ЦДЛ.

Жора жутко обижен, а глобус не замечает этого и топает на него ногами: уходите, Мерсисов, а не то я в милицию позвоню.

Цыц, шмокодавка! Позови-ка мне вон того, говорит Жора и указывает пальцем на седую цаплю, вышагивающую по вестибюлю.

Нет, нет, Мерсисов, вас сюда пускать нельзя! Сначала мы разберем ваше дело во всех инстанциях и уж легко-то вы не отделаётесь, так говорит цапля, она же детский классик и руководящее лицо.

Жора Мерсисов укоряет: сволочь ты сволочь, сколько раз я тебя за свой счет поил!

Это к делу не относится. И седая цапля упрыгивает.

Уходите, пока я милицию не позвал, грозится администратор и напирает Африкой. Но Жора Мерсисов тоже не лыком шит.

Ах вы, жидовские морды на службе антисемитов! Выкрикивает он и, сжав кулаки, колотит по дверному стеклу, желая своими скромными усилиями нанести хоть малейший материальный ущерб этому заведению.

Но ты заламываешь ему руки за спину и уволакиваешь подальше от греха. Жора Мерсисов с пеной на губах призывает на помощь Бегемота и Коровьева с их дьявольским примусом.

Ох, пулнуть бы керосинчиком во всю эту сволочь!

***

Что-то подобное происходит с тобой ровно месяц спустя, у других творческих людей, у киношников. И виновата во всем Марина. Только она. Кто же еще. Затщила тебя в Дом кино на просмотр жуткого фильма. «Я непременно должна его посмотреть. Бобочка приложил к нему свою руку». Ее идиот Бобочка.

В главных ролях снялись непрофессионалы. Потрясающее новаторство. Герой фильма, простой рабочий парень, влюблен в свою работу и влюблен в продавщицу универсама. А она — дура и мещанка — и хочет идти в театр с ним, со своим любимым, а он не может идти. Он подменяет заболевшего товарища и барабанит две смены подряд. Другой раз они идут в театр, но герою не нравится пьеса, а дуре очень нравится. «Ведь поют и танцуют и красивую жизнь показывают». Словом, происходит ссора. Герой уходит по темной улице. Зловеще мигают фонари. Гениальный эпизод. Продавщица сначала плачет, а после знакомится с художником, растленным типом и гнусным пижоном. Герой переживает, а продавщица веселится. У нее началась красивая жизнь. Герой работает у станка, а продавщица беременеет от пижона. Пижон обещал жениться, но передумал.

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

Продавщица в ужасе. Герой приходит к ней. Трогательная сцена. Слезы и поцелуи. Герой отдается работе. Продавщица нянчит ребенка. Потом все трое идут в театр смотреть пьесу Максима Горького. Замечательная пьеса. «Человек — это звучит гордо!» Конец фильма.

Вспыхивает свет. Хлопают сиденья. В кафе обмыывают творческое достижение. Главный герой держится гоголем, хлопает режиссера по спине, делится планами на будущее, мол, хочу и впредь сниматься в кинематографе, лиха беда начало! Ему внимает весь съемочный коллектив плюс приглашенные на банкет друзья, коллеги, родственники, знакомые и т. д. и т. п.

В кафе весьма уютно. Столики на четырех. На столиках свечи. Много вина, много водки. А закуска — селедочка и картофель в мундирах. Никаких тарелок. Только салфетки. Никаких вилок, ножей. Только руки. Кто придумал? Придумала тетка режиссера, выжившая из ума народная актриса.

Подходят то одни, то другие. Шаркают ножками, целуют Мариночке ручки. Пьяненькие и трезвенькие, лысенькие и лохматенькие. А вы с Мариночкой уже прилично наклюкались. Марина хочет танцевать, но ты удерживаешь: ведь упадем и не встанем. Марина дуется и идет танцевать с режиссером. Он танцует превосходно. Кривляется, как мартышка. На нем оранжевый свитер и вытертые американские джинсы. Он знает иностранный язык и бравирует этим. «Менсана ин болт парусана», кричит он на весь зал. Марина виляет бедрами. Она умеет красиво вилять. Она любит это делать.

Ты смотришь по сторонам:

беленькие двадцатилетние овечки с прелестными улыбками в брючных костюмах сидят нога на ногу,

музыканты изрядно вспотели, кажется, ударник совсем потерял разум, а саксофонист сейчас лопнет,

пристально разглядывает тебя страшила за соседним столиком, баскетболистка или просто каланча,

(— «Молодой человек, ну пойдёмте танцевать...» Ах, вот чего ей надо. «Извини, подвинься, красотка, не умею».)

Режиссер с Мариной отправляются к столику гладеньких прилизанных субчиков...

И вот ты тоже среди них.

— Пардон, пардон. По-французски это значит извините.

— Ты чего, чего... — прилизанные всполошились.

— А я ничего...

— Это мой друг, — говорит Марина.

Прилизанные вскакивают, протягивают ладошки: Вова, Петя, Гарик, Эдик...

— Эдик — педик.

— Он замечательный поэт, — говорит Марина, — и постоянно ищет новые рифмы. Очень любит меня и очень любит делать всякие гадости. Его любимое изречение: самое главное — изгадить всю малину.

Тебя усаживают за столик. Тебе наливают.

— Выпьем за академика Живаго. Вы фильм смотрели?

— Нет, — икаешь ты, — не смотрел.

— Жаль, жаль, очень хороший фильм.

Прилизанные исчезают, и взамен появляются зализаные. Зализанные по очереди обнимают Марину. Она абсолютно пьяна, а ты еще больше.

Кто-то из зализаных вскакивает и, считая свое поведение достаточно оригинальным, кричит в полный голос:

— Господа! Прошу минуточку внимания!

Все смотрят на него. Только в самом дальнем углу подвыпивший интеллигент гнусаво тянет: «С чего начина-а-а-ется ро-о-одина-а...»

— Господа! Спешу сообщить вам радостную весть! Доподлинно стало известно, что преступная банда Котовского полностью окружена и уничтожена!

«С око-о-ошек горящих вдали-и-и...»

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

Хохот и аплодисменты долго не смолкают. Так вот кто, оказывается, придумывает измышления о героическом.

«Со старой отцовской будё-ё-ёновки-иии...»

Зализанный делает успокаивающий жест и устало опускается на стул. Поющий интеллеktуал пытается возмутиться, но забывает и снова принимается гнуса-вить: «А может, она начина-а-ается ...начина-а-а-а-ается...»

Подходит розовощекий кретин и делает замечание.

— А это еще что за м...?

Но зализанные удерживают тебя: это сам, сам, он Мёмичева знает.

— Что за сам? А подать-ка мне его сюда! — ты пьян и не унимаешься.

— Прошу тебя, прекрати, — требует Марина. Теперь она пьянее тебя. — Это подходил Лампондур. Он меня знает...

— А я хочу...

— Прошу вас, держите его при себе, — говорит Марина зализанным, — а я попытаюсь дойти до уборной.

— Мы проводим, — вызываются зализанные.

— Благодарю вас, я сама, — учтиво отклоняет Марина, — держите лучше его...

Розовощекий кретин ест ложечкой мороженое. Ты не выдержишь. Изловчившись, отталкиваешь зализанного, который пытается помешать тебе (падает стул, звенит разбитая рюмка), подбегаешь к розовощекому крестину.

— А-а, сладенькое любишь! А-а, Марину знаешь! А-а, с Мёмичевым дружбу водишь!

Пытаешься дать ему по морде. Он уклоняется. Тогда ты кричишь в зал:

— Даю вам... Даю вам рифму — вы все говно!

Зал охает, и тебя хватают за шкурку, волокут, тащат. Последнее, что ты видишь, это Марина, сидящая

на полу в луже, со стеклянными глазами. Она так и не дошла до уборной.

***

У него изо рта несет табачищем, и это невыносимо. Он дышит прямо в лицо. Жутко разит табачищем. От него разит, как из плевательницы. Разит до тошноты. Уже вторые сутки ты здесь. А он всё разит табачищем. Зеленые стены. Настоящий детский понос. Вонь, словно кошечка Савелий, твоя кошечка, описала половую тряпку. А он всё разит табачищем и говорит:

— Ты, вот, не думай, за всю жизнь я ни разу не был замешан в уголовщине, не был ни в милиции, ни в КПЗ, ни в вытрезвителе, а если и было что не так, так это только частая перемена места жительства и работы, вот только в одном Питере я за два года работал на трех предприятиях, конечно, были по-своему веские причины, однако, я отлично понимаю, что всё можно по-всякому извратить, а в Питер я попал, порвавши с женой, денег почти не было, город незнакомый, никого не знаю и, естественно, поступил работать туда, где дали общежитие, а значит, и временную прописку, поступил я слесарем на завод железобетонных конструкций, работа тяжелая, вредная для здоровья, но я старался, и через полгода меня назначили бригадиром, вскоре после того срезали расценки, я запротестовал, начальник цеха предложил сделку, сам, мол, будешь получать по-старому, а до остальных тебе дела нет, короче говоря, я тут же уволился, хотя администрация меня удерживала, но дело в том, значит, что за три месяца до увольнения я потерял паспорт, конечно, я сразу же принял все меры предусмотренные законом, и примерно за неделю до увольнения меня вызывали в райисполком за оформлением штрафа, поэтому я был спокоен, рассчитывая в течение нескольких дней получить новый документ, но не тут-то было, почти три месяца пришлось мне болтаться

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

без работы, ночевать, где придется, за это время я обошел все инстанции от милиции до горкома партии, но всё бесполезно, наконец мне выдали временный паспорт и мне с большим трудом удалось устроиться грузчиком на товарную станцию, жили мы в купейных вагонах, по четыре рыла на купе, работал я старательно, и начальник участка вскоре назначил меня бригадиром, однако ему пришлось об этом пожалеть, так как я не давал ему покоя, требуя более справедливого распределения грузов между бригадами, улучшения бытовых условий, вскоре из бригадиров меня выгнали и перевели в другую бригаду, а тут я послал письмо в газету «Гудок» и всё такое, а когда получил постоянный паспорт, сделал несколько прогулов, подыскивая новую работу, не оставаясь же грузчиком, и хотя я уже жил в благоустроенном общежитии, ввиду бесперспективности работы, подал на увольнение, поступил я на химзавод в качестве аппаратчика, вернее, принимали нас неопределенно, мы стажировались и через месяц сдавали на разряд, в большинстве присваивали четвертый, по нему же оплачивали стажировку, мне же удалось сразу сдать на пятый, мною были довольны, но тут началась подписка на многотиражку, а мне она на какой хрен, я отказался, от страхования тоже отказался, когда же меня упрекнули в жадности за то, что я не хотел платить взносы в некое «добровольное» общество охраны предметов древности, я тут же, значит, вытащил из кармана десятку и разорвал ее на мелкие кусочки, заявив, что не плачу из принципа, так как считаю, что нечего спекулировать на прошлом, чтобы отвлечь людей от произвола, подлости и беззакония сегодня, значит, так, ушел я в другой цех, решил переквалифицироваться на электромонтера, через некоторое время сдал на четвертый разряд, работал я неплохо, внес четыре рационализаторских предложения, по разным мелочам, готовился сдать на пятый, но стоило мне не пойти на так называемый добровольный субботник, и все планы полетели, мне положен отпуск

летом, а мне его не дают, напряженность с планом, но я и не настаиваю, мне предлагают зимой, естественно, я прошу, чтоб не раньше мая, мне обещают, но приходит время, отказывают, ведь обещание это не документ, тогда я ставлю ультиматум, либо отпуск, либо сдача на разряд и оплата не ниже пятого, все мои требования отвергают, тогда я отказываюсь от работы, то есть прихожу к восьми утра в отдел кадров и слоняюсь по конторе, а на завод не иду, такая забастовка длилась три дня, после меня вызывали начальник цеха, председатель цехкома, заведующий отделом кадров и упрасивали выйти на работу с обещанием уладить со сдачей на разряд, я вышел, но через месяц работы мне предъявляют приказ об увольнении по 47-ой статье как за самый элементарный прогул, в общем, никакие жалобы не помогли, я пытался судиться с комендантом по поводу моего обвинения в пьянстве, но потом, значит, плюнул я на всё и подался в столицу нашей родины Москву, в трудовой книжке удалил старую запись и сделал «по собственному желанию», но тут у меня начались мытарства, прописки-то нет, деньги кончились, знакомых, сам понимаешь, никого, вот и залетел я, одним словом, влип за нарушения паспортного режима, статья пустяковая, дрянь, а не статья, но год-то дадут, не меньше, так что прощай свобода, мы разошлись с тобой, как в море корабли...

Он трепет и трепет языком. И трепет, и мелет, и дышит на тебя табачищем. А потом, желая тебя разве-селить, затягивает вполголоса (громче нельзя, лягавый ругаться будет): «Вот сижу за решеткой и плюю в потолок, пред законом виновен, перед совестью чист... Предо мною икона и запретная зона... а на вышке всё тот же надоевший...» А ты думаешь о другом.

***

«Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение...» Чуть в стороне резко выделяется на

фоне черного и серого зеленый платок тети Моти. Тетя Мотя суетно крестится. Горбатенькая старушка (ты стоишь за ней) опускается на колени. Из глубины смотрят на тебя глаза Иисуса. Старушка кладет поклоны. «Хвалим Тя, благословим Тя, кланяем Ти ся, славословим Тя, благодарим Тя, великия ради славы Твоея. Господи Царю Небесный...» Косишься на рыжего священника. Он высокий и широкоплечий, настоящий богатырь. Манипулирует. Сейчас покажет фокус. «Яко Ты еси один свят, Ты еси един Господь...» Среди певчих — очень миленькая девушка. И голос у нее изумительный. Случайно толкаешь женщину, стоящую рядом со слезами на глазах. «О Господи, Боже мой, помилуй нас грешных», шепчет женщина. Старушка с кошелкой протягивает тебе свечку и говорит: «К празднику». А ты не понимаешь и переспрашиваешь: «Что? что?» — и свечку берет кто-то другой. «Благословен еси, Господи, Боже отец наших, и хвально и прославлено имя Твое во веки. Аминь». Хочется глубоко вздохнуть, набрать воздуха в легкие, ну сколько можно. Чувствуешь, что больше не выдержишь в этой духоте. На тебя напирают сзади, и ты становишься на цыпочки, чтобы не навалиться на передних. «Долго еще?» — с мученической гримасой спрашиваешь у тети Моти. Знаешь, что усядешься прямо на пол, если еще хоть немного придется стоять подобным образом. Изумляешься всем этим железобетонным старухам. «'Отче наш', все вместе», — драматическим баритоном произносит рыжий священник. Регент взмахивает руками. Певчие надуваются. Вокруг подхватывают: «...да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя...» Поют. Три сотни беззубых ртов. Пять сотен старух. «Устал? погоди немного, скоро конец», — говорит тетя Мотя и снова устремляет взгляд вперед, подавшись туда всем корпусом, словно собираясь взлететь.

— А сколько это стбит?

— Не знаю... не дорого... ах, не мешай, пожалуйста...

— А когда это начнется?

— Как служба кончится...

— А где это?

— Да погоди ты... не мешай... вон, в правом приделе, где покойники...

Тут ты замечаешь четыре гроба, один из них закрыт. Потом, в короткую паузу перед отпеванием, когда богомолки начинают неторопливо расходиться, обращившись у дверей и крестясь на три стороны («прости нас грешных, прости нас грешных»), ты видишь, как в храм входят две женщины, судя по одежде, иностранки. До тебя доносится негромкая французская речь: «О, какой прекрасный Саваоф, посмотри, Дани...» «Пошли, пошли, вот свечку возьми», — говорит тебе тетя Мотя. «Уже начинают?» — спрашиваешь ты. «Пойдем ближе к алтарю, я хочу посмотреть эти темные иконы», — говорят по-французски. «А что, панихида — это помогает?» — «Вот дурачок, ты же сам просил». — «Но это для мамы, сам я не верю, ну я по-своему». Следуешь за тетей Мотей. «Церковь сурово осуждает самоубийство». Брови у тети Моти лезут вверх. «Но почему, почему?» «Смотри, Дани, какой рыжий священник, он похож на шкипера», — говорят по-французски. «Это сложный вопрос. Жизнь нельзя обрывать по собственной воле. Раньше — наложивших на себя руки даже не хоронили на кладбище, только за оградой, церковь стремилась предотвратить самоубийства; большой грех беру на душу», — тараторит тетя Мотя. «А ее имя будут упоминать?» — «О Господи, Господи, странно все-таки, типичный русский парень, а ничего не знаешь, ты что — в первый раз пришел в церковь?» — «Нет, я бывал».

Широко раскрыв глаза, смотришь на мертвых, не разбираешь слов молитвы, вздрагиваешь всякий раз, как начинают припев: «Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим...» «А почему нет хора?» — шёпотом спрашиваешь ты. «Он поет только на литургии». «Со святыми упокой...» — пицат церковные служки

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

тонкими голосишками. «Сам один еси бессмертный, сотворивый и создавый человека...» Тяжело вздыхает тетя Мотя. «Марфу, Екатерину, Авдотью, Тамару, Александра...» Дрожат колени. «Надгробное рыдание творяще песнь: аллилуия, а-аллилуия, а-а-аллил-у-уия...»

Священник сыпет песок на белое покрывало. «Будете открывать после?» — спрашивает он. «Будем, будем», — отвечают ему. «Возьмете землю с собой, вам завернут, и сделаете крест, как я, одну щепоть — крест, вторую — крест, и так три раза», — объясняет священник. «Спасибо, батюшка, спасибо, вот девочку благословите...» «Какой величественный обряд», — говорят по-французски. Девочка застыла, испугалась рыжего дядю. «Под трамвай попала, всю на кусочки, потому и не открывали, изуродована. Господи Боже мой, все мы смертны, все».

Не замечаешь, как оказываешься на улице. Тетя Мотя держит тебя за рукав. «Шапку-то надень», — говорит она. Порыв ветра остужает горячее лицо. Лезешь в карман пальто и спрашиваешь: «Сколько это стоило?» — «Ах, оставь, пожалуйста», — говорит тетя Мотя и отводит твою руку. Наклонившись к твоему уху, шепчет: «У меня такое ощущение, что молитва наша принята, слава Тебе, Господи...» Заглядывает в твои глаза, надеясь узреть в них искорку веры. Ты пожимаешь плечами. «В два часа нам нужно быть на промышленной выставке», — говорят по-французски где-то сзади.

***

Ты им жопу целовать должен, это я так считаю, говорит твой отец, и прокурору, и милиции, и этим из администрации, ведь простили, поняли все-таки, что имеют дело с хорошим парнем, а ты — болван, да уж в другой раз штрафом не отделаешься, прокурор, чёрт его дери, молодец, я бы на его месте не стал вступаться за такого...

он налил рюмку, выпил, закусил маринованным огурчиком,
за такого подлеца...
помахал вилкой, словно дирижерской палочкой,
мы росли по-другому...
хряк-хряк челюстями,
по-другому мы росли, работать начинали в двенадцать лет, да что там в двенадцать, Сосалкина знаешь...
делает выпад вилкой,
знаешь Сосалкина, так он каждое утро в шесть утра вставал и по Сухаревке с ведром бегал, воды, кому воды, стакан — копейка, а то как же, у него и кличка была стакан-копейка...
отец усмехается,
да что там говорить, и старшим помогали, и за младшими ухаживали, стойко переносили и холод, и голод, и зной, и мороз, в одних лаптях, в кармане не было ни гроша, пришел я в Москву учиться, кончил институт за три года, за три года...
морщит лоб, выкатывает глаза,
понимаешь, за три года, и еще работал, а ты вот пятый год ваньку валяешь, стипендию получаешь и я тебе шестьдесят-семьдесят рубчиков в месяц подкидываю, подкидываю, так ведь, а, у тебя квартира есть, другие мечтают о такой, причем солидные люди, работники настоящие, только учись, дерзай, грызи гранит науки, как говорится...
он выпивает еще одну рюмку,
я и в Казахстане работал, и в Западной Сибири, и в партию вступил, и прошел войну, и был военным прокурором, и такое разное перевидел, а такого оболтуса не встречал, культуризмом мы не занимались, наши мышцы крепили от ударного физического труда, тяни-толкай, кудрявая, как в песне поется, иной раз ног не чувствовали от усталости, голова не варила, а надо было, так, значит, надо, вставали и шли, и без выходных, не так как сейчас, мол, что я буду от этого иметь, любо-дорого

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

смотреть было на жизнь, у нас не было магнитофонов и мы не распивали шампанское по ресторанам, не возились с девицами, не влюблялись в актерок...

он ехидно глядит на тебя,

в двадцать один год я впервые выпил стакан водки, в двадцать семь впервые познал женщину, второй костюм я приобрел в тридцать два года и, чтобы сшить его, копил деньги девять месяцев, он у меня до сих пор сохранился, знаешь, этот синий, а ты мой сын...

голос крепнет и мужает,

моя надежда, моя гордость, налей, да наливай полной, не стесняйся, лучше один раз перепить, чем сто раз недопить, я хочу выпить за то, чтобы ты вырос настоящим человеком, чтобы впереди у тебя был свет, жаль только, что с матерью так нескладно вышло, я её только в одном виню, да и как не винить, вот в чем я её виню, да как ты смела так поступать, раз у тебя сын есть, раз ты его душе наносишь материальную травму, а могилу мы устроим, всё как надо устроим, и памятник, и ограду, и цветы...

выпивает,

за свое счастье нужно драться вот этими вот...

он сует их тебе под нос,

руками, нужно помнить что в жизни ничего даром не дается, а вы готовы забыть обо всем, не привыкли серьезно смотреть на вещи, не читаете газет и вам ровным счетом наплевать на то, чем живет страна, правильно я говорю, модная одежда, эти ковбойские штаны, музыка, дьявол ее разберет, так шум один, всё, что называют, и правильно называют, разлагающим влиянием Запада, делает вас круглыми дураками вроде тех, которых пропечатывают в «Крокодиле», пришли на всё готовое, а теперь это им подай, то подай и не хотят помнить, что за ваше сегодняшнее счастье люди моего поколения и старших поколений отдавали свою жизнь и в Гражданскую, и под Сталинградом, увлекаетесь стишками, но забываете, что сначала нужно уметь заработать себе на

кусок хлеба, иметь профессию, специальность, положение, диплом, определенное место в обществе, авторитет, нужно твердо стать на ноги и только потом можно позволять себе всякие архитектурные излишества, всякие там стихи, встречаются по одежке, провожают по уму... он опрокидывает еще одну рюмку,

нужно сделать правильные выводы, вот Есенин был гений и всё равно плохо кончил, если бы не его причуды, он бы еще ох-хо-хо сколько понаписал, никчёмные и бездельники, дураки и недоучки живут за счет обеспеченных родителей и мутят воду, эти подонки вечно всем недовольны и сбивают других с панталыку, а вам так нельзя, и вы погибнете, если не возьмётесь за ум, а что вы можете, вы ничего не можете и ваши все интересы и ваши все так называемые проблемы гроша ломаного не стоят, ты бы хотя радио слушал, а то слушаешь да всё не то, Би-Би-Си, конечно, старается говорить объективно, но глушат его правильно, они там нет-нет, а гадость какую-нибудь вставят, я знаю, что не вся молодежь такая, есть и вполне разумные ребята, сегодня утром по телевизору как раз была передача о конструкторском бюро, ну там ребят показывали что надо, воды дай, да давай быстрее...

он жадно пьет, подавляя икоту,

кран, кран получше заверни, сейчас жить-то намного интереснее, позавидуешь молодым, пожалуйста, стучись в любую дверь, ездят себе туда-сюда, хочешь — едь на север, хочешь — на юг, парень у нас на работе, активист, общественник такой, прошлым летом в Болгарии был, этим — в Польшу собирается, интересно, а я бы вот в Германию поехал, в Берлин, подпись свою на рейхстаге посмотреть, цела ли, так, наверное, не пустят, он, болтают, в западной секции расположен, вообще диву даюсь, как жить-то интересно, кино, театр, спорт, все, что душе угодно, молодежь едет на стройки коммунизма, веселые, энтузиасты, песни поют, есть, конечно, среди них и те, что за длинным рублем, но

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

таких немного, я тебе об авангарде толкую, а у вас это все вот накурено, противно смотреть, морды кислые, выбирайся из этого болота, иди в другое...

он закашлялся,

место, я как отец тебе говорю, в мире происходят события, летают в космос, а американцы, гляди, чего делают, вот уже сколько лет Вьетнам бомбят, сначала Корея, потом Куба, Конго, теперь вот Вьетнам, и скрывать не надо, конечно, у них там жизненный уровень высок, но какой ценой, ценой эксплуатации негров и пуэрториканцев, колониальные и неоколониальные дела империализма, как говорится, эскалация мировой напряженности, потом не воевали они на своей территории, не бомбили их, вот Швеция, она уже 150 лет не воевала, а все же что из того следует, падение детской рождаемости и кругом разврат, они там прямо в автомобилях на улице, остров у них там есть, место для отдыха, так ходят там только в голом виде, появишься ну хоть в трусах, так тебя же и в полицию отведут, вот какие порядки, вот мне приятель рассказывал, там на Западе, можешь выйти в сад без порток и делай что хочешь, хоть нужду справляй и никто слова не скажет, а все почему, а потому что мой дом — моя крепость, звериный закон буржуазного общества, друг друга убить готовы, человек — человеку лупус эст, это значит волк, международная обстановка сейчас сложная, сионисты развязывают войну на Ближнем Востоке, в Италии неонацисты активизировались, китайцы, понимаешь ли, воду мутят, совсем с ума сошли, вот в Чехословакии как хотели повернуть, если бы не мы, так на следующий день туда бы немцы вошли, у них уже сорок дивизий на границе стояло под видом маневров, войска стран НАТО, а в Африке на днях был переворот, опять ЦРУ замешано, уровень жизни еще не все, надо чтобы вот здесь...

он стучит по лбу,

было, и вот здесь...

улыбаясь, похлопывает себя по груди,
лет через десять и у нас будет полный порядок, ничто
сразу не дается, и Москва не в один день строилась...
встает и, пошатываясь, подходит к карте,
мы эту Германскую демократическую... тьфу ты, фе-
деративную республику одним махом, в пух и прах,
мы все можем, у нас ракет больше, чем у янков, мы
теперь тоже авианосцы строим...

он здорово оживляется,
вот, вот, гляди вот, одна шестая часть, вот, гляди, вот
Тюмень, вот нефть, богатство, крупнейшие мировые
запасы, а Япония тут ерунда какая-то, ошметки, что-то
вроде Курил, но...

он поднимает палец,
приемники они хорошо делают, это не отнимешь, а вот
синтетика у них хуже, но вообще-то они трудолюбивый
народ, самураи...

он снова садится,
ну, поеду я, а ты запомни, нужно братья за ум, а Пас-
тернак твой дерьмо, одна пошлятина, ну дал ты мне
читать, ну что там, плащ был на нас, теперь он под
нами, фу ты черт, сплошная пошлятина, так ты запо-
ни, Есенин, ну давай, поцелуемся... Есенин, он был...
запомни, главное в жизни это экономика... а также во-
просы социальные и политические...

***

Жуткие, страшные сны. Такие сны, что лучше бы
их не было вовсе. Марина удивлена тому, что ты всегда
спишь при свете.

— Я бы не смогла так, ведь выспаться можно толь-
ко в темноте.

— А вдруг я проснусь среди ночи и испугаюсь.

— Чего?

— Ну, их. Открою глаза, а они лезут из стен, про-
тивные, как черви.

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

— Ах, ты, мой маленький дурачок!..

— Будь со мной всегда, и я не буду ничего бояться.

— Шантажист! Я и так часто бываю с тобой. Раз в неделю это уж обязательно. И с тебя этого достаточно.

— Нет, мало. Я хочу каждый миг быть с тобой, чтобы прижаться к тебе и спать, а потом проснуться и, не открывая глаза, дотронуться рукой... А правда, что для того, чтобы получить хорошую роль, нужно переспать с режиссером?

— Не обязательно, но желательно, мой глупый мальчик, мой дурачок.

— Лапка моя, мне жутко, мне страшно, не оставляй меня...

— Нет, нет... Никогда... Ни за что...

Она прижимает твою голову к груди, гладит твои волосы, напевает какую-то старую колыбельную песню.

— Баю-баюшки-баю...

Ты засыпаешь,
легко, сразу,
жуткие, страшные сны,
женское тепло,
маленький желтенький цыпленочек под крылышком
своей курочки,
мама выходит из мрака вся в белом и голубом,
у мамы пустые глаза,
все в белом и голубом,
лежа на дне глубокой ямы,
липкая грязь течет за ворот,
ждешь, когда они начнут заваливать,
зазубренные жала лопат,
их рукоятки безукоризненно отполированы ладонями,
мерзлые комья ужасной рыжей земли,
крик не может вырваться из сведенного судорогой рта,
голоса нет,
ты весь в поту, проснись,

приснилось очень страшное,
не засыпай снова, проснись, этот сон уйдет,
но он начинается снова,
этот сон,
мама,
я тебя не боюсь,
где ты сейчас и как тебе там,
мама не отвечает,
мама все в белом, как смерть, в белом, смерть на кар-
тинке, в белом,
с косой в руках,
помогите голодающим Поволжья,
в белом, белом и голубом,
яма,
а гроб опускают прямо на тебя,
доски перед глазами,
десять миллионов заноз,
глубокие оспинки от гвоздей,
осторожно,
не кантовать,
сейчас раздавят,
но я живой, живой, о что же они делают, мама, какое
они имеют право, мама, я не хочу, мама, почему они не
спрашивают, почему это происходит, кто меня приго-
ворил,
мама, мама, мама, помоги мне, не оставь меня, дай мне
свою руку, вытащи меня из этой глубокой ямы,
мохнатое существо колотится там за досками,
ближе, ближе, ближе,
но тут зеленое,
а потом желтое и оранжевое,
и фиолетовое,
и снова желтое,
сейчас они опустят и раздавят,
мама,
я живой,
я живой, живой,

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

я живой, живой, живой,
слышите...

Наконец вырывается крик. Вскокиваешь. Весь мокрый. Крик не смолкает. Крик становится визгом.

Выбегаешь на балкон. Пещерный житель выбрался на поверхность Дышишь. Визг доносится с нижнего балкона. Кудлатая супруга, настоящая лахудра, лупит своего законного и визжит при этом, как сука.

— С добрым утром, — говорит Марина, открывая глаза. Она сладко зевает и потягивается. У нее очень красивые плечи.

***

Приносились клятвы, мысленно и устно, стереть его с лица земли, растворить в колбе, уничтожить как класс, переработать на мыло, убить как бешеного пса.

Самый лучший вариант. Выстрел в ухо. Дымится дуло револьвера. На мостовой — лужа крови. Ее лижут другие псы. Я не виноват. Я убил бешеного пса.

Приливы крови, — клокочет ненависть, пульсируют виски, колотится сердце. Приливы крови, — туман в глазах, слепая ярость, сжимаются кулаки. Поджарить на медленном огне. И без масла. Без масла. Жестоко, конечно, бесчеловечно, но только это может утолить жажду мести.

А он является, весь вымокший под проливным летним дождем, печальный и тихий. У него с собой бутылка водки. Он бормочет, не глядя тебе в глаза:

— Мне, видимо, не следовало...

Робко протягивает руку.

...приходить, но...

Рука у него влажная.

...я давно хотел и...

И липкая.

...все никак не мог решиться, я знаю, мне оправдания нет, тут и разговаривать не о чем, я даже боюсь...

Он смотрит тебе в глаза.

...посмотреть тебе в глаза...

Помогаешь снять плащ. Приносишь тапочки. Ставишь бутылку водки на стол.

...вот, водку принес, чтобы помянуть...

Ставишь на стол три тарелки, две рюмки. Кладешь две вилки. Вынимаешь из холодильника мясные консервы, лимон, сыр. Достоешь хлеб из полиэтиленового пакета.

...ведь сегодня ровно шесть месяцев...

Капает вода из крана.

...попытаюсь что-нибудь сделать...

Требуется шведский ключ. Возится. Требуется плоскогубцы. Просит подержать вот тут.

...нет, не тут, а вот тут...

Скрежещет.

...сейчас будет готово, ну вот, готово, попробуй, нет, все равно течет, немного, это нестрашно, нужно больше накрутить, нет ли масляной краски...

Нет. Масляной краски нет.

...значит придется отложить до следующего раза, если вызвать слесаря, он это сделает в два счета, раз и два, и уже готово, как говорится, дело мастера...

Можно приготовить глазунью. В холодильнике — шесть яиц. Но он отказывается от глазуньи. В память усопшей. Фу ты, хорошо пошла. Алкоголь ударяет в голову. Говорить не о чем. Поставил чайник. Выпили еще раз. Закусили. Он тоже молчит. Предлагаешь сигарету. Он закуривает.

— Давно хотел придти, но боялся. Я был тогда, во время похорон, вернее, на похоронах. Я стоял в стороне. Ты меня не видел. Потом, когда все ушли, подошел.

— Чем ты сейчас занимаешься?

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

— Все по-старому. Перевожу одну английскую книгу. Неинтересно, но денежно.

Эти руки обнимали маму. Эти губы целовали маму. Это лицо целовала мама. Симпатичный. Тридцать семь лет. Седина едва тронула виски. Очень красиво. Просто восторг. Должно быть, пользуется успехом у женщин.

— Я еще налью...

Эти губы целовали маму. Шептали слова...

— Очень хорошо, что пришел, ты единственный, кто вспомнил...

...или не шептали.

— Допьем до конца, чтобы ничего не осталось... или я пойду... я тебе, наверно, мешаю...

— Напротив, напротив!..

Глядит в потолок. Глядит в окно.

— Какой замечательный вечер!..

Мокрый асфальт. Мокрые листья. Совершенно пустая улица. Тягостное молчание.

— А тогда, два года назад, помнишь?..

«Не ругай его, он вполне самостоятельный человек, я думаю, все обойдется». Она отвечает, сокрушенно качая головой: «Ну почему, почему он всегда попадает в какие-то нелепые, чудовищные истории». И обращаясь к тебе: «Ну почему? почему? почему? скажи мне, выпутывайся теперь сам!». И окончательно расвирепев: «Вот что, мой милый друг, женись на ней, слышишь, женись!..» — «Успокойся, успокойся...» — «Нет, женись на этой девке, на этой проститутке...»

А получилось так. Вышли с Чёрным из ресторана (отмечали день рождения Чёрного). Чёрный — старый друг, и в школе, и в техникуме учились вместе. И были раньше неразлучны, не то что теперь. Чёрный — модный парень. Его отец во Внешторге работает, а мать в ИМО немецкий преподает. И дома у них полно разных отличных штучек: два транзистора с 13 метров, магнитофон «Грундик» (папаша Чёрного хвалится: «Я вместо

него мог бы привезти целый гардероб»; а мамаша Чёрного говорит: «Вот и лучше было бы, а то совсем голова раскалывается, весь дом радиофицирован, можно подумать — у нас магнитофона не было»; и кивает на магнитолау «Вайва», жуткое барахло), взбивалка для коктейлей (очень вкусные у них коктейли: молоко, мороженое и сироп), два холодильника с японской выставки (в одном — жратва, в другом — коллекция спиртного: Джонни Уокер, Камю, Куин Энн, Мартини). «Я больше всего люблю наш армянский», — говорит папаша Чёрного. «Хотите анекдот? — Мамаша Чёрного настоящая ходячая энциклопедия анекдотов. — На выставке в Париже армянский коньяк три звездочки получил золотую медаль, а пять звездочек — ничего не получил. Почему? Сами удивляемся, из одной бочки наливали». (Мамаша Чёрного, образованная женщина, тонкий знаток Бальзака, очень обижается, если ее бородатые анекдоты не вызывают приступов здорового смеха. Приходится, хочешь-не хочешь, растягивать губы, скалить зубы, делать стандартную американскую улыбку № 1. Но это — палка о двух концах. Мамаша Чёрного довольно ухмыляется и сыплет анекдоты, словно пшено курам), бесчисленное множество безделушек, игрушек, побрякушек (и все это расставлено по полочкам, разложено на пианино, на буфете, подвешено к потолку, приделано к стенам...).

— Я, пожалуй, пойду...

— Рано собрался, еще не всю водку выпили...

— Тогда наливай помаленьку, чтобы больше одуреть...

— Готово...

— Ты пойми меня...

— Я понимаю...

— Если бы можно было знать на будущее, разве...

— Я понимаю...

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

Схватился за голову. Чуть не выдрал себе клочок волос. Даже целых два клокочка. Эти волосы гладила мама. Он по утрам причёсывался в прихожей, у зеркала.

...Вышли мы с Чёрным из ресторана, оба веселые и пьяненькие. Съели немного, а выпили порядочно...

Он причёсывался и улыбался.

...и тут как раз эти девицы, брюнетка и блондинка. Сначала мне приглянулась брюнетка. Чёрный бросился на них, как ястреб, и сразу как-то договорился...

Он причёсывается у зеркала и смеется, а мама в ужасе.

...обо всем. Поймали такси. Чёрный сел вперед, а я — с девицами. Тут я разглядел блондинку, и она мне больше понравилась. У дома я шепнул Чёрному: мол, которую выбираешь? Он: а мне все равно. Дернул же меня черт выбрать блондинку!..

Мама уже не в ужасе. Она тоже смеется.

...Родители Чёрного на курорте, вся хата в нашем распоряжении. Выпили, покурили, потанцевали и спать легли. Я в одной комнате, а Чёрный в другой. Третью мать Чёрного запирает. У нее там барахло навалено...

Мама возмущена. Она считает, что девиц следовало бы проводить домой.

...Утром просыпаюсь, — голова разламывается. Блондиночка, оказывается, страшна, как третья мировая война. Вся в пупырышках и ноги колесом...

Он смеется, а ты ему на ухо:

...а одеяние свое достает из-под кровати, зачем она его туда запихнула, — непонятно...

Мама не расслышала, переспрашивает.

— Устроили, значит, небольшой сесибончик, — говорит он.

Мама снова переспрашивает.

...интересуюсь у блондиночки, чем она занимается. Малер. А что это такое? Ну, думаю, художник. Оказывается, в ПТУ на маляра учится. Я и опупел. Сколько же

тебе лет? Шестнадцать. Причем самым невинным голосом...

Мама то в ужасе, то смеется...

— Помнишь ту историю с блондиночкой? Она тогда совершенно нормально прореагировала.

— Еще бы, совершенно нормально.

Первым делом успокоила нагрывавших родителей блондиночки-малера. «Ваш сын соблазнил нашу деточку, ох-ох...» А на ней пробы негде ставить. «Ее теперь замуж никто не возьмет...» Да кому она вообще нужна. «Пусть ваш сын теперь женится...» Ну, конечно, женится, непременно женится, он ее очень любит и только мечтает об этом, а теперь, раз вы тоже согласны, ну конечно же, женится. «Мы согласны, согласны...» Так. Очень хорошо. Просто изумительно. Только придется чуточку обождать. Это все так неожиданно. «Мы обождем, обождем...»

Следуют трогательнейшие поездки к «невестушке». «Ну, зятек, давай-ка за успех предприятия!» Маленькие колченогие рюмашки со сладеньким приторным винцом. Жуткая гадость. Папаня «невестушки»: «Не стесняйся, называй меня просто дядя Федя...» Супруга дяди Феди — будущая теща. Полтора слона. Бумбумбум своими бревнами. Их старшая дочь, здоровая, как кобыла, красномордая дура. «Ноги вытирай, чтоб я целый день должна тут за вами мыть...» А «невеста» прямо как невеста. Только без фаты.

Ох, как они взбесились, когда получили привет. Нежный такой привет ручкой. Ручкой вверх, ручкой вниз. Так-то, папаня. «А мы заявим, заявим...» Заявляйте, заявляйте. Знакомый юрист сказал, что если в течение двух недель не заявлено об изнасиловании, значит, никакого изнасилования не было. А ты вот уже два месяца ведешь дипломатию с «невестушкой». А теперь — привет. Привет ручкой, папаня. Все сроки вышли.

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

— Я пойду, — говорит он и начинает собираться. Садится на табуретку и долго завязывает шнурки.

— Ну-ну...

— Если бы ты только знал, как мне тяжело. Вот выпил, а на душе все равно камень...

— Я знаю, знаю...

— Если бы все вернуть, но не тут-то было...

— Я знаю...

— Нет, не знаешь...

— Знаю...

— Если бы Новый год мы встречали вместе... а я ее обманул... сказал, что приду, а сам...

— Я знаю...

— Но кто бы мог подумать, что из-за этого... если бы я знал... о как мне ее не хватает...

— Я знаю...

— Она ушла и ничего не оставила... после себя...

— Оставила записку, в которой... в которой все объясняет... ты ее последняя опора в жизни... последняя надежда... ты обманул...

— Я не хотел...

— А ты обманул... собрался жениться на дочке Козлодуба... какого-то героя... женился на ней?..

— Боже мой, как все глупо!... Нет, не женился...

— Я уничтожил эту записку...

— Уничтожил...

— Она не позволяла мне жить...

— Знаешь, как мне тяжело...

— Знаю...

— Прости меня, если можешь... я виноват... но я не хотел... это какое-то страшное стечение обстоятельств... рок...

— Я простил тебя... причем тут я... я ничего не понимаю...

— Ну, я пойду...

— Она написала, что винить тебя нельзя... ты намного моложе... ты должен... а у нее все по-другому...

Слышно, как он медленно спускается по лестнице.
Равномерно раздаются шаги. Тупо и тяжело.

На улице снова льет дождь.

***

Старик,
вы пришли к нему с Жорой Мерсисовым,
трясущиеся руки, большая голова, прямо кочан капу-
сты, круглая,
чтобы он рассказал вам о Блоке, он был знаком с
Блоком,
чёрный сюртук с заплатами на локтях, брюки с запла-
тами на коленях, котелок 19 века на вешалке,
интересно, что он расскажет, он должен знать много
интересного,
Жора Мерсисов горд тем, что отыскал этого старика,
старик носит забавную фамилию Карцер, бывший ак-
тер Малого театра,
я прослужил там сорок два года,
уверяет старик,
он указывает на лацкан сюртука, на орден трудового
красного знамени,
этим правительство отметило мою сценическую дея-
тельность,
ворох старых фотографий, документов, писем,
это мы в Берлине, императора Вильгельма, знаете, ко-
нечно, кто это,
это германский император, Берлин — столица Пруссии
и всей империи, императора Вильгельма я видел, ну
так,
сниходительная улыбка, неторопливый жест,
как вас, как вас,
о это должно быть очень интересно,
весьма, весьма,
в Берлине, знаете ли, конка лучше нашей и фонари у
них ярче,

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

вырезки из газет, открытки, бумажки, квитанции, счета, мужчины с кретинскими усиками и идиотскими ухмылками, с тросточками, в канотье, ловеласы, альфонсы, придурки,

женщины с томными очами, типичные психопатки, неврастенички, великие актеры своей эпохи,

театр, театр, батенька, это храм,

Станиславский глядит с портрета, сложил губки бантиком, впечатляет,

Бог мой, чего я только не повидал, в семнадцатом стреляли прямо с крыш, прямо с крыш — бах-бах,бах, стекла сыпались, Элеонора Федоровна, моя матушка, чуть со страху не умерла, о, было всякое, Прага, Будапешт, Вена, вы любите Штрауса, пам-пам-пам-пам-пам-па-па, вскакивает и кружится по комнате, пузатый и корявый, все три кошки с ужасом наблюдают за ним, наконец одна, серая, облезлая, не выдерживает, прыгает на кровать, а с кровати на шкаф,

а это мой любимец Саня,

рыжий кот, почувствовав ласку, принимается мурлыкать подобострастно и противно,

я его в честь себя назвал, собак терпеть не могу, ненавижу, итак, на чем же мы остановились, ах да, император Вильгельм, он представительный человек, но повел себя нехорошо, вы, понятно, читали об этом в газетах, Босния и Герцеговина, Рур, Польский коридор, ах-ах, видимо, будет война, грибы, грибы, а это к войне, жаль, подевалось куда-то письмо моей покойной матушки, она была восхитительна, умница необычайная, это письмо раскрыло бы вам глаза на многое,

взгляд скользит по золотым переплетам Брокгауза и Ефрона,

а это моя жена,

худая женщина с кофейником в руках,

прошу любить и жаловать,

мы уже знакомы,

мой муж знает массу интересных вещей, к нам прихо-

дит столько посетителей, из журнала недавно были,
потом какие-то следопыты, следопыты,
мечтательно произносит старик Карцер,
в студенческие годы у нас были крайне левые убеж-
дения, мы всегда помнили лозунг большевиков: «в борь-
бе обретишь ты право свое!»

эсеров,

нет, большевиков, уж позвольте мне знать, все это ста-
ло достоянием истории, помните, как это у Шекспира,
сейчас... ах, да, забыл, забыл, вот, значит, стареем, ста-
реем, жаль, что я не понял этого раньше,
замолкает, сосредоточенно размещивает сахар,
космонавты,

бормочет под нос,

какая четкая дикция,

еще бы, старая школа,

сердце пронзила любовь, ах, любовь, любовь,

напевает себе под нос,

и все же нам хотелось бы поговорить о Блоке,

Саша, Саша, молодые люди,

ах, оставь, я все знаю, о Блоке, вот, пожалуйста, вам

о Блоке, Блок писал замечательные стихи, он был очень

талантливым поэтом, его любила Анечка, моя кузина,

и чуть было не покончила с собой, ее вовремя спасли,

знаете ли в блокаду им было не до этого, что за ерунда,

все так нелепо оборвалось, я скорблю всей душой, про-

шу мне верить,

Саша, молодые люди,

я знаю, помню ее совершенно отчетливо,

о Блоке,

он был талантлив, Есенин тоже был талантлив, Мая-

ковского я не любил, все у него тыр-пыр-мыр,

спасибо,

не стоит благодарности, читали последнюю речь Ста-

лина,

простите, не понимаем,

это про ударные бригады, 19-ый партсъезд,

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

какие там ударные бригады,
по радио передавали совсем недавно,
вы что-то путаете, вот уже шестнадцать лет, как Ста-
лин умер,
умер, как умер, не может этого быть, а Хрущев где,
его сняли, он на пенсии,
а как Сталин на это реагировал,
все понятно,
т-сс, тихо, слушайте,
старик Карцер прикладывает палец к губам,
где-то тарахтит компрессор,
слышите, они летят, летят, скоро опять начнется,
он провожает вас до дверей,
заходите, молодые люди, всегда вам рад, а они пусть
летят, вы их не бойтесь,
жаль, что вам не повезло,
говорит жена Карцера,
он не всегда не в себе, он очень интересный человек,
к нам приходили из журнала, и пионеры тоже, он обо-
жает кошек, он хорошо владеет рапирой, ходит в ку-
линарию за творожничками, я выкинула его рапиры,
он бы убил наших кошек, на него это находит, но он
добрый,
да, да, непременно зайдем,
заходите,
зайдем, зайдем,
кстати, каких вы придерживаетесь убеждений,
левых, левых, самых левых, у нас детская болезнь,
крайне левых,
прекрасно, значит, единомышленники,
он искренне пожимает вам руки,
в борьбе обретешь ты право свое...

***

И еще один старик. Уже без Жоры Мерсисова.

Был жаркий день, и старик сначала вытер лоб
большим клетчатый платком: — «Жарко, жарко», —

вздохнул, убрал платок и лишь после сел за столик. Окинул зал, поправил салфетки и снова полез за платком... Нет, за очками.

— Есть люля, сосиски, блинчики с вареньем...

— С клубничным?

— И с клубничным и с вишневым.

— Нет, с вишневым не так вкусно, вот с клубничным, именно с клубничным, две порции, пожалуйста, ах да, и стакан молока!

— А молока у нас нет, гражданин...

Старик как-то растерялся, съежился, захлопал глазками.

— Ах жалость, право, какая жалость...

— Не бывает у нас молока, гражданин. Могу принести пиво... Или минеральную...

А у тебя в портфеле покоился пакет молока. Ты вынул его и протянул старику.

— Нет, нет, право, как-то неудобно. Неловко как-то. Вам придется идти в магазин... К чему вам... Беспокойство из-за меня... Право, не знаю...

Но ты настаивал.

— Спасибо, спасибо, молодой человек! Я расквашусь! Лимонадом! Барышня! Барышня! Бутылку лимонада для молодого человека! За мой счет...

Старик тщательно прожевывая блинчики, облизывая губы, пил молоко маленькими глоточками, словно оно было горячим и он боялся обжечься.

— У меня зубов совсем нет... вот и жую, жую...

Ты часто встречал его в этом кафе с идиотским названием «Юбилейное», где такое скудное меню и такая отвратительная кухня, и где вместо кофе подают помой, а вместо мяса — резиновую подметку, но где так тихо и спокойно, где можно забиться в угол, жевать как-нибудь гадость и отдыхать.

— А блинчики с клубничным вареньем?

— С клубничным.

И всякий раз старик оживлялся, сверкали стекла

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

очков, потирая руки и улыбаясь, он открывал принесенное с собой молоко.

Забавный старик. Очень забавный.

Он отодвигал пустую тарелку и принимался за новую. Очень забавный старик.

Он допивал молоко, расплачивался и уходил. Иногда заказывал еще одну порцию. Третью. А иногда еще одну. Четвертую.

— И варенья побольше, побольше варенья... я уплачу...

Забавный старик.

— А вы разве не знаете?

Ниночка, рыженькая официанточка, тростиночка, прелесть, зеленые глазки, стоит перед тобой.

— Я думала, вы знаете. Он умер прямо тут, за столиком. Разрыв сердца. Какой-то идиот подумал, что он пьяный, начал тормошить. А он мертвый. Я так испугалась. Я даже заплакала, уж очень жаль старичка. Такой забавный был старичок. Такой любезный был старичок. Такой опрятный был старичок. Что будете заказывать? Есть люля, сосиски, блинчики...

— Блинчики с клубничным вареньем. Одну порцию. Бутылку лимонада.

Своеобразные поминки. Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Неизвестного Старика. И сотвори ему, Господи, вечную память. Вечная память... Вечная память... Ве-е-е-ечная па-а-а-амьять... И ты мысленно перекрестился. Поставил в душе свечечку.

Лохматый парень опустил пятак в музыкальный автомат. И вот — веселая мелодия. Правда, чуточку грустная...

***

Мощная фигура. Косая сажень в плечах, как говорили в старину. Гангстер из Чикаго. Боксер. Штангист. Это Сасша (так вы коверкаете его имя) по фамилии

Биплан. Он гордится своей фамилией. Он уверен, что у него очень редкая фамилия. Он командор, бригадир, главоверх, фюрер, дуче, вождь над вами. А вас, плюс ты и плюс он, шесть рыл ровным счетом, отличных ребят, по крайней мере с виду. Каждый с огромным рюкзаком, словно у них там награбленное. А у тебя рюкзак маленький, можно, сказать, крошечный. Так, рюкзачишко, в котором две рубашки, обе теплые, три пары носков, запасные штаны, трусы, майка, очень толстый свитер, — синтетика, японское производство, — зубная щетка, два тюбика пасты «Поморин» (уничтожает дурной запах изо рта, укрепляет зубы, предохраняет их от разрушения и образования зубного камня, придавая им белизну, утверждена как профилактическая, предупреждающая гингивиты, анфодонтоз, покраснение, опухание, боли, кровотечение и нагноение десен, расшатывание и оголение зубов, одним словом, шикарная зубная паста, почти лучшая в мире), кусок мыла и несколько номеров журнала «Иностранная литература» за 1964 год.

Сдружился с Пертовым. Пертов — симпатичный, белобрысый парень, 23-х лет, — не служил, не был, не имел, не смотрел, не видел, не слышал, молчал, холост (отличная характеристика!), в меру болтлив, но все же на гран больше, чем прочие.

— Знаешь, старик, а пожалуй, деревня совершенно не изменилась, — говорит твой милый друг Пертов, — за последние сто лет...

Как же так! Прогресс явно налицо. Крыши утыканы телевизионными антеннами. Да и сами крыши — это уже не солома или дранка, а жесть или шифер. Линии электропередач, растопырив железные ноги, встали в полный рост. На проводах сидят вороны. Лампочка Ильича в каждом доме. В каждом доме радуются новым трудовым победам. Ключом бьет жизнь. О ее биении население информирует радио. Тракторы ползают по полям, автомобили снуют по дорогам. Пыль столбом,

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

хоть противогаз надевай. Дрова пилят не вручную, а пилой «Дружба». Пила «Дружба» сильно воняет и громко тарахтит, но пилит хорошо. Кругляки, или как их лучше назвать, ну, скажем, балдобабы, швырк-швырк под колун. А колун — шась-шась. Полчаса и готова целая поленица. Билет в клуб стоит 30 копеек. Фильмы интересные, почти новые. В магазине чисто и просторно. В магазине хлеб наш насущный, водка наша насущная, закуска наша однообразная, — сыр, колбаса, консервы — и даже шампанское, которое никому не нужно.

— Но иногда всё же зависть берет... у них тут лошади... так сказать, кони... а там, в городе, это недоступно... здесь букет запахов... молоко, навоз, трава, болото, дым, роса...

Подвыпивший пастух говорит: бери, мол, катайся, сколько влезет. И вот лошадь, или там конь, встряхивает тебя на колдобинах. Но, но, милая! Как тебя зовут, лошадка, сивый мерин, пегас, козерог? Лошадь, или там мерин, трусит по ухабам. Дергаешь за уздечку и — ногами. Дергаешь за уздечку и — ногами. Дергаешь за уздечку и — ногами. А эта лошадь-пегас-козерог всё равно быстрее не идет. Трусит по ухабам сволочь-дрянь-меланхолик, и всё.

И вот навстречу грузовик ГАЗ-69, ужасная развалина, просто барахло, круглые вмятины на дверях, словно кто-то таранил их головой. Громыхает цепями прицеп.

Командир, вождь, основатель и руководитель вашей бражки, вашей гоп-компании, вашей шараги, вашей, говоря официальным языком, строительной группы Сасша Биплан держит слово с грузовика. И опричники, побросав работу, — а ты на коне, — и врубив топоры в бревна (единственное, что красиво и легко получается), с покорным видом «не вели казнить, вели помиловать» ожидают. Речь лидера начинается с огромных взмахов огромными ручищами и с несколько необычного обращения:

— Сволочи!..

Ах, Сасша, ах, Бипланчик, ну почему ты не сказал как-нибудь поласковой, ну сказал бы: товарищи, или господа, или джентльмены.

Закат прекрасен, и твой силуэт на фоне заходящего красного круга, должно быть, тоже прекрасен.

— ...ничего не сделали, — продолжает Биплан, — а я там стараюсь материал выбиваю целый день без жратвы а тут пятеро обормотов не могут одного бревна обтесать а доски почему не ошкурили ой-ой-ой что я вижу вон то дерьмо кто прибил ну ладно пусть остается...

А ты с коня, величественно:

— Ошибаешься, сэр, очень много сделали.

— ...слезай сейчас же с этой зебры разобьешься мне потом за тебя отвечать вы поймите сволочи что я тут главный и мне отвечать за всё спросят не с вас а с меня...

Идешь и ведешь за собой лошадь. Прекрасно. Ты просто неотразим. Цокот копыт. Нет, стихи здесь не попишешь.

— ...бу-бу-бу-бу-бу-бу-бам-бам, — надрывается Биплан, на секунду умолкает перевести дыхание и снова: бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу-бам-бам-бам я стараюсь а теперь понимаю что вы просто неблагодарные люди ну я же вас просил а ты чего скалишься я же просил вас через несколько дней приедет директор нужно чтобы видимость какая-нибудь была ничего не сделано я думал увижу тут а ничего нет тара-тара бум-бум тара-тара бум-бум тара-тара бум-бум-бум-бум-бум-бум-бум-бум-бум...

Всё-таки как прекрасен закат.

— ...взял вас всех я дурак идиот себе волосы рву взял на свою голову а мог бы и не брать и очень теперь жалею что взял из всех вас только двое ты и ты хорошо работают а остальные все лоботрясы да что вы чёрт бы вас побрал не бесплатно же работаете чем раньше сделаем тем раньше возьмем свои деньги и тем раньше смо-

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

таемся отсюда или вам нравится по колено в дерьме ходить...

— ...нет... нет... не нравится... нет...

— ...вы думаете мне не надоело вот плюну на всё и уеду брошу вас тут на произвол судьбы не надо было брать шантрапу ездил сюда договаривался а с вами каши не сварить вот Пертов не доволен зачем ты болтал мы мол не студенческий стройотряд и вообще хватит нами командовать а едой кто не доволен по пятьсот грамм мяса на человека где это видано...

— ...как недовольны... очень даже довольны... абсолютно довольны... раньше никогда так не ели...

— ...то-то же...

Во-первых, по 500 граммов мяса на брата в день вполне удобоваримой говядины, можно сказать, даже совсем свежей, от только что забитой коровы, правда, очень старой и, может, не по 500 граммов мяса, а по 450, но всё равно — обильно и зажиточно,

во-вторых, картошки какой угодно — ешь — не хочу, от пуза, жри, хоть лопни, картошка в любом виде — варёная, жареная, печёная, сырая, когда сырая, то на вид противная, зеленоватая и рябая, гниль,

в-третьих, молока — то же самое, от пуза, пей — не хочу, по полтора литра на человека, по поллитра, утром днем и вечером, красота,

а чай с повидлом это уже не в счет,

так что еда очень хорошая, как уже говорилось, всё обильно и зажиточно, очень хорошая еда, пицца, жратва, шамовка, жвачка, корм, силос, бурда, баланда и прочее, как там еще называют.

Жилище тоже отличное. Относительно чисто. Пахнет сеном. Тесновато, но мягко.

Хозяйка заявляет: девок, мол, никаких не водить. Биплан согласен: никаких, мол, девок не будет. Кто приведет — того в шею. А кстати, есть ли у вас в селе девки?

Выясняется, что подходящих девок в селе нет.

Хозяйка говорит:

— ...молодежь молодежь она нонче не та молодежь пошла что раньше бывалось раньше что бывалось вот страда так часа два токо и спишь а то всё в поле всё в поле придешь рук ног не чуешь токо опустишься как глянь стучат снова пора иттить а таперича всё по-другому таперича отдолбал свое и на печку или на гулянку мы ж раньше тож гуляли но такого сраму как ноне не бывалось таперича молодежь расползлася у нас ишо колхоз бедный был таперича вот совхоз тоже небогатый вся молодежь и подалась кто куды кто в соседний совхоз кто в центральную усадьбу там всё ж покультурней будет а большинство конечно это в города вот у меня сын после армии в милицию пошел таперича в Москве в метро стоит на посту вона сестры сын каменщиком в городе у другой сестры дочка замуж вышла таперича в Кииви живет все молодые кто школу кончил у нас тут восьмилетка враз улетают кто на работу на заводы в мастерские кто в техникумы поступает шофер Ванька вот и вся наша молодежь а что им интересно что ли тут в грязи да в навозе ковыряться мужики наши кто не тракторист не механизатор так тоже разбежались двое вот в лесничестве еще двое на строительстве в соседнем хозяйстве всей деревни-то нашей дворов сорок так из них почитай шесть заколоченными стоят жить некому а на МТФ нас десять баб со всей деревни скоро уж и работать будет некому остальные пенсионеры была у нас тут Стеша вековухой мы ее звали так недавно замуж за электрика вышла живет в центральной усадьбе у них там дом каменный а свой тут на дрова продала он у ней плохонький был молодежь говорите вот ветеринарша наша Зинка так она через месяц домой уедет на Тамбовщину два года после училища отработала и хватит...

— Порядка у вас мало. Вот мы в прошлом году в Волоколамском районе работали, так там всё честь по чести...

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

— Порядку мало, что ни говори...

А управляющий отделением, человек прямой, просто говорит:

— Совсем нет порядка. Откуда же ему взяться? Пьют все поголовно. Бабы тоже. А матом кроют, — они, бабы, — хоть уши затыкай. Мужикам стыдно. Никто работать не хочет. Это вот самое главное. И ничем их не заставишь. Их одно интересует, заработок. Вот на вашу работу — зернохранилище отремонтировать — охотников найдется уйма. Почему? Да работа-то плёвая и прибыльная. Сколько вам обещали? Десять тысяч? Да ладно, не темните. Я всё равно знаю. Так своим зарабатывать не даем. Вот вас взяли. Но это уже отдельный вопрос. А вот, скажем, скотник нужен. Кто пойдёт? Никто не пойдёт. Инвалид пойдёт, придурок пойдёт. Земля есть. Земли много. Вон целое поле свёклы. Посеять — посеяли, а убирать некому. Так вся и погибнет, если шефов не пришлют. А пришлют — польза, но маленькая. Они ж выборочно свёклу убирают. Только самую крупную. Им же неохота мараться. Вот говорите, — порядку мало. Я вчера пятнадцать рулонов толя привез, всё честь по чести, выгрузил, в сарай отнес. Тут по делу надо было отбежать. Возвращаюсь, тьфу ты чёрт, сарай не запер. И что же? Пяти рулонов как не было. Куда делись? Кто взял? Ясное дело, кто. Кто-то свой, кто знает. Вот. И это среди белого дня. А вы говорите — порядку мало. Тут вор на воре сидит и воров погоняет...

Полтора месяца трудового подвига под постоянными окриками Сасши Биплана:

— ...работайте, работайте, нельзя же так наплева-тельски относиться к делу...

— Подвиг не делают от хорошей жизни, — замечает Пертов, — в нормальной жизни нет места подвигу...

— ...ах ты лентяй, лоботряс, баклушейбой, трутень...

...ах ты мерзавец, феодал, плантатор, латифундист, мы тут не на галерах...

...работай, работай, да кто же так замок вырубает, дай топор, я тебе покажу, дай топор, кому сказал, дай...

Не дают Биплану топор. Не нужен тебе топор, Биплан. Болтай лучше с Зиной.

Зиночка жалуется:

— ...сил моих больше нет совсем мало осталось а дни идут как недели жду всё жду жду как в тюрьме нет даже хуже тут все хороши управляющий балбес с завскладом вась-вась материалы у него для себя получает бухгалтерша стервоза всем крутит как хочет директор-то без году неделя у нас на Тамбовщине и то лучше и асфальт и клуб большой кирпичный с колоннами и магазинов целых два и автобус в город рядом не за десять километров как здесь одним словом у нас там жить веселее...

И вот наконец-то работа закончена. зернохранилище отремонтировано. Можно принимать хлеб. Торжественная минута. Сасша Биплан забивает последний гвоздь. Прибивается доска, которая должна скрыть от людских взоров гнилую балку. Конечно, ее следовало бы сменить...

Шесть радостных рыл пересчитывают деньги. По тысяче двести одному рублю на брата. Нет, нет, пересчет. Общая сумма: семь тысяч двести шесть рублей. Правильно? Конечно, правильно. Двести шесть рублей исключаются из дележа. Это Биплану, бригадирские. Правильно? Ну ладно, правильно. А семь тысяч делятся поровну. Правильно? Правильно. Значит, каждому по одной тысяче ста шестидесяти шести рублей. Правильно? В остатке четыре рубля. А на четыре рубля кинем по-морскому. Ну-ка, мальчики, ваши пальчики. Один. Ничего. Ничего. Три. Один. И у меня один. Начинаю. Раз, два, три, четыре, пять, шесть. Четыре рубля тоже ему, Биплану.

***

Сначала она пудрит тебе мозги:

— Вы там, наверно, говорили о женщинах. И ты им рассказывал обо мне. Хвалился. Вот, мол, с какой я сплю.

— Там были одни педерасты.

— Тебя они не развратили, бедный мальчик?

Она стоит перед тобой. Ты лежишь на полу и разглядываешь ее снизу вверх. Ноги, красивые, стройные, крепкие ноги, бегут, бегут и становятся бедрами, прекрасными бедрами, умопомрачительными бедрами, и как-то резко — два таких полукруга, две дуги — переходят в талию, восхитительная талия. Но самое восхитительное это ее груди. Их можно целовать бесконечно. Они маленькие, упругие, помещаются в ладонях...

Она круто поворачивается на каблуках — вот дура! — как солдат и марширует к двери.

— Марина! — зовешь ты.

Шуршит ее плащ. Звенят монетки в кармане. Выпали. Катятся по полу.

— Марина! — снова зовешь ты.

Она возвращается той же идиотской марширующей походкой. Бог мой, как это раздражает.

— Ну, что ты орешь, я никуда не уйду. Я брала сигареты.

— Давай ляжем.

— Не хочу. Голова болит.

— Давай погуляем.

— Ни за что. Ноги болят. Очень устала. Правда, давай ляжем.

Ты поднимаешься с пола и ложишься в постель. Марина ложится рядом. Она курит и смотрит в потолок.

— Паутина в углу... Слушай, у тебя никогда не возникало чувство, что ты будто стеклянный? А?

— Нет, не возникало.

— А у меня так часто бывает. Вот и сейчас. Повернись — что-то треснет, хрустнет и я рассыплюсь.

Ты обнял ее.

— Я тебя соберу.

— Знаешь, я вот что хочу сказать... Я сегодня останусь с тобой, — я хотела уйти, потом передумала, — но это в последний раз. Мы не должны больше встречаться.

Ты вскакиваешь, как ужаленный. А она продолжает с жалкой улыбочкой:

— А ты думал, я — другая. Нет, мой маленький, ты ошибся. Я знаю себе цену. Было бы глупо приписывать себе достоинства, которыми не обладаешь. Актриса я никудышная, — да, да, — актриса я никудышная. Не надо. Ты в этом ничего не понимаешь. Ты, мой маленький мальчик, должен найти себе другую девочку. Ты найдешь себе миленькую славную девочку.

Ты схватился за голову:

— Прости, я ничего не понимаю. Или я пьян. Или я сплю.

— Только не надо никакой трагедии.

— Ты же говорила, что любишь меня... все эти слова... ты же их искренне говорила... зачем ты их говорила...

— Вот заладил — слова говорила. Я сейчас тоже слова говорю.

— Ты говорила, что любишь... любишь...

— Я и сейчас люблю тебя, милый. Слова — это мишура, серпантин, конфетти, слова ничего не значат. Есть определенные обстоятельства. И они изменились.

— Что за определенные обстоятельства? Ничего не понимаю.

— Ну, просто так дальше продолжаться не может.

— У меня в голове не мозги, а солома. Я ничего не понимаю.

— Поверь мне, я знаю. Так будет лучше для нас обоих. Главное, будет лучше тебе.

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

— Мне не надо лучше. Мне и так хорошо.

— Я всегда буду мечтать о тебе, о моем единственном любимом человеке. Пойми, кроме желания, существует долг. Если бы мы встретились раньше... если бы ты был ну хоть чуточку старше... если бы, чёрт побери, у нас были бы деньги...

— Что ты заладила — бы бы бы...

Сложила руки на груди, съежилась.

— Мне холодно. Милый, не кричи на меня. Крик абсолютно не нужен. Хорошо. Давай по порядку. Мне уже, — не еще, а уже, — двадцать девять лет. Я считаю, это много. Тебе же двадцать три.

— Ну и что же?

— Не перебивай. Я в том возрасте, когда нужно приставать к какому-нибудь берегу. Ты знаешь... я люблю тебя... я бы даже расписалась с тобой, но рассудок мой никогда не позволит...

— Я больше не могу. Я ничего не понимаю.

— Не надо. Не надо поцелуев...

— Ну пошли всё к чертям... будь со мной... ты для меня всё... ты мне мать, сестра... смысл...

Она вырвалась из твоих объятий. У нее на глазах слезы. Она говорит утомленно, очень тихо, еле слышно, просто шепчет:

— Всё равно ты меня не удержишь, милый мой мальчик. Нет, нет и нет. Пойми же наконец...

— Ничего не понимаю. Очень спать хочу. Утро вечера мудренее. Давай утром договорим. — Сказал и даже зевнул.

— Утром не будет по-другому.

— Марина!..

Она молчит. Делает отрывистые глубокие затяжки, яростно выдыхает дым.

— Марина!..

Ты бросаешься на нее.

— Пусти... сумасшедший... задушишь...

— Марина!.. не могу расстаться с тобой... люблю... не могу...

— Отпусти же меня... задушишь... синяк будет...

— Не могу я без тебя...

— О Господи, чуть не задушил... Еле вырвалась... Дурак... Честное слово, ты просто ненормальный...

Ищет на полу окурки. Отыскала.

— Нам только еще пожара не хватало!

Погасила.

— Значит, мне нужно просто скрыться? Я хотела проститься с тобой, провести последнюю ночь... Значит, нужно было просто исчезнуть. Так было бы лучше?

— Ничего не хочу знать. Я ничего не понимаю. Понимаешь ты, я ничего не хочу знать. Ничто не изменилось. Всё осталось, как было.

— Нет, маленький. Всё изменилось. В нашем распоряжении всего несколько часов.

— Ничего не знаю.

— У Бобочки кризис. У него кошмарное состояние. Если так будет продолжаться, он покончит с собой. Я это знаю. И кроме того, он дает мне деньги, он содержит меня. Да, да, и не делай, пожалуйста, такие безумные глаза. Я из породы людей, которых нужно вести за руку. Вот он и ведет меня за руку. Плохо, но ведет. А ты не можешь. Ты не можешь. Правда, ведь ты не можешь. Тебя самого нужно вести за руку. Бобочка поднял меня из грязи. Я недавно пыталась сосчитать всех своих любовников, дошла до ста и сбилась. Многих уже не помню... Есть долг, пойми, есть долг. Его родители ходят передо мной на цыпочках. Это Мариночке, то Мариночке. Они любят меня больше, чем своего сына. Они ужасно хотят внуков... Я не могу плюнуть им в лицо...

Она глядит на тебя взглядом наркоманки, говорит глухо и хрипло:

— Мне иногда ужасно себя жаль. Я хочу как-то не так, по-другому... ничего не выходит... я хочу, чтобы...

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

ах, ладно... Я жертва, жертва... ну, не молчи, скажи же что-нибудь... скажи, что я правильно поступаю...

— Дура, у нас есть всё. Мы любим друг друга. Это так редко бывает. Ты мне нужна...

— Милый, я люблю тебя, я без ума от тебя, мой маленький мальчик, мой хороший...

— Ты противная... использовала меня, как проститутку... толкнула на панель...

Она улыбается:

— Милый мой мальчик...

Она целует тебя

Утром она уйдет.

Ты будешь звонить ей.

Она не будет подходить к телефону.

***

Лысый мальчик, толстый и голубоглазый. Приземистая девица по прозвищу Броненосец. Юный псих с архиерейским крестом на шее. «Я верующий человек. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». Юный псих носит крест на цепочке от сливного бачка. И главарь шайки непризнанных гениев Вацлав Сизый-младший, бородатый, розовощекий, наглый, как танк, и очень начитанный. «Младший — это потому, что отец мой, светлый человек Вацлав Сизый, является старшим».

Шайка непризнанных гениев приносит с собой очень много дешевого вина — портвейн всех мастей, очень мало сигарет (их всегда не хватает, и тогда гении потрошат окурки, свертывают цыгарки), целый Монблан черновиков и рукописей, магнитофон, который каким-то чудом не успели пропить, и уйму грязи.

После небольшой алкогольной заправки Вацлав Сизый-младший приступает к чтению новой поэмы. «Я написал ее в метро, когда ехал сюда». Вацлав Сизый-младший плодовит.

Обычно поэма начинается с посвящений.

— Тому, кто видит, кто слышит, кто знает,
Иоанну под номером 23, Папе Римскому,
Николаю Бухарину, большевику, жертве красного тер-
рора,
Феллини и Бергману, мастерам своего дела,
неизвестному автору Амадиса Гальского...

Лысый мальчик, толстый и голубоглазый, — он фи-
лолог, — перебивает:

— Амадиса написал португалец Васко де Лобейра
в пятнадцатом веке.

— Лёвке, Лёвущке, коллеге, — продолжает Вацлав
Сизый-младший. Юный псих, заслышав свое имя, на-
бжно целует крест, — чмок-умуу, — судорожно крес-
тится, втягивает голову, закрывает лицо руками. Зага-
дочно розовеют его уши.

— И наконец себе, любимому, посвящается, — про-
должает Вацлав Сизый-младший, — эта поэма «Круг-
лый, как апельсин»...

После получасового жужжания он устает, да и го-
лос сдает, становится хриплым, и тут на смену заступа-
ет юный псих. После очередного возлияния.

— Давай, Лёвка! Круши, Лёвка!

— Погасите свет!

В абсолютной темноте Лёвка завывает и притопты-
вает ногами, демонстрирует очередной шедевр удивиз-
ма, новой литературной школы, созданной им и провоз-
глашенной им же авангардом русского искусства.

Лёвки хватает минут на пятнадцать, после чего си-
лы его покидают. Он в изнеможении валится на ковер.
Начинается вторая часть вечера, уже не столь офици-
альная.

И вот так — каждый раз.

«Ужасное состояние напились до блёва а ведь я еще
не закончил пятой главы в пятой главе у меня блеск
всё разложено по полочкам но в шестой я снова всё сме-
шаю а седьмая будет и вовсе о другом хочешь я тебе ее

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

посвящу так больше нельзя надо работать и работать с завтрашнего дня начинаем новую жизнь никаких пьянок только творческий процесс...»

Но новая жизнь никак не начинается.

Они уже порядочно надоедают тебе.

Жора Мерсисов, которого, кажется, не пронять никаким идиотизмом, и то сказал: «Честное слово, такого паноптикума я никогда еще не видел. Гони-ка ты их в шею».

Но их много, а ты один. И к тому же...

...подражаешь Гумилеву, Ходасевичу, Шершеневичу, Малевичу и Кандинскому, Ортеге и Гассету, непростительное кровосмешительство, — заявляет Вацлав Сизый-младший. Он советует подражать основателю удивизма.

— Удивизм, коллега, имеет большое будущее. Наше призвание не удивляться, а удивлять. Лёвке как раз нужны ученики...

Кто-то, кажется, приземистая девица Броненосец заявляет:

— Пора уже теперь подыскивать место где-нибудь на улице Горького между Пушкиным и Маяковским для сооружения памятника выдающемуся поэту современности Евтушенке...

Главарь взрывается. Розовые щечки становятся пунцовыми. Розовые уши Лёвки угрюмо лиловеют. Филолог тоже разъярен.

— Этому ублюдку? этому подонку? этому стукачу? — Главарь сейчас упадет и станет биться, как припадочный. Лёвка и филолог тоже.

— Мне, мне нужно поставить памятник! — вопит главарь.

Броненосец испуганно закатывает глаза и берет свои слова назад.

— Мне, мне нужно поставить памятник! — надрывается главарь. — Мне, а не этому...

Он добросовестно перечисляет тщательно скрываемые части тела обоих полов.

— Мне, мне нужно поставить памятник! Это я, я, я начал всё, когда здесь еще ничего-ничегошеньки не было. Это мы, мы, мы вынесли на своих плечах весь тысяча девятьсот шестьдесят такой-то год...

Пена.

— ...весь тот период. Я — поэт. Я был в психушке. Я прошел огонь и воду и медные трубы. Я был в ссылке как тунейдец. Когда я вернулся, я сменил миллион разных поприщ. Я был на поприще искусства отдохновения...

С юным психом, с Лёвкой, отцом удивизма и гигантом русского искусства, все же случается припадок. Вацлав Сизый-младший прерывает свою речь. Филолог настойчивыми пощечинами приводит в чувство юного психа. Юный псих сладострастно кривит губы. Он тоже хочет памятник. Юный псих забивается в угол и подозрительно оглядывает всех и вся.

Доходит очередь до утюга, старого и никому не нужного. Главарь пытается выкинуть его в окно.

— Я всегда так делаю, спроси кого хочешь. Везде так делаю, где бы ни был. Я у академика Цизальпинского так сделал. Электроутюги я оставляю, они пригодны в хозяйстве, но эти мамонты...

Ты хочешь рассвирепеть, но в этот момент звонят в дверь. Минутное отсутствие. Утюг полетел в окно и глухо шлепнулся там к вящей радости Вацлава Сизого-младшего.

— Рогнеда, — говорит рыжий мальчик, филолог, Броненосцу, — я хочу представить тебе своего друга, слесаря-гинеколога, безотказный специалист, если кто-нибудь нуждается в маленьком выкидыше, милости просим...

Рогнеда-Броненосец сразу кладет глаз на вошедшего.

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

— Чем занимаемся? Стихи, опять стихи... — говорит вошедший, гнусно потирая руки и гнусно ухмыляясь. У него вечно влажные губы.

— Устал, жутко устал. Прямо с работы. Чего у вас есть выпить. Кстати, старик, — он кивает тебе, — я договорился. Будешь работать через два дня на третий. Ночные дежурства. Гроши, конечно, но всё же...

И тут снова звонят в дверь. Соседка, та самая, что была мужа, с очаровательной улыбкой произносит:

— Нельзя ли потише топтать ногами, у нас штука-турка сыпется.

— Пардон, что по-французски означает извините.

— Мало того, что у вас магнитофон каждый вечер орет на всю Ивановскую...

— Извините, мы больше не будем. А не хотите ли зайти. У нас очень приятные молодые люди. Поэты, — приглашает главарь.

— Нет, нет, спасибо.

Она семенит по ступенькам.

— Милая бабёнка!

— В самом соку!

— Вот бы ей!..

— Еще бы, шарман!

Лёвик, юный псих, по-прежнему сидит в углу. Рогнеда-Броненосец удобно устроилась на коленях у так называемого слесаря-гинеколога. Рыжий мальчик внимает его рассказу.

— Погоди, давай выпьем, — предлагает главарь.

Выпиваешь стакан портвейна — мерзкое пойло, и тоже забиваешься в угол.

— ...игривая и вся в бранзулетках увидела меня ах какой вы молодой а у меня кастрец болит спрашиваю что это такое а она сами знать должны государство на вас деньги тратило раздевайтесь говорю посмотрим ваш кастрец или крестец я на двойки учился точно не знаю ах какой вы пряткий а сами не можете наощупь нет не могу ну а вчера меня терапевт через пальто прослуши-

вал потом мужчина с женщиной говорю что у вас болит он к жене Шура что у меня болит задница у него болит передайте ему чтобы штаны снял осмотрел передайте ему что у него геморрой не может быть он у него уже был ему вырезали был да не сплыл отвечаю нет говорит у него видно сыпились а что это такое а это сыпь такая от грязи у нас уборную уже третий год не моют никак не могут дежурства по соседям распределить вот говорю направления вырежут унитаза да нет не унитаза а грыжу разве у него грыжа я ж говорил что геморрой а вам не нравится пусть будет грыжа заходит субчик вида угрюмого с усами кавказскими тип что с вами а ты сам отгадай как же я отгадаю а как хочешь так и отгадай иди говорю к растакой-то матери уходит и снова влетает помогите очень уж болит так мол и так а кто она и как ее зовут не знаю встретил на улице у магазина русский сувенир ну что ж ступайте к венерологу и ещё один приходит с транзистором зачем с транзистором пришли а я не к вам я его невропатологу отнесу так каждый день...

— А это вот купить не хочешь? — интересуется главарь и вынимает пачку фотографий. Обнаженные девочки в возрасте от 15 до 50 откровенно демонстрируют свои прелести. — Это из Германии.

— Думаю, это всё местные шлюхи.

— Жуткая порнография.

— Это не порнография. Я читал в Уголовном Кодексе. Порнография это когда в непристойном виде демонстрируется половой акт...

— Так и написано.

— Да, в комментариях к УК.

— Всё равно, за это тоже могут дать срок. Был бы человек, а статья найдется.

— Хотите стриптиз? — спрашивает Рогнеда-Броносец.

— Горим желанием.

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

Пустые бутылки катятся по полу. Рогнеда-Броненосец бабочкой соскакивает с колен.

Кофта летит в главаря. Юбка, — сначала она в ней путается, — в рыжего мальчика.

— А дальше не могу, стесняюсь, — кокетливо произносит Рогнеда-Броненосец.

Стриптиз угасает так же внезапно, как вспыхнул.

Вацлав Сизый-младший и рыжий мальчик-филолог отправляются по домам, к женам. Юный псих Лёвушка мирно спит на полу, положив под голову обе лапки. Рогнеда-Броненосец ложится с этим, ну который прекрасный рассказчик, и ее истошные вопли, — пьяная дура, совершенно пьяная дура, — выгоняют тебя на улицу.

***

...Больных много, в коридоре двое на раскладушках лежат, вот мы и застряли, и старичок под себя наделал, пришлось его обратно вести, ему уже мало оставалось, пить в больнице никому нельзя, а у него в тумбочке всегда бутылка мадеры, это его любимое вино, мы с ним даже вместе как-то выпили, славный старичок, сейчас, наверно, уже помер, никому не желаю в больницу попадать, обстановка очень тяжелая, кормят скверно, в день чуть больше, чем на полтинник, еще Толика очень жалко, худой, бледный, кожа да кости, очень мучился, совсем не хотел умирать, глаза у него были полны ужаса, и все твердил, скажите, я умру, умру, я его, естественно, успокаиваю, нет, не умрешь, врачи вылечат, а он не верит, он не дурак, знает, что его песенка спета, может, и не знает, но чувствует, а няньки его тоже утешают, на твоей свадьбе гулять будем, какая свадьба, смех один, он уже и есть не мог, потом он как-то затих и несколько дней молчал, ни о чем не просил, ни на что не жаловался, только иногда плакал, выхожу я на дежурство, а мне го-

ворят, Толик умер, сейчас его в морг повезешь, везу я его, а меня самого ужас охватывает, вывез его из лифта, а простыня сползла, он голый, я так, чтоб не глядеть, поправил простыню и дальше, а морг за больницей в глубине, через сад, колесики скрипят, темно, и только впереди тускло светит лампочка, бегом, бегом, привез, а от запаха (воняет в морге жутко) чувствую — сейчас стошнит, вдруг откуда-то привидение в белом халате, закурить есть, а сам яблоком чавкает, покойничка привез, что ж сейчас его определим, подходит ближе, водкой от него разит, и все чавкает, сейчас меня точно вывернет наизнанку, я бежать, а он мне вдогонку, каталку-то заberi, я назад, он Толика, как бревно, швырк, и все чавкает, чувствую, меня уже ноги не держат, ну, думаю, лучше дерьмо выгрести, к чертовой бабушке этот приработок, лучше голодным ходить, маму вспомнил, ее тоже какой-то подонок так швырял, нет, нервы у меня, конечно, не в порядке, жаль Толика этого, совсем молодой парень, очень нужно иметь здоровую психику...

***

— Поймите, будут только наиболее близкие люди, так что Жору Мерсисова с собой не берите. Это я предупреждаю. Он пить не умеет, и потом Гриша (так зовут ее мужа), очень ревнует меня к нему. Не знаю, чем это вызвано, но ревность какая-то зверская, как у Отелло. Кроме того, Мерсисов напьется и упадет носом в тарелку. Один раз это уже произошло. Мы сидели в «Арагви» в обществе одного... ну, неважно, одним словом, с нами был весьма уважаемый человек, и мы имели глупость пригласить с собой этого Мерсисова. Он, конечно, чудный парень, талантливый человек, но невыносимый алкоголик. Он напился, окосел буквально после одной рюмки и упал носом в тарелку. У нас был шикарный стол. Пришлось все оставить, встать и уйти.

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

Все на нас пальцами показывали. Мерсисов годится только для балды. Что? Я говорю с ним хорошо только в балду играть. Я к телефону не подхожу, так если он вам позвонит и спросит, собираетесь ли вы к нам, скажите «нет». А сами приходите обязательно. И Марину берите с собой. Будет очень милое общество. Будете без Марины? Очень жаль. Но сами обязательно приходите.

Общество действительно очень милое.

1. Сияющая Мадам в новом платье со сногшибательным вырезом.
2. Некто Иванов, театральный критик и альбинос.
3. Фридоочка, подруга Мадам с доисторических времен, крупная женщина, вся в барашках.
4. Сонечка, или Сончик, ее дочь, с виду идеал дуры, девственна, как заповедник.
5. Профессор Пал Палыч Пэнкин, козлобородый и умный.
6. Гриша Отелло, муж Мадам, называющий ее Мурлыкой, самодовольный, загорелый, как черт...

— Еще бы, только вчера купался в Индийском океане. Прекрасная, какая прекрасная страна, сказочный остров, остров пряностей... в отлично сшитом светлосинем костюме.

— Это в Коломбо, у портного-китайца, без единой примерки, за два дня и совсем недорого.

— А мы думали, костюм от Диора, — говорит некто Иванов.

— Оставь в покое приемник, через этот вой все равно ничего не услышишь.

— Но приемник просто прекрасен, с 11 метров, четыре антенны...

— Там много прекрасных вещей, на все денег не хватило...

— Гриша, Гриша, не открывай «Кент», я только что распечатала блок «Марлборо».

— Пусть будут и те, и эти, — снисходительно замечает Отелло. — Вот, друзья, примите небольшие подарки...

И он раздает зажигалки, жевательную резинку и шариковые карандаши с плавающими женщинами (вверх — в купальнике, вниз — без).

— Оригинально!.. Оригинально!.. Потрясающе!..

Фридошка, забавно подмигнув Мадам, произносит:

— Ну, это нас мало интересует. Я имею в виду нас, женщин... — и щипет зачем-то под столом свою дочь за коленку.

— Жене-то навез тряпок, шкаф ломится.

Отелло машет рукой:

— Барахло одно.

Мадам приглашает Фридошку в соседнюю комнату. Та силится подняться, но кресло низкое, мягкое, и это ей удается с трудом. Однако некто Иванов усаживает ее обратно.

— Хватит. Успеете еще позабавиться тряпками. Давайте выпьем, я знаю великолепный тост.

— Просим, просим...

— Жили-были на белом свете два падишаха. Один падишах был злым, другой добрым. У доброго падишаха всегда весело. А злого падишаха зависть одолевает. Ну, думает, надо начать войну. Но в те далекие времена войны тоже не начинались без повода. Подослал злой падишах наемников к доброму, и те убили его любимого сына. Долго плакал добрый падишах, опечаленный смертью любимого сына, а потом снова начал веселиться. Тогда злой падишах снова послал наемников, и они убили его любимую жену. Долго плакал падишах, а потом снова стал веселиться...

— Ну, достаточно, знаем мы эти восточные штучки!

— Если вы устали...

— Нет, нет, продолжайте...

— Потом снова стал веселиться. Тогда злой падишах в третий раз послал наемников, и они убили люби-

мого конюха доброго падишаха. Очень разгневался добрый падишах и выступил в поход. Долго воевали падишахи, и ни один из них не мог одержать верх. Наконец обе армии истощились, пришла пора заключать мир.

— Протоколов заседаний мирной конференции зачитывать не надо...

— Не буду. История их не сохранила. Встретились падишахи. Вот злой и спрашивает. Скажи, говорит, добрый падишах, почему, когда я убил твоего любимого сына, ты не начал войну? почему, когда я убил твою любимую жену, ты не начал войну? но почему, когда я убил твоего любимого конюха, ты пошел войной? Знаешь, ответил добрый падишах, я не стар, и сыновья у меня еще будут, найти себе любимую жену я тоже смогу, а вот конюх был моим лучшим другом, а лучший друг бывает только раз в жизни. Так выпьем же за наших друзей!

— И за гарем падишаха!

— Великолепный тост!

— Просто прекрасный тост!

— Восхитительно!

— Изумительно!

— Колоссально!

Звенит хрусталь.

— Одну минуту! — Мадам чарует своей улыбкой. — Подождите! Среди нас присутствует мой юный друг, молодой поэт... — Она кивает на тебя. — Я хочу выпить за то, чтобы он стал нашим общим другом и за его успех!

Все чокаются с тобой, любезно скалят зубы.

— Надеюсь, вы не из шайки Мерсисова? — почти сурово спрашивает Гриша Отелло.

— О нет, нет, — влезает Мадам — они едва знакомы. Не так ли, дружок?

— Так, так, именно так, — киваешь головой, как китайский болванчик.

— Знаете ли вы, кто его дама сердца? — Мадам выдерживает паузу. — Текинская. Марина Текинская, киноактриса.

— О, вот как! — вскидывает брови Отелло.

— Она очаровательнейшая девушка. Жаль, что вы не привели ее сегодня.

— Жаль, — говорит Отелло, — но в другой раз обязательно...

— Рад стараться! — четко отвечаешь ты, и Отелло смотрит на тебя с недоумением.

— А чем моя Сонечка не киноактриса? — говорит Фридошка и закатывает глазки. Но на них никто не обращает внимания. Все смотрят на тебя. Ждут твоих слов.

— Спасибо за добрые пожелания. Я предлагаю выпить за этот гостеприимный дом и за его хозяев, — говоришь ты.

— Превосходно! Превосходно!..

Круг почета. Элегантно чокаешься с Мадам. Отрывисто с ее Отелло. Чокаешься с некто Ивановым, обойдя Фридошку, которая заявляет, что больше пить не может и должна сделать перерыв.

— Молодой человек произнес достойный тост, и я с удовольствием присоединяюсь к нему, — шамкает в своем углу профессор. Он только что проснулся.

Подходишь к профессору, чокаешься с ним. Профессор радостно осушает рюмку водки, пожалуй, первую за весь вечер.

Отелло с набитым ртом бубнит тебе в ухо:

— Профессор, чвак-чвак, хоть и стар, чвак-чвак, но, чвак-чвак, отличный мужик, чвак профессор сделал меня человеком, чвак-чвак, это мой профессор...

— Не преувеличивай, Гриша, — дребезжит профессор.

— Я не преувеличиваю...

Гриша делает последний «чвак» и продолжает:

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

— Я не преувеличиваю. Отличный ученый. Знает уйму языков: английский, французский, польский, чешский, сербский, македонский, болгарский, старославянский, украинский... и еще какой? — Пол-оборота к профессору.

— Еще белорусский, — поясняет профессор.

— И еще белорусский, — подняв вилку, заканчивает Гриша.

— Ешьте селедку, — призывает Мадам, — чудесная селедка, ну просто балык...

— Скоро мы будем есть кильку и говорить: ах, какая чудесная килька, ну, просто селедка!..

Шутка некто Иванова вызывает короткий всплеск смеха. Затем гости набрасываются на селедку, жуют, пьют, болтают, шумят.

— Бог мой, нас всего семь человек, а такой гвалт! Гриша, Гриша, угомонись!..

— Меня просят рассказать о Цейлоне. Ну что мне рассказать вам про Цейлон? На острове прекрасная погода...

— Но вы же были не только на Цейлоне...

— Не только... Нью-Дели, Рангун, Джакарта, несколько часов в Сингапуре...

— О, как это интересно! — восклицает Фридошка. — Вы должны просветить нас с Сончиком. Вот У Ну, это где он? Он приезжал к нам, кажется?

— У Ну свергли, вот уже несколько лет как свергли...

— И что же там теперь?

— Теперь там генерал Не Вин, строит социализм по собственному образцу.

— Это где?

— Это в Бирме.

— А как дела в Индонезии? Джакарта это, кажется, в Индонезии?

— Совершенно точно. События в Индонезии штука сложная. Профессор, что вы думаете по этому поводу?

— Думаю, это нам на руку. Лучше иметь там антикоммунистический режим, чем прокитайский.

— Но они же убили там массу людей!

— Цифры, я думаю, несколько преувеличены. Пострадали в основном китайцы. Вы знаете, что в Индонезии проживало около трех миллионов китайцев?

— Один мой знакомый актер употребляет следующее выражение: ах ты Сукарно...

— Ха-ха-ха, как остроумно!

— Китайцы называют свое государство «срединным», то есть находящимся между небом и землей. В нем они видят истинное воплощение смысла человеческой жизни. Государство — это все. Остальные народы — варвары. Отсюда и идет линия маоистского шовинизма...

— Профессор, это очень интересно, но слишком сложно для нас.

— Слушай, Гриша, продай мне сертификаты, ну что ты их солить будешь?

— Ох, погоди, Фридошка, не надо сейчас об этом... Иванов, оставь в покое приемник! Нет, я не боюсь, что сломаешь, просто этот ужасный треск, выключи, ради Бога!

— Ешьте фрукты!

— А где сейчас Дубчек? Сидит в тюрьме?

— Вряд ли. Кажется, инженером на каком-то заводе.

— А кто это — Дубчек?

— Наливайте полней!

— Давайте пить под песню!

— Это как?

— А вот так! Подтягивайте! Подхватывайте! Выпьем мы за Гришу, Гришу дорогого, свет еще не видел пьяницу такого, Гриша, Гриша, пей до дна...

— Почему начали именно с меня?

— ...Гриша, Гриша, пей до дна, Гриша, Гриша, пей до дна... сразу пьяница видна...

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

— Ох-хо-хо!

— Выпьем мы за Фриду...

— Ай нет, я не буду!

— ...свет еще не видел...

— ...за Пал Палыча дорогого, свет еще не видел пьяницу...

— ...дорогого, свет еще не видел пьяницу такого...

— ...Соня, Соня...

— ...Нет, не так!..

— ...Сончик, Сончик, пей до дна...

— ...сразу пьяница видна...

Хоровое пение нарушает резкий, отрывистый, вполне интеллигентный звонок.

— Кто бы это мог быть?

— Ума не приложу. Я больше никого не приглашала.

— Может быть, это Светлана с последнего этажа. Я встретился с ней в лифте.

— Может быть, и она, но как некстати!

Но в дверях вырастает могучий, как шкаф, Жора Мерсисов. Отелло краснеет как рак. У него начинает дергаться левый глаз.

— Гришка, черт, дай я тебя обниму! — радостно кричит Мерсисов. — Я — к вам на огонек. Иду, гляжу на окна — свет.

— Знаешь, Жора, мы как-то экспромтом собрались, ничего особенного нет, — щебечет Мадам, — я очень устала и ухаживать за тобой не могу...

— В ГПУ оправдываться будешь!.. Гришка, черт, я должен с тобой выпить!

— Я не пью, не пью.

— Ух ты, каким стал! Брось дурить! Я и слушать этого не желаю! Ну ладно, будь здоров! Богатей! Жирей! Но не ожирей!

И к Мадам:

— Шубу-то он привез?

— Какие там шубы, там сплошная тропическая жара... Между прочим, мы говорили об очень интересных вещах, ты вошел и как всегда все опошил.

— Да, да, он всегда так. Нас только ставит в неловкое положение, — недовольно бурчит Отелло.

— Я все равно не уйду. — Мерсисов невозмутим. — Хоть в шею меня гоните, а я все равно не уйду.

— Никто тебя не гонит. Просто раз ты пришел в таком виде, то не привлекай внимания, сядь куда-нибудь и помалкивай.

— Хорошо, я уже молчу... А это что за фифочка? Это твоя дочь? Фридошка, что ты молчишь, я же к тебе обращаюсь?..

Фридошка даже не глядит на Мерсисова. Она поглощена беседой с профессором.

— Скажите, профессор, а будет ли война с китайцами? Я этого ужасно боюсь.

— Не сто́ит, — мягко говорит профессор, — во-первых, они не осмелятся, а во-вторых, если нам удастся развязать руки с Западом, мы сами сможем...

— Русский с китайцем братья навек, крепнет единство народов и рас, плечи расправил простой человек...

Жора Мерсисов расправляет плечи...

— ...плечи расправил простой человек, Сталин и Мао слушают нас.

— Прекрати, прекрати...

Жора Мерсисов не слушает и орет во весь голос:

— Москва — Пекин, Москва — Пекин, идут, идут вперед народы, за прочный мир, за светлый мир...

— Прекрати!

— ...под знаменем свободы...

— Прекрати!

— Да что ты, Гриша, как жандармский ротмистр! А еще я могу вас порадовать песенкой «Алеет Восток»...

— Хватит!

Но Жора Мерсисов не слушает.

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

— Румяной зарею алеет Восток, в селе за рекою потух огонек...

— Хватит!

— Ничего страшного. Это же Пушкин.

— Пастушка младая на рынок спешит...

— Дайте ему крепкий черный кофе.

— У нас он кончился как назло. Есть только чай. Великолепный цейлонский чай.

— Дайте ему крепкого чаю. Это его отрезвит.

— Слушай ты, Спиноза, оставь меня в покое, — говорит Жора Мерсисов Фридошке.

— Я не Спиноза, — отвечает та, — и вовсе не хочу ею быть.

— Жора, успокойтесь, — просит Мадам, — я сейчас сделаю вам крепкий чай.

— Не стоит беспокоиться. Ты не умеешь.

— Тогда завари себе сам.

— Ничего не выйдет. У вас чайник металлический.

— Ну и что же?

— А надо фарфоровый.

— Какая разница?

— Только идиоты заваривают чай в металлических чайниках... Я не хочу сказать, что ты идиотка... Ты всегда пьешь только кофе...

— Молодой человек... Да, да, я к вам обращаюсь, — шамкает профессор, — молодой человек, а я вот всегда завариваю чай в металлическом чайничке...

— Значит, вы идиот, — спокойно замечает Жора Мерсисов и берет сигарету.

Профессор оцепенел, сидит в своем углу и больше не шамкает.

— Жора! — громко и четко, словно на эстраде, произносит Отелло, поддерживаемый огненным взглядом Мадам. — Я считаю, что ты должен покинуть наше общество...

Жора Мерсисов слегка упрямится. Ты подходишь к нему и берешь за плечи. Он встает, и вы вместе выходите в коридор.

— Я, может быть, и не прав, старик, но уж очень меня вывело это его «а я вот»...

Влетает взъерошенный Отелло.

— Ты такие номера выкидывай где-нибудь в кабаке, а не в приличном доме...

Жора Мерсисов не глядит на него. Жора Мерсисов целует тебя в щеку и говорит:

— Старик, не оставляй меня сегодня. Старик, мне страшно одиноко.

Жора Мерсисов неторопливо одевается.

— А от вас, молодой человек, я этого не ожидал, м-да, — качает головой Отелло.

Ты достаешь зажигалку, маленький подарок Отелло, и даешь прикурить Жоре Мерсисову.

— Дайте и мне...

Отелло берет зажигалку, прикуривает и как бы машинально опускает ее в карман.

— Гриша, передай обществу, что мы ушли по-английски, — говорит напоследок Жора Мерсисов.

Ты следуешь за ним.

***

Дурак-сосед завел музыку. Ду-ду-ду... Ду-ду-ду... Дурак-сосед танцует. Дурак-сосед каждый вечер заводит музыку.

Появляется дурак-сосед. Очки в золотой оправе. Небесное сияние. Сладчайшая улыбочка на губах. Сахар, мед, мармелад. Глазки бегают, зырк-зырк, — сверкают. Серенький костюмчик. Светлый гаслтучек. Туфельки начищены. Ослепительно белая сорочка. Просто картинка из журнала мод или манекен из витрины ГУМа.

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

Манекен говорит: вот соседи живем рядом а годами не знаем о друг друге не подозреваем о существовании хи-хи надо чаще бывать да да знаю какое у вас большое горе но это ничего у меня вот тоже мама умерла тут ничего не скажешь в такой ситуации как говорится слова излишни...

Рассматривает стены. Близоруко щурясь, наклоняется к одной из фотографий.

Говорит: это кто же а понимаю это надо полагать Паустовский так значит Паустовского любите как его по батюшке Константин сами не знаете ну неважно не столь важно говорят вы стихи пишете я знаю я все знаю по-моему Ионеско дрянь пишет читал его Бегемота кажется забавно но дрянь прочли бы что-нибудь ну что самому больше всего нравится не хотите ну ладно на нет и суда нет нет настроения я понимаю о как я это, понимаю пройдемте ко мне у меня никого я один как перст идейный холостяк пройдемте...

Большая комната. Полумрак. Музыка: ду-ду-ду... Два кресла. Низкий столик. Появляются бутылка вина, рюмки, яблоки.

Говорит: за ваши успехи я еды в доме не держу ешь обычно в кафе в столовках иной раз и в ресторан сходишь а вот вино и фрукты у меня всегда имеются сухое вино хорошее а есть и покрепче жениться не собираетесь нет ну и правильно еще успеете простите сколько вам лет скоро двадцать четыре это так сказать не очень много но уже и не мало простите за нескромность но я видел вас с киноактрисой с этой запомнил мне только сорок лет а уже вот склероз постоит сейчас я найду в журнале ага вот она Марина...

И по складам: Те-кин-ска-я... очень интересная женщина я думаю в Голливуде она была бы звездой первой величины а у нас знаете ли эта колхозная тематика нет и нет она должна играть королев снимается ли она сейчас ах вот как непременно пойду посмотреть очень люблю кино летом были на кинофестивале жаль

что вам не повезло кое-что очень понравилось но на мой взгляд первые фестивали были гораздо содержательнее гораздо что вы что вы пожалуйста курите я открою окно вы не простудитесь нет не идите домой у меня тоже есть сигареты «Столичные» курите подойдут ну вот и хорошо сам не курю а для друзей держу а может быть все-таки прочтете что-нибудь под настроение ну как знаете не буду настаивать у вас все молодежь молодежь все поэты как говорится люди большого накала это интересно вот что давайте почаще видаться а то ведь я один как перст вот еще что есть у меня к вам маленькая просьба не знаю даже как начать словом если будет у вас что-нибудь почитать вы понимаете о чем я говорю то дайте мне взглянуть хоть краешком глаза буду вам очень признателен но сами понимаете все это сугубо между нами ну вот и договорились и еще вот что заходите ко мне с девушками посидим поговорим потанцуем ну как идет выпивку разумеется я беру на себя это мой долг как хозяин дома я должен обеспечить...

Говоришь ему: все будет о'кей, старина, только девушки у меня все серьезные, все больше классическую музыку любят, у вас фуги Баха найдутся?

Нет, не найдутся у него фуги Баха.

Ну и дела, старина, вино есть, фрукты есть, а фуг Баха нет. Обзаведитесь, непременно обзаведитесь.

Обзаведусь, уж непременно.

Ну вот и хорошо. Когда обзаведетесь — сообщите.

Он обзаводится и сообщает. И ты являешься к нему с рыжей Нинкой, официанточкой и с ее подругой Зинкой, тоже официанточкой. Ведут они себя нагло, а дурак-сосед ставит пластинку фуги Баха. Что за божественная музыка! Дурак-сосед скучает. Нинка рыженькая скучает. Зинка скучает. Ты тоже скучаешь, но радуешься. Дурак-сосед подмигивает тебе. Дурак-сосед откупоривает бутылку. Ты встаешь и просишь извинить: выйду только на одну минутку, забыл погасить

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

свет в уборной. Они кивают: пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. Но ты исчезаешь совсем. Берешь билет на последний сеанс на румынский фильм «Даки». Пьешь в буфете жигулевское пиво. Пусть дурак-сосед слушает фуги Баха.

***

Женишься на приличной девочке, она будет щебетать по утрам как птичка, будет готовить легкий завтрак, худенькая, с острыми плечиками, с короткой стрижкой, в меру умная, в меру веселая, идеал,

о какая чудесная выставка в музее Пушкина, нам необходимо ее посетить, Хемингуэй, о нам очень нравится Хемингуэй, мы очень любим Хемингуэя, мы просто без ума от Хемингуэя, у нас дома есть его портрет из журнала «Америка», только Хемингуэй чуточку, ну вот самую малость, ну вот на такую чуточку, на кончик пальца, грубоват, нет, грубоват, не спорьте со мной, я все-таки женщина.

соберутся милые друзья, все прилично одеты, ни слова мата, пьют очень мало и только сухое вино,

просто великолепно, но, поверь мне, тут нужно переделать, поверь мне, я остро ощущаю малейшую неточность, в общем и целом это великолепно, но есть некоторые незначительные погрешности,

благоглупости и нежнопакости,

мы не тряпичники, не мещане, но нужно же одеваться по моде, через силу приходится переплачивать всем этим торгашам, жаль, что я не научилась шить сама,

или пусть лучше умеет шить,

хорошее платьеце, скажи, поцелуй меня, оно очень идет твоей кисуле, а тебе я сошью рубашечку в горошек, будет очень красивая, поцелуй свою крошку, нет, не так, в губки, ха-ха, сладко, ха-ха, я ела конфетку,

стук швейной машинки сливается со стуком пишущей, совместно кипят работа и творчество,

он у меня творческий человек, такой творческий, что по ночам не спит, все пишет, пишет, а мне не спится без него,

нет, по ночам нельзя не спать, это разрушает нервную систему и влияет на потенцию,

надо жить просто, довольствоваться малым,

утро, еле брезжит рассвет, звонит будильник, семь часов, воркуют голуби, жарится яичница или варятся сосиски, ах, масло кончилось, но можно и без него, мытье, бритье, свежая рубашка, чистые носки, наспех проглочена еда, кросс по проходным дворам к остановке автобуса, трамвая, троллейбуса, или к метро, тяжелые века, глаза сами закрываются, нужно ложиться раньше, а можно и по-другому,

ведь написано, нет, не то слово, создано столько прекрасных романов, повестей, рассказов, очерков, баллад, поэм, эпопей, трилогий и пенталогий, поставлен миллион спектаклей, снято три миллиона кинолент, многотысячная армия работников искусств всегда в бою,

известно каждому школьнику, с кого нужно делать жизнь,

и что самое главное,

как делать и во имя чего,

чтобы не было обидно, больно, стыдно и т. д.

со светлым лицом и радостной улыбкой,

матово сияют зубы,

все выше, и выше, и выше,

идти в ногу со своими сверстниками и старшими товарищами, победно, целенаправленно, бодро, поступательно, торжественно, дерзать, стремиться, учиться, бороться и побеждать,

лучше жить на коленях, чем умереть стоя,

и тогда можно будет взять судьбу в свои мозолистые, как говорится, с детства натруженные руки,

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

выполним, перевыполним, ознаменуем, претворим,
дадим, ответим, отметим, внесем свой вклад,
храните деньги в сберегательной кассе,
тот, кто утром кофе пьет, тот весь день не устает,
сила солому ломит,

яркие пятна афиш, цыганский театр «Ромэн», се-
годня Розалия Шикарная, мандолина и контрабас, кино,
цирк под водой, дрессированные медведи, хождение на
передних лапах, Иван Завзятых, нам песня строить и
жить помогает, Опондирого Намадагалагалукша, танцы
народов Индии, мюзик-холл п/у Бобкочарова, заслу-
женного артиста Армянской ССР и КБАССР,

истуканы всех мастей, истуканы вверх, истуканы
вниз, лестница-чудесница, метрополитен — бриллианто-
вый пояс столицы, лепка и мозаика, нью-ренессанс,
модерн-барокко, ультра-рококко,

через плечо соседа в газету,
аппетиты «Вестингауза»,
которым отведен целый подвал,

американские монополии уже давно ведут наступ-
ление на Западную Европу, они ищут всевозможных
лазеек, чтобы проникнуть в решающие отрасли про-
мышленного производства Англии, Франции, Италии и
других стран, прибрать к рукам,

с претензией на оригинальность,

англичанин Джон Сколток считает самым удобным
и надежным средством передвижения свой бронетранс-
портер, 40-миллиметровая броня надежно гарантирует
машину при столкновении с любым транспортным
средством, двухместный бронетранспортер развивает
скорость более 80 км. в час, имеет 10-ступенчатую ко-
робку передач, оснащен двумя радиоприемниками и
высокочувствительным передатчиком,

некоторое время назад в бассейне реки Амазонки
было обнаружено племя индейцев, которые до сих пор
пользуются каменными орудиями труда, попытки уста-
новить с ними контакт ни к чему не привели, все племя,

насчитывающее 200 человек, живет в одной большой хижине,

так выросли предприятия в Холме, Скогове, Свентохловице, взять те же Катовице, здесь в сердце Силезии особенно,

1969 год ознаменовался для трудящихся социалистических стран новыми большими трудовыми успехами,

хроника уходящего года,

Анкара, угроза суверенитету, американские базы, Бомбей, крупное событие, Рангун, происки монополий, Тунис, иронические замечки, подарочек под Рождество, бои в Индокитае, нажим нефтяных королей, жандармские замашки, гость Грузии, награды вручены, встреча в ВЦСПС, юбилей поэта, пульс Калькутты, верительные грамоты вручены, голос общественности, в интересах европейского мира, указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении,

по сложившейся традиции в конце декабря в Швецию приходит большой международный хоккей, в Стокгольме, Гётеборге, Вестеросе начинаются матчи интересных соревнований, восемнадцатый раз разыгрывается кубок Ахерана и одновременно проводится матч на кубок Звезд,

хунта лезет в долги, государственный долг Греции достиг 47,2 миллиарда драхм,

видные деятели испанской оппозиции направили правительству Франко петицию, в которой содержится призыв разрешить создание свободных демократических профсоюзов,

«Интерк

сообщ

осмос»

ение ТАСС

газета сложена пополам,

в больной голове список участников алкогольно-сексуальных игр, имена по порядку, Аля, Люда, Нина, Ири-

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

на, Тамара, Светлана, Наташа, Татьяна, Ольга, еще одна Наташа, Эльвира, Ева, еще одна Ирина, Мария, Марина, Лиза,
возрастной диапазон от 17 до 38,
национальный состав: 6 русских, 3 украинки, 1 татарка, 1 еврейка, 1 венгерка, 3 сборных солянки, 1 неизвестная,
итого по 3,2 женщины в год,
плюс пять неудач,
нет, мы можем быть только друзьями,
агу, так вот что тебе надо,
я так не могу, я еще так никому не давала,
прошу тебя, не нужно, ну прошу тебя, я девушка,
уже поздно, если бы ты раньше намекнул, я что-нибудь придумала и смогла бы остаться,
и один позорный случай, когда прекрасная полька по имени Дануся, очаровательная и нежная,
а кто-то из твоей компании, какой-то жлоб принялся ей доказывать, что если Польша нэ згинела, так только из-за того, что ей вовремя помогли, и что поляки вообще плохие солдаты и воевать не умеют, и все это лишь потому, что его обожаемый папаша чуть было не погиб там,
ехали они на машине по лесной дороге, а их из автомата, и ведь не война, а тысяча девятьсот пятьдесят шестой год, вот ведь какие полячишки подлый народ, и все-таки мы, пани,
говорит, ничего не понимая, красавица Дануся и мечтала тебе отдаться, но ничего не вышло,
убежать бы куда глаза глядят,
лист бумаги в пишущей машинке «Москва», очень дрянная машинка, клавиши западают, долбать нужно с силой, плохо ходит каретка, ровный текст, словно зубы голливудской крали,
когда очень сильно болит голова, я не принимаю лекарства,
принимать лекарства это не мое амплуа,

буква «о» сильно косит влево,
оставьте меня в покое, сволочи,
и на три строки многоточие

.....
.....
.....
а потом еще двадцать пять раз
сволочи, сволочи, сволочи, сволочи, сволочи, сволочи,
сволочи,

а двадцать шестой только «сво»,
милый Гриша, продай мне сертификаты, ну что тебе
стоит, у тебя же их так много,
поэма с посвящениями, «Круглый, как апельсин, круг-
лая красная морда Вацлава Сизого-младшего, юниора,
мать его так, красная морда, точно зад мартышки,
документы, размышления, дневники, письма, рисунки,
справки, квитанции и совсем-совсем немножечко поэма,
вот и хорошо,

ты маленький, ты просто еще очень маленький маль-
чик, а я уже взрослая женщина, я хотела бы встретить
тебя лет через пять, что изменится, многое изменится,
во-первых, ты станешь старше, во-вторых, скоро придет
Борис,

раньше-то он был Бобочкой,
и я уже больше не смогу с тобой разговаривать, больше
не надо сюда звонить, я не подойду, я просто повешу
трубку, прошу тебя, перестань, мы просто расстались
на большой срок, просто ты уехал в Африку, ну хоро-
шо, это я уехала в Африку, ах ты хитрюжка, нет, нам
обоим в Африке делать нечего, где, под пальмами, не
хамите, парниша, нет, не уговаривай, так лучше и тебе
и мне,

и Бобочке тоже,
да, и Бобочке тоже,

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

сейчас начнутся всякие средневековые гнусности, мол, сам Господь соединил нас узами брака и т. д. и т. п., нет, не начинаются,
а Бобочка дурак-дураком, и уши холодные, из него такой же сценарист или режиссер, кто его знает, кто он там, как из Марины монахиня,
убежать бы куда глаза глядят,
песчинка в пустыне, в этом городе, сити, виле, штадте, сьюдаде, абаде, пуре,
вид обалделый, с опущенными руками, часто хлопаешь ресницами, зубами выбиваешь мелкую дробь,
у тебя нет родословной таблицы, а надо было бы составить, тайна твоей крови теряется в темноте ушедших десятилетий, известно только имя деда, даже отчество его неведомо,
как-то снялся Первого Мая под плакатом «продукция химической промышленности», собственной персоной на фоне нарисованных труб и ползущей вверх красной стрелы,
цивилизованный человек,
продукт своего времени,
имеются,
паспорт с отметкой о постоянной прописке,
военный билет,
трудовая книжка,
студенческий билет, регулярно передаваемый различными лицам для проезда в различные места различными видами транспорта со скидкой в 50%,
скоро будет диплом,
жуткое дело, какое количество нужных бумаг,
куда денешься без них,
как убежишь, куда глаза глядят,
эй, шеф, подбрось до «Украины»,
сейчас вез одного типа, какой-то ученый хмырь, нака-тал его на два с лишним, а он, хмырь этот, мне сверх пятак дал, нет, смешно, пятак дал, словно я нищий какой,

на счетчике 1 рубль 23 копейки,
вылезай, приехали,
медленно отсчитываешь монетки,
1 рубль 23 копейки ровно,
удивленное лицо водителя,
ты же не нищий, приятель,
забившись в угол пьешь пиво из маленькой бутылочки
маленькими глоточками,
две лохматые немки выходят из лифта, шубы распах-
нуты, мини-юбки, просто некий символ, худые ноги,
отец сказал бы,
навезли нам всякой заразы, джаз, прически эти, клок
сюда, клок туда, бороды, Петр Великий еще бороды
брил, в Минске, говорят, всех волосатиков насильствен-
но стригут, и правильно делают, конечно, туризм — это
хорошая штука, большое дело, тут тебе и культурные
контакты, и взаимопонимание, а главное, что доллары,
мы на эти доллары ого-го, а с другой стороны, растле-
ние, наркомания, проституция,
одним словом, зловоние угасающего пресловутого «сво-
бодного мира», который все гниет, гниет и скоро совсем
сгниет, потому что в Италии каждый четвертый голо-
сует за коммунистов, во Франции, в Индии, пива больше
нет, последнюю бутылку только что продала, водки нет,
есть ликер, коньяк, есть, эту бутылку открыть или ту,
коньяк тоже хорошая вещь, даже лучше пива,
полдюжины рож глядит, как ты доза за дозой, доза за
дозой, пьянеешь,
вот уже чуть больше половины,
ты всегда так делаешь, красавчик,
наглая девица уходит, не получив ответа,
лениво жуешь шоколад,
какой-то шкет просит закурить,
отдаешь ему целую пачку,
удивлен и растроган,
угощаешь коньяком,
плачет,

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

похлопываешь его по плечу и удаляешься,
набрался прилично, а ни в одном глазу, конечно, ни в
одном, раз вспомнил, что забыл перчатки,
нет перчаток, кто-то увел, видно, слезливый тип,
а ну их,
и снова, чуть покачиваясь, идешь по вестибюлю, мимо
людей, хануриков, духариков, сопровождающих, отъез-
жающих, наблюдающих, белых, желтых, черных и да-
же одного охломона, который стоит у груды чемоданов,
лицо рябое, потому и примечательное,
тише, тише, тише, разве можно так делать,
все можно, если нужно,
огрызаешься, вылетая из вертушки, и спускаешься на
набережную,
к реке, к белой реке,
холодные огни на том берегу,
13 лет назад у другой реки, более широкой, с дедом
Порфирием,
очень сильно болит голова,
ловили рыбу с дедом Порфирием,
зимой и летом,
дед Порфирий умер, и никто не ходит на его могилу,
она заросла травой, скоро подгниет и повалится боль-
шой деревянный крест,
любите детей и жен, любите все человечество без раз-
личия кожи, языка и цвета глаз, едите, кушаете, жрете
тефтели,
какое жуткое слово,
пьете какао и томатный сок, флиртуете с полными жен-
щинами, с худыми женщинами, с блондинками и брю-
нетками, со всеми женщинами сразу, играете на деньги,
учтиво улыбаетесь, возводите и украшаете, предпочи-
таете портвейн вермуту, пользуетесь услогами Аэро-
флота, ублажаете мужчин, бьете посуду, не разрешаете
детям играть с огнем,
к вашим услугам наше ателье,
красиво, быстро, модно,

по пошиву мужской и женской одежды,
живите, вам разрешается,
устраивайтесь и благоустраивайтесь, укрепляйте мир,
разжигайте войну, убивайте во имя и просто для удо-
вольствия, регламентируйте, охраняйте, соблюдайте,
гарантируйте, предохраняйтесь от зачатия,
новогодний базар, елки,
палки, лес густой,
ты куда, идиот, смотреть надо,
гнусно визжат тормоза,
ходит Ваня холостой,
поешь песню, не обращаешь внимания,
с ума сошел, под колеса лезет, дурак,
прошел еще метров двести,
съехал на заду,
не стал искать шапку,
сорвал шарф,
сбросил пальто,
и пошел по белому, по белому, по белому,
оставляя черные следы...

***

НИНКА, РЫЖАЯ ОФИЦИАНТОЧКА: Ой, Зинка, что
я тебе только расскажу. Знаешь уже? От кого? От
Баха? Я так и думала. Ты пойдешь? И я не пойду. А
Бах пойдет? Ну вот, Бах нам потом все и расскажет.

ЖОРА МЕРСИСОВ: Я тут днями в Самарканде побы-
вал. По долгу службы. Интервьюировал одного местно-
го гения. Любопытный экземпляр. Вопрос был следую-
щий, не мной, конечно, поставленный, я же не кретин,
кретины черную работу не делают. Итак, вопрос: чем
вы объясняете бурное развитие науки и техники в XX
веке. Отвечает: сразу сказать не могу, дайте сутки на
размышления. Прихожу снова: надумали? Надумал.
Отвечает: видите ли, в чем дело, в прошлом веке слиш-
ком много увлекались поэзией, нынешний век — век

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

атома, а прошедший — век Шекспира, Александра Дюма и «Могучей кучки». И главное, как удачно подобрал. Особенно «Могучую кучку». Очень уж это внушительно звучит. Там же в Самарканде познакомился с одним чудным стариком. Некто Юрьев, лет под восемьдесят, полвека прожил в Самарканде, был сослан туда в начале двадцатых годов, умница, владеет персидским, культуру Средней Азии знает назубок. Всю жизнь проработал бухгалтером. Получает пенсию 52 рубля. В комнате у него холодно. Есть уйма редчайших вещей. Из музея приходят: продайте. Нет, говорит, я без них жить не могу, вот умру, тогда все забирайте. Я обратился к нему с вопросом, конечно, не о науке и технике: — Вы, наверное, верите в Бога? — Нет, не верю. — Но ведь что-то должно было вам помогать, какая-нибудь молитва? — Молитва? — переспрашивает он, да, действительно, есть у меня одна молитва, я ее сам придумал и в трудные минуты, а их у меня было много, всегда обращался к ней. — Что же это за молитва? — А она у меня тут вот, на стене, написана. — Я глянул. Большими буквами выведено только одно слово: насрать! Это самая высшая форма молитвы, молитва, которая опирается на собственные силы, молитва, которая не просит у Бога, не славит, не хвалит. Вот так вот, с восклицательным знаком, и сразу жить легче. Что бы там ни было... Жаль, ему не успел рассказать про этого старика.

ВАЦЛАВ СИЗЫЙ-МЛАДШИЙ: Он же стекло выбил. Хулиган, хулиган! Жуткий вой подняли соседи. Мы говорим: разве не знаете, какое горе произошло? Знаем, знаем, только стекла бить незачем. А Левка не со зла разбил, не из хулиганства, а из душевной потребности. Очень уж нужно было ему опорожниться.

МАРИНА: Ах, если бы я знала!

МАДАМ: Это ужасно. Никогда не могла бы подумать. До сих пор не верю. Бедный мальчик. Гриша, как ты

считаешь? Нет, ты напрасно так. Вот Есенин, и Маяковский, и Марина Цветаева...

ГРИША: Не морочь мне голову. Жалко парня, но он был не в своем уме. Тут ничего уж не попишешь.

ТЕТЯ МОТЯ: Жалко, очень жалко. Была я с ним как-то на кладбище. Он плакал, а потом как закричит: мама, я скоро приду к тебе! Вот и пришел.

ПРОЗАИК Г: Слыхали? Жора Мерсисов написал повестушку. Читал уже? Ну и как? По-моему, просто беспардонно. Эта явная претензия... Бессмысленное оригинальничанье... Нарочито небрежный стиль... А в сущности простая безграмотность... Жалкие потуги... Цинизм... Откровенная пошлость... Хочется вымыть руки... Выбросить в мусорную корзину... Герой... просто тряпка... испорченная беспочвенными мечтаниями натура... капризный характер... меланхолия... безнравственность и застой... находится под влиянием собственной гордыни... на деле не может да и не хочет ничего... у Мерсисова определено есть кое-какие задатки... но пусть уж он лучше пишет о листопаде, снегопаде, звездопаде... это у него лучше получится... или переводит стихи... говорят, что из плохих писателей получают хорошие переводчики...

ДУРАК-СОСЕД: Ну и дела! Очень озадачен всем этим. Не знаю, что и сказать!

Толкаются,
потеснитесь, тут есть еще место,
и тут есть,
пахнет жареным,
рассаживаются,
там родственники, там товарищи,
кто чего скажет,
вот я скажу,
возникает какой-то тип, натуральный кролик,
кто и откуда,

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

оказывается, во дворе на скамейке забивал «козла», вот
и пригласили за компанию,
говорит,
вот, значит, собрались мы тут по поводу события, что
такого, просто несчастный случай, с кем не может прои-
зойти такое дело,
садись, дядя, теперь я скажу,
его удерживают, но он встает,
парень по фамилии Пупырышев, твой друг по средней
школе,
сказать ничего не может,
дрожит рука, водка льется на стол, плачет,
а до этого
приводили в порядок жилище,
все перевернули вверх дном,
сорвали со стен фотографии,
остался только большой портрет мамы,
привезли много водки,
а до этого
на набережной следили за работой водолазов,
уже второй день ищут,
некто сведущий сообщает,
это он на спор сделал, с мальчишками поспорил вот и
утопнул,
лед ведь такой тонкий,
а по центру вообще льда не было,
нашли, нашли,
толпа глядит, как твое замерзшее тело грузят в ма-
шину,
обсуждает,
молодой такой,
пьяный был наверное,
а может, кто и убил,
ему трос с моста кидали,
тут еще метров десять и мелководье,
говорят, перед тем как уйти под лед, он крикнул «мама»,
темная история,

чего там темная, дело простое, пьяному море по колено,
но это потом,
а сейчас —
идешь по белому, по белому, по белому,
оставляя черные следы,
туда,
вперед,
кричат с берега,
а ну вас,
никто не хочет получить памятные часы или медаль,
смотрят, как приближаешься к полынье,
снова кричат,
кричат,
а ты,
ты идешь по белому,
туда,
к полынье,
вперед,
лед проваливается под ногами,
вперед,
делаешь последний шаг,
свой последний шаг,
свой последний шаг,
шагаешь в такую благодать,
вступаешь в такое,
в такое,
мутные огоньки отражаются на воде...

Москва, 1971-1972.

Судьба Ярослава Смелякова

(Вместо некролога)

От редакции

Коржавин Наум Моисеевич родился в 1925 году в Киеве. Стихи начал писать с раннего детства. В 1949 г. был арестован за «нестандартные» стихи о Сталине, о репрессиях 1937 г. и т. д. Был приговорен к пяти годам ссылки, которую отбывал в Сибири. После ссылки жил под Москвой. Окончил Литературный институт им. Горького. В официальной периодике печатался мало. За более чем тридцать лет поэтической деятельности вышел всего один сборник стихов «Годы» десятитысячным тиражом, который тут же стал библиографической редкостью. Но произведения Коржавина чрезвычайно широко ходили в Самиздате. Его поэмы «Начальник творчества», «Танька», «Наивность», «По ком звонит колокол», «Поэма существования» и многие стихотворения хорошо известны в кругах демократической интеллигенции.

Большим авторитетом он пользуется и как критик. В 1967 году на сцене московского театра им. Станиславского была поставлена пьеса Коржавина «Однажды в двадцатом». Сильно изувеченная цензурой, пьеса всё же пользовалась шумным успехом у зрителей. Произведения Коржавина всё чаще появляются в протоколах обысков и в списках изъятой запрещенной литературы. Став перед дилеммой: арест или выезд из страны, Коржавин в 1973 году выезжает из СССР. Публикуемая ниже статья написана еще в России.

Умер Ярослав Васильевич Смеляков... Я стоял в почетном карауле у его гроба в Дубовом зале Дома литераторов и последний раз смотрел на него. Его лицо почти не изменилось. Казалось, человек просто уснул тяжелым сном — спит, а всё помнит. Всё, с чем давно примирился и чему давно знает цену: и в себе самом, и в окружающих. Впрочем, так он и жил. Что он всё помнит, я знал о нем всегда. Даже когда он делал вид (перед собой тоже), что не понимает чего-то такого, чего уж никак не мог не понимать. А понимал он многое — гораздо больше, чем хотел. Ибо кроме того, что он был в прошлом председателем бюро секции поэзии Московского отделения Союза писателей, кроме того, что он входил во всевозможные обоймы признанных, ведущих и любимых «нашим народом» и «нашей молодежью» поэтов и что в конце концов его за это наградили Государственной премией, кроме всего этого и многого другого, вопреки всему этому — он еще был подлинным поэтом. А если судить по лучшим его достижениям, то — не побоюсь этого сказать — и большим поэтом. Впрочем, последнее больше относится к его возможностям, душевным и профессиональным, которые он в силу многих причин реализовал далеко не полностью.

Я не остался на панихиду и не ездил на кладбище. Не хотел слышать речей — таких, как на похоронах Паустовского и Твардовского. Тем более, что в данном случае эти речи имели бы больше оснований. Ведь он из кожи вон лез, чтобы эти основания дать. И дал их вполне достаточно. И всё же эти речи не вяжутся с ним. Впрочем, как многое в его жизни с ним не вязалось.

Древними сказано: о мертвых либо хорошее, либо ничего. Думаю, что эта правильная и благородная формула сегодня неприменима. Если говорить о Смелякове одно хорошее, — все эти холодные официальные речи не будут ничем опровергнуты, и в сознании многих

останется одно плохое или безразличное. Не лучше ли сказать об этом плохом самим, выделить его и отделить от него то, за что мы всегда прощали ему это плохое, то, что мы считали в нем главным и что в глазах многих теперь заслонено этим плохим, в значительной степени наносным. Богато наше время подобными наносами и наслоениями!

Нет, я не собираюсь ни оправдывать Смелякова, ни «списывать» с него дурные поступки. Дурные поступки поэта судятся по тем же законам, что и дурные поступки всех других людей (разумеется, с таким же учетом смягчающих обстоятельств), я отнюдь не сторонник нравственной экстерриториальности поэта. Просто, я немного понимаю в поэзии и знаю, что многие стихи Смелякова представляют собой высокое движение отнюдь не мелкой души и что плохой и пошлый человек просто не мог бы их написать. Да он никогда и не казался плохим или пошлым. И когда он совершал или писал нечто такое, что мне, мягко говоря, не нравилось, я не возмущался им, а просто огорчился за него. Как уже сказано выше, это с ним не вязалось — ни с его лучшими стихами, ни с его общим обликом.

Но это — было. И я не стремлюсь здесь преуменьшить его грехи. Имя всякого выдающегося человека — на самом деле выдающегося, а не возведенного в такой ранг мероприятиями уполномоченных на то учреждений — входит в духовный потенциал его страны, а иногда и человечества. С этим связана и ответственность за имя, за всё, что этим именем подписано, ответственность, которая советской литературой утрачена почти полностью. Ведем себя так, как будто имена эти не наши, а государственная собственность, выданная нам под расписку для выполнения определенной, «нужной обществу» работы.

За последние десятилетия многие обрели ответственность за то, что они говорят в художественных произведениях, но она почти ни у кого не распростра-

няется на всё ими подписанное. Мы произносим фразы, которые считаем необходимой данью установленной форме, и нас не заботит, что многие люди, особенно за пределами нашей страны, понимают их буквально и делают соответствующие этим фразам, но не соответствующие нашим мыслям и нашему знанию, выводы. Неужели мы тоже должны поддерживать традицию, согласно которой обмануть иностранца — совсем не грех, а то даже и проявление подлинного патриотизма?

Ни обелять, ни оправдывать безответственность Смелякова в этом вопросе я не собираюсь. Да и можно ли оправдать его позорное интервью газете «Нью-Йорк таймс», в котором он обрушивается на Солженицына за его «К девятому дню» и демагогически доказывает, что Твардовский никогда не был антисоветчиком; Смеляков не мог не знать, что Солженицын не говорил ни в этом, ни в каком-либо другом заявлении ничего такого, что могло бы потребовать таких опровержений, следовательно, он в своем интервью клеветает и лжет. Несогласие Смелякова с общей позицией Солженицына или неприятие самого духа его творчества — если такое имело место и на что он, естественно, имел право — оправданием здесь служить не может. Это не спор, а клевета. И, конечно, он не мог не понимать, что этим лживым письмом он включается в травлю человека, защищающего свое творчество от тотального административного насилия.

Как хорошо ни относишься к Смелякову, ни оправдать, ни преуменьшить значение этого поступка — невозможно. Говорят, что им и объясняется тот факт, что проститься с талантливым поэтом пришлось сравнительно немногим людей. Не знаю, может быть, и так. Не думаю, что причина только в этом, но на похоронах действительно присутствовало много литераторов и почти не было читателей. Да и литераторы, хоть их набралось немало, были не все, кто должен был быть.

Это очень больно, но я никого не могу упрекнуть.

Слишком трудна сегодня жизнь человека, и совсем неудивительно, что в поэтах он видит силу, помогающую ему отстаивать свое достоинство, а значит, полностью теряет к ним интерес, когда они его подводят. Это не всегда справедливо. Трудна сегодня жизнь и для поэтов, и далеко не всегда один поступок может отменить всю его деятельность. Но все-таки это естественно.

Впрочем, теперь появились люди (Смеляков к ним не относился), которые хотели бы поэзией заниматься, а от этой роли уклониться. Они думают, а чаще делают вид, что думают, что это требование равнозначно пресловутому шестидесятническому требованию «долга перед народом», «перед меньшим братом», перед партией, классом, идеей и т. д., т. е., что это всё те же набившие оскомину и справедливо скомпрометированные, пошло игнорирующие саму сущность поэзии требования. И поэтому, уклоняясь от всего такого, они себя даже ощущают причастными к некоей духовной элите. И даже не замечают, что ощущение элитности при полном безразличии к личному достоинству отличительная черта лакейства.

Но это не просто лакейство, это еще и хитроумная ложь. Требование достоинства, а значит, правды, внимания к тому, что обращает на себя внимание, — всё это внутреннее, неотъемлемое требование искусства, да и, вообще, самого существования личности. Вряд ли надо напоминать о том, что нажим и зажим сегодня касаются не только и даже не столько мифического «меньшего брата», сколько их самих и их знакомых, касается не рассудочного стремления перестроить мир и улучшить человека по нашим земным мыслительным чертежам, а простого самовыражения, проявления естественнейших реакций, и что «не заметить» этого без насилия над достоинством — невозможно.

От поэта и теперь требуется верность, но только не чему-то и кому-то, а самому себе. Остальное делается само собой. Конечно, я говорю здесь о подлинном поэте,

о человеке, у которого есть поэтические претензии к жизни (у Смелякова они были в высочайшей степени), который красоту и гармонию добывает самостоятельно из наличной жизни, а не пытается имитировать их, обходя эту жизнь (свою тоже), — при помощи умиления и экспрессии, в сущности, по готовым рецептам. Такая деятельность, возможно, даже укрепляет сознание собственной элитности, она пока вполне безопасна, но радости никому не приносит. Это не творчество, не создание гармонии, а чистописание по прописям, какие бы слова при этом ни произносились.

Верность самому себе — вещь отнюдь не простая. Это — не только и не столько отказ от ложных шагов, от писания ложных, то есть ненужных автору стихов, сколько неукоснительное исполнение того, к чему его приводит естественный путь развития; это — умение приходить к тем выводам, к которым его приводит жизнь, осознание того отношения, которое она у него вызывает, совершение тех шагов (по крайней мере создание тех произведений), которые у него рождаются. Если человек не только корысти ради, а даже из верности собственным взглядам преградит дорогу своему замыслу, он оборвет свое развитие, а восстановить этот естественный творческий процесс очень трудно, не говоря уже о том, что это будет попыткой обмануть людей, народ, человечество.

Но об этом я буду еще говорить. Сейчас же мне хочется отметить только одно, что выступление Смелякова в газете «Нью-Йорк таймс» в сложившейся обстановке было ударом не только по Солженицыну (что само по себе немало), но и по каждому честному человеку в нашей стране, и что поэтому реакция на этот удар была вполне естественной.

И все-таки иногда — особенно перед лицом смерти — надо уметь прощать и удары. Ибо кто из нас без греха, чтобы швырять в другого камнями? Нам сегодня не совсем по карману слишком строго судить друг друга.

В очень трудное — особенно для поэзии! — время жил на свете Ярослав Смеляков. Причем жил так, что его жизнь, даже на фоне этого нелегкого времени, воспринимается как весьма тяжелая. Что и говорить! Время пришлось по нему всеми воспетыми им тракторами и шестернями. И все-таки он ухитрился кое-что оставить нам. А ведь он был поэтом, то есть был совсем не из железа.

Этим я отнюдь не хочу сказать, что Смеляков был слабым человеком. Поэты не бывают слабыми людьми. В стихах, кроме всего прочего, и может быть, прежде всего должна чувствоваться сила, а обмануть стихи невозможно — форма не дает. Но это — иная сила, не та, которая помогает переносить пытки — моральные и физические. В комплекс этой силы входят, например, сила восприимчивости, сила воображения, которые в определенных условиях становятся слабостью и отнюдь не повышают сопротивляемость. Сопротивляемость же Смелякова была ослаблена еще и тем, что он был представителем самого ограбленного поколения людей нашей страны и что, как всё это поколение, он не видел никакой опоры для своей духовности вне той системы, которая больше всего противоречила всякой духовности и которая время от времени пыталась вбить его самого в землю.

Поколение — слово довольно расплывчатое, оно определяется отнюдь не только возрастом. И входят в него разные люди. Представителем того же поколения, что и Смеляков, был, например, Твардовский. Но как по-разному складывались жизненные и творческие пути этих поэтов.

Прежде всего, у них различные истоки. Твардовский по своему происхождению был крестьянином. Правда, и Смеляков, судя по некоторым его заявлениям из стихов последних лет, тоже был крестьянским внуком и даже сыном. Но это никак не определило его творчества, особенно в начале тридцатых годов. Впе-

чатление было такое (не знаю, верно ли оно), что он происходит из средних городских слоев, близких по быту и представлению к средней интеллигенции. Поэтому его приход в литературу был гораздо менее экзотичен, чем приход Твардовского: из этих слоев уже давно (и чем дальше, тем больше) пополнялась духовная элита страны. В каком-то смысле он даже начал с того, к чему Твардовский пришел только к концу жизни, — с лирического самосознания, с самого себя. Твардовский, по-видимому, довольно долго воспринимал такое самовыражение как нескромность, как навязывание самого себя публике. А подозрительное отношение к любовной лирике он, кажется, сохранил до конца своих дней. Не надо думать, однако, что это было вовсе причудой или глупостью. Достаточное количество авторов действительно навязывают и самих себя, и свои любовные переживания публике совершенно без всяких оснований. Но ведь это относится и к другим темам, которых они дерзают касаться, так что вопрос совсем не в этом.

К сожалению, лирическое самовыражение Смелякова, то есть прежде всего его восприятие, не могло быть и не было безгранично свободным. Оно было обусловлено и ограничено многими факторами — прежде всего психологией поколения, с которым он был исторически и органически связан и лучшим поэтом которого по-видимому был. (Твардовский был поэтом страны, поэтом эпохи, но поэтом поколения он не был никогда). Что это за поколение? Поколением в литературном и историческом смысле всегда называлось только поколение интеллигенции, возрастная группа ее, которая приносила с собой новые духовные веяния, ибо жизнь остальных слоев общества (во всяком случае, в России) почти не менялась.

Теперь положение у нас и во всем мире несколько изменилось: смена поколений появилась и в других слоях. Но тогда этот процесс только начинался, и Яро-

слав Смеляков, конечно, был поэтом своего поколения русской, вернее советской — слово «русский» тогда не любили — интеллигенции. Рабочая тема в его ранних стихах и в стихах, написанных о годах, когда писались эти ранние стихи, не должна никого обманывать: все эти цеха, смены, столовки, шамовки, фабзавучи и бригадиры воспринимаются не взглядом рабочего, для которого это — приметы повседневного быта, а взглядом некоего юного интеллигента, который в рабочей спецовке — другого пути для него, собственно, тогда и не было — начинал свою трудовую биографию. То, что не все эти интеллигенты были потомственными, ничего не меняло; все они, сознательно или бессознательно, рассматривали свое пребывание за станком как временное. Ну что ж. Тем сильнее они жаждали как можно быстрее и полней слиться с передовым классом. И далеко не для всех это было чистым приспособленчеством. Это было прежде всего желанием как можно быстрее приобщиться к единственно мыслимым тогда, единственно известным духовным ценностям. А жажда духовной жизни, совпадавшей с жаждой знаний (пути к которым или к муляжу которых для многих впервые открылись только недавно), у них была подлинной и огромной. Духовный потенциал страны тогда был еще громаден.

Совершенно не доказано, что ценности эти действительно были связаны именно с рабочим классом, тем более, что наличный состав класса претерпел множество изменений. Если бы кто-нибудь взялся за исследование истории петроградских и московских рабочих семей при советской власти (начиная с расстрела демонстрации в защиту Учредительного собрания), думаю, он увидел бы, что она по своей трагичности мало чем отличается от истории семей дворянских или интеллигентских. Но тогда это, во-первых, не было еще так ясно, а, во-вторых, не над тем работали мозги. Романтикой этого поколения была Гражданская война, время,

как им казалось, прямой защиты идей; в настоящем они искали продолжения этой романтики (сконцентрировав свой накал на коллективизации и «борьбе с кулачеством»). В будущем им виделась мировая революция. К сожалению, иной духовной жизни они себе не представляли.

Теперь начали появляться мемуары, из которых видно, что такое настроение было отнюдь не всеобщим, что какие-то люди, часто из рабочей среды (см. мемуары Е. Олицкой в «Самиздате»*), искали иного выхода, хотели по старой памяти (и старыми методами) бороться против гнёта и вопиющего нарушения прав трудящихся. Но в жизни такие люди тогда почти не проглядывались (видимо, тогдашнее ГПУ работало куда более разборчиво, а следовательно, куда результативней, чем НКВД в последующие годы), а если и появлялись на горизонте, то выглядели со стороны достаточно жалко, как «интеллигентики», «хлюпики» и т. д., что никогда не кажется привлекательным, особенно романтически настроенной молодежи.

Жалко должен был выглядеть со стороны, например, Мандельштам. В годы великого перелома (когда даже Пастернак написал «Второе рождение») этот отщепенец написал первое в стране стихотворение против Сталина, в одном из вариантов которого назвал сего деятеля «душегубом и мужикоборцем». И создав этот пасквиль, он не ждал гордо последствий, как надлежит борцу, пусть даже за неправое дело, а позорно «трусил». И еще острее ощущал свою несовместимость с режимом, вследствие чего «трусил» еще сильнее. Кто же боится, — тот жалок. Вот Тихонов — тот ничего не боялся. Однажды, правда, со страху отказался от себя, но потом и мысли такие в голову не приходили, чтоб из-за них бояться. Он жалок не был. Не был жалок, на-

---

* Е. Олицкая. «Мои воспоминания». Изд-во «Посев», Франкфурт-на-Майне. 1971. — Ред.

верное, и Павленко, который, по его словам, из-за портъеры в кабинете следователя наблюдал, как недостойно ведет себя на допросе Мандельштам — совсем не как борец. Почему он считал, что Мандельштам обязан был оказаться достойным той роли, которую никогда себе не выбирал и которая ему и при счастливом стечении обстоятельств не могла бы казаться интересной, — останется навсегда тайной. Впрочем, этой роли не выдержали и те, для кого она была единственным оправданием жизни: те же следователи, которые в 1934 году презирали Мандельштама за трусость, и их друзья в литературе.

В сущности, культурная традиция поведения оборвалась не «в 37-м году», а гораздо раньше, хотя мыслить внутри идеологии (если это не задевало непосредственно политической злобы дня) еще разрешалось. Но реальной жизни, реальных взаимоотношений людей, реального их эмоционального состояния касались не столько сложные умопостроения еще не арестованных марксистских ученых, а именно эта злоба дня. И касалась не как-нибудь там «идейно», а практически, можно сказать, физически, касалась непосредственных нравственных реакций.

Поколение училось безжалостности не только к «классовому врагу», но и просто к тем несознательным элементам, которые тормозили развитие. Характерный штрих времени: народовольческий террор осуждался и потому, что он индивидуальный, в то время как правильным и полезным террором мог быть только массовый. И никого это не удивляло. Ко всему этому следует прибавить, чтоб картина получилась полной, еще общемарксистскую традицию исторического карьеризма, согласно которому священный долг сознательной личности состоял в угадывании воли истории с тем, чтоб наилучшим образом соответствовать ей в каждый данный момент, независимо от того, как выглядит эта воля с точки зрения старомодных добра и зла. Опасаться в

этом случае можно было только одного: чтоб в какой-то момент оказаться не на *самом* гребне революционной волны.

Культивирование подобных настроений, конечно, как-то помогало легче переносить страдания украинских мужиков, сотнями умиравших от голода внутри и вокруг Курского вокзала, мимо которого молодые энтузиасты спешили на интересные диспуты о Маяковском, Мейерхольде и сложной рифме. С одной стороны, перед ними был открыт путь, вместе с историей, к прогрессу, к интересной и значительной жизни, с другой, — стбило только хоть раз приземлиться (хотя бы только душой) рядом с этими грязными телами умирающих на заплыванный пол Курского вокзала и взять хоть в какой-то степени на себя эти тупые неинтересные страдания этих темных представителей умирающей частнособственнической стихии, как всему наступал конец: из высокой элиты духа вы тут же попадали в плебс. Во-первых, по своему политическому и материальному положению (что отнюдь не просто, когда оно меряется на граммы хлеба, жиров и крупы), во-вторых, с точки зрения большевистского нищезанства, о котором шла речь выше и которое стараниями большевистских интеллектуалов типа Бухарина и Троцкого стало господствующим настроением всей революционной (и конформистской по отношению к революции) интеллигенции.

Подобное нищезанство было для всех наглядно: или ты оставался «сознательной личностью» и сам себя, как лошадь под уздцы, вел по дороге «исторической необходимости», или тебя просто гнали по этой же дороге как представителя несознательной массы. А быть «массой», хотя уважение к массе прокламировалось на каждом шагу и все его разделяли, почему-то никому не казалось заманчивым. Наоборот, это было именно ввиду большевистского нищезанства гораздо менее привлекательно, чем в любую другую эпоху: такое положение напрочь отрезало человека от всякой надежды на соз-

нательную жизнь. Единственным выходом, хотя бы иллюзорно сглаживающим кричащие противоречия эпохи, был энтузиазм. За него и держались как за спасительную соломку.

Тем не менее тон превосходства и насмешки при разговоре об этом поколении абсолютно недопустим. Прежде всего потому, что не оно само себя «ограбило», лишив доступа к информации о мире, стране, общечеловеческих ценностях и, вообще, об интеллектуальной жизни человечества. Но не только поэтому. Просто это ограбленное поколение обладало отнюдь не одними отрицательными чертами. У него было много (как потом — но только потом — выяснилось: неосновательного) доверия к жизни (что само по себе отнюдь не плохо) и много обаяния, связанного с бескорыстием, со способностью к жертве и многими другими качествами, в которых человечество нуждается и будет всегда нуждаться. Ведь именно оно — так случилось — вынесло на своих плечах основную тяжесть Отечественной войны и значительной своей частью полегло на ее фронтах. Помыслы его были чисты, хотя сказать это о руках можно было далеко не всегда, потому что и коллективизация, и раскулачивание происходили все-таки при деятельном участии или, во всяком случае, при горячем сочувствии его представителей. И откуда им было знать, что то, что зажигало их энтузиазм, что оправдывало в их глазах самые страшные преступления, иногда было результатом не какой-нибудь — пусть даже ложно понятой — политической необходимости, а темных личных расчетов Иосифа Сталина, расчетов, в которых главным было не только не будущее мирового пролетариата или хотя бы их страны, но удушение личных конкурентов диктатора, укрепление его личных позиций, нежелание сознаться в том, что была сделана глупость, за которую надо отвечать. Вот на что использовалось их стремление быть верными, «твердокаменными», не знающими

сомнений. Их оправдывает только одно: не ведали, что творили.

Романтическое изображение коллективизации и раскулачивания занимает видное место в ранних стихах Смелякова, написанных в начале тридцатых годов, до его первого ареста (конечно, традиция такого отношения к делу создана не им, а скорей Багрицким — «ТБЦ», «Человек предместья»). Но отчасти она была естественна и для представителя поколения тех мальчиков, «что опоздали родиться к тачанкам и трубам гражданской войны» (представление о которой было навеяно произведениями отъевшихся на хлебах нэпа и так и не оправившихся от естественного испуга перед этой бессмысленной бойней писателей-попутчиков) и не постигли иных ценностей, чем борьба, особенно классовая.

Но при всем том как-то всё же странно сегодня читать эти произведения о замечательных лирических мужественных посланцах комсомола, которых караулит низколобый, злой, хищный кулак с обрезом и хочет убить их только за то, что эти посланцы во имя своих личных душевных потребностей (верности делу, любви к борьбе и ненависти к частной собственности) хотят выгнать его, хищника, из собственного, им лично построенного дома, разорить его до тла и отправить владельца вместе с женой и детьми либо в Соловки, либо в Нарым, в тайгу и пустую степь, откуда многие, особенно дети (забота о детях тогда не распространялась на детей классовых врагов), не вернуться. Из сказанного чуть выше должно быть ясно, что я отнюдь не думаю, что этого комсомольца следовало рисовать одной черной краской. Повторяю: в отличие от Сталина субъективно эти люди далеко не всегда были уголовными преступниками. Но все лучшие их качества — верность, бескорыстие и т. д. — в силу обстоятельств служили его преступлениям. Именно потому это и было тем, чем было — национальной трагедией.

Смеляков этой трагедии, как и многие его сверстники, как бы просто тогда не заметил. Всё происходившее он воспринимал не только бравурно, но даже лирически. Впрочем, при всей противоестественности этого лиризма, в самом факте обращения к нему проявилась и положительная черта: желание вернуть лиризм, что было тогда новым для русской советской поэзии (если, конечно, не относить к ней поэтов, начавших свой творческий путь до революции). И пусть лиризм Смелякова был еще как-то связан с утверждением идеологии, с обживанием мира новым человеком, но это — был лиризм, лирическое осмысление. И стихи эти отличались от стихов, исполненных романтики фанатического растворения в боевых порядках класса, которая была общепринятой нормой идеологического приличия в предшествовавшие годы.

Но прославился Смеляков, кажется, не столько этими стихами, сколько чисто лирическим стихотворением «Любка». Нет, и это стихотворение было, конечно, тоже вполне комсомольским (но оно было и лирическим). Касалось оно не любви комсомольца, в основном занятого другими делами (такое и раньше бывало в молодой советской поэзии), а проявления всего человека, вместе с его комсомольством, в любви. Осмысление любви как личного, личностного отношения, как судьбы. Это уже был выход в подлинную «старую» поэзию, в подлинную «старую» духовность. Такого не было до сих пор ни у него, ни у его сверстников, даже таких талантливых, как друзья Смелякова — Борис Корнилов и Павел Васильев.

Впрочем, появление таких стихов было вполне естественно: люди, выросшие после Октября, располагались в новой жизни, как просто в жизни (да она и была для них «просто жизнью», другой они не видали) и хотели в ней как-то легализоваться, т. е. легализовать свои чувства, свой быт, свое существование, увидеть в них ту ценность, которую обычно люди видят в

своей жизни. Казалось бы, всё так просто — почему нельзя легализовать быт людей, буквально пронизанный идеологией? Вышло, что нельзя. Это оказалось упадничеством.

Правда, упадничеством тогда назывался всякий лиризм. Теперь я понимаю, что в этом был резон. Каким бы ни был лиризм, он так или иначе будит само сознание, в какой-то степени он — всегда проявление самосознания, порыв к духовности, выход — сквозь всё внушенное, воспитанное — к своей душе, к своей ответственности, к самому себе. А этот процесс легче и проще вообще не допускать, чем ограничивать; разумеется, в том случае, когда жизнь держится на фантастических основах.

Нет, я не берусь утверждать, что Смеляков (в 1934 году, кажется) был первый раз арестован именно поэтому. Возможно, действительно кто-то глубокомысленно счел всю его лирику проявлением мелкобуржуазности, но и не менее возможно, что он где-то что-то сказанул не то (времена-то тогда были впечатляющими, впечатления вполне могли и не удержаться в границах мировоззрения, несмотря на общую верность ему); возможно, он просто шутку какую-нибудь учудил, а шуток тогда не понимали. Но комсомолец Ярослав Смеляков был арестован органами диктатуры пролетариата. Уже много лет спустя после этого события, после войны, во время очередного пребывания Смелякова в нетях, А. А. Сурков, в назидание литературной молодежи, примерно так сообщал об этом событии: «Вот был молодой талантливый поэт Ярослав Смеляков! Большие надежды подавал! но попал под влияние каких-то литературных дам и вот — пропал!» Вопросы о том, почему он должен был пропасть, попав под влияние каких-то дам, да еще таким образом пропасть, что это были за дамы и в чем заключалось их влияние, не ставились, всё это неизвестно и до сих пор. Трогает только сам тон этого сообщения, эта спокойная уверенность в

естественной справедливости возмездия, постигшего легкомысленного поэта, который, правда, ничего плохого не хотел, но — вот мистика диалектики! — тем не менее преступно нарушил какую-то непонятную ему да и нам, невидимую, но нерушимую границу. Так что — берегитесь!

Впрочем, эти слова сказаны были уже потом, а тогда времена еще были вполне «патриархальными», даже термина «враг народа» еще не было. Так что посадить его могли вполне дружески: «Ты, дескать, Ярослав, человек вполне наш, к тому же очень талантливый. И великому нашему делу ты вполне предан. Но по некоторым своим качествам — тоже вполне хорошим! — в настоящих условиях ты нам вреден. Так что — сам знаешь: общее выше личного — не обессудь: посиди немного для нашей общей пользы. Тогда ведь в ГПУ интеллектуалы работали, это время потом — правда, не всеми — воспринималось, как светлый сон и романтическая легенда. Но так или иначе свой срок Смеляков получил.

Не думаю, что его взгляды в заключении претерпели существенные изменения. Скорей всего он упорно держался за то, что думал раньше, как за единственное свое духовное достояние, от которого его хотят оторвать. И скорей всего он действительно оставался тем, кем был до этого — комсомольцем начала тридцатых годов. Но когда он вернулся — это произошло не то в 1938, не то в 1939 году (точных дат я не знаю, но ведь пишу не биографию), — оказалось, что мир за несколько лет отсутствия стал другим, почти совсем непохожим на тот, который он оставил.

Я тогда не был и не мог быть с ним знаком, но думаю, что ему было довольно трудно. Во-первых, — независимо от всего остального — он стоял перед унижительной необходимостью доказывать верность Делу, которому он на самом деле был верен. Унижительность этой необходимости усугублялась ведущейся повсюду

пропагандой бдительности и общего недоверия. Во-вторых, доказывая свою верность делу, надо было на ходу приспособиться и к тому, что само Дело уже не то и что этого надо не замечать, хоть это лезет в глаза. Самым лучшим выходом здесь была «скромность» — вера в то, что всё очевидно, но ты этой очевидности не понимаешь. Подогревало эту «скромность» подспудное знание того, куда теперь приводит излишняя дотошность. В кругах, где вращался Смеляков, люди, перестав, таким образом, доверять себе, естественно, переставали доверять и друг другу. Вот в какой мир он вернулся.

Спустя тридцать-сорок лет появились люди, которые, справедливо открыв, что и деятели, уничтоженные Сталиным, далеки были от ангелоподобности, прославляют теперь бывшего вождя как человека, уничтожившего большевизм и восстановившего величие России. Об этом же — только в обвинительных тонах, называя его термидорианцем, — говорили троцкисты и другие ортодоксальные большевики. Им вторил их антипод — Милюков. Правда, для него слово «термидор» означало надежду.

Верно ли это? Прежде всего — о величии России. Действительно, с воцарением Сталина был возвращен надлежащий смысл доселе находящимся в загоне словам «Россия», «русский» и т. д., были как будто легализованы русская культура и русская история. Но это только означало, что Сталин решил сыграть и на национальном факторе, заставить и его работать на себя. Все это неустанно фальсифицировалось, и даже не по соображениям идеологии, а в угоду ближайшим политическим расчетам. В конце концов все эти необходимые и значащие слова и явления превратились чуть ли не в посмешище. Я уже не говорю о том, что они имели отношение к судьбе России, а значит, и к ее величию, и к судьбам миллионов жертв коллективизации и раскулачивания — мероприятий, которые втихомолку

воспринимались как чрезмерные даже выдавшими видами старыми большевиками. Кстати говоря, эта молчаливая оппозиция в большой степени определила впоследствии их судьбу. Какими бы они ни были до этого, сколько преступлений ни совершили бы сами, — уничтожены они были именно за это, за то, что проявилось на пресловутом «съезде победителей».

Так что уничтожил Сталин не большевизм, а только старых большевиков, и уничтожил их за недостаточный большевизм в этом важнейшем вопросе. Сама же большевистская идеология нисколько не была отменена, она была только конфискована у большевиков и в значительной степени обесмыслена. Но это отнюдь не улучшало положения — заставляли поклоняться и обесмысленной. Преемственность же всех целей и методов считалась ненарушенной, Сталин, а с ним и призванная им элита считались истинными и естественными продолжателями дела Ленина и Октябрьской революции. Народ на эти перемены как будто и не реагировал: наступление на его жизненный уровень началось гораздо раньше. (Наоборот, при Сталине даже облегчение наступило, он «Головокружение от успехов» написал). Что же касается новых выдвинутых, то бессмысленная идеология их подсознательно устраивала больше, чем осмысленная. В ней было больше мистического, непонятного, такого, что понимали не они, а он. Ведь только он понимал причины внезапного возвышения каждого из них. Возможно, такому их умонастроению способствовали и традиции схоластического мышления русского православия (см. «Псковские споры» В. О. Ключевского). Но факт остается фактом: большевизм оставался, а составлявшая его основу идеология мировой революции, на которой воспитывалось несколько поколений советской интеллигенции, отходила на задний план. Правда, воспитанная на диалектике, эта интеллигенция не терялась, а объясняла всё тактическими соображениями властей, верных прежним идеалам: дес-

кать, об этом не говорится, но в этом — суть. Это чушь. Наоборот, из тактических соображений иногда возвращалась бывшая фразеология, а отказ от нее определялся духом времени и духом власти.

Парадокс состоит в том, что иной, цельной идеологии и непротиворечивой системы фраз советское общество не имело никогда. Но за логичностью тогда никто не гнался, народу внушалось, что он живет теперь лучше, чем когда бы то ни было; и это сходило, особенно после голода начала тридцатых.

В принципе тогдашнее положение с идеологией вполне включалось в общую работу пропаганды по созданию в мозгах людей некоего условного мира, который должен был заменить и во многих случаях успешно заменял мир реальный (об этом писал в эпилоге романа «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернак). В сущности, это было централизованной работой по умственному расстройству всего народа, прививка ему разновидности шизофрении, если такая болезнь действительно существует.

В этих условиях все взыскующие града — я уже говорил об этом — держались за единственное цельное, что они знали: идеологию и романтику революции. Любые стихи о том, что эти традиции живы и продолжают, воспринимались как освобождение от пустоты, которую если не сознавали, то ощущали все, кто хоть мало-мальски мыслил, как придание смысла жизни, этого смысла лишенной. Стихам Симонова, в которых это бывало, рукоплескали как раз те, кого потом стали считать либералами. К героике и смыслу относились не только воспоминания о гражданской войне, но даже о «классовых битвах» с кулачеством. Все-таки это имело нечто общее со смыслом идеологии (так сказать, преодоление частнособственнической стихии). Расширение империи, принесшее стольким людям столько горя и страданий, воспринималось этими людьми с удовлетворением. А ведь они не были шовинистами. Какой тут шови-

низм! Коммунизм шагает по планете, революция продолжается — вот всё, что их интересовало. Фантастически извращается мышление человека, когда он живет в закрытом обществе.

Думаю, что если сейчас поговорить с лучшими людьми Китая, особенно молодыми, выяснится, во-первых, что они относятся к режиму с некоторой, правда, доброжелательной, но всё-таки оппозицией. Скорей всего они недовольны некоторой нерешительностью Мао, который никак не может развязать настоящую революционную войну против американских империалистов и советских ревизионистов, и что поэтому их Знамя теряет былую чистоту. Они вполне искренни, и всё же на самом деле им просто душно жить в обстановке лжи, бесправия и бессмыслицы. Им просто надоела бессмыслица противоестественного стабилизированного идиотизма, который сегодня безответственные западные обозреватели, повторяя то, что они в середине тридцатых годов писали о нашей стране, называют нормализацией положения. Между прочим, ненормализованный идиотизм менее опасен именно вследствие своей искренности и цельности — в нём всегда можно разочароваться. Из нормализованного идиотизма выхода еще никто не находил.

Конечно, какие-то признаки нормализации как будто были. Была как будто введена демократическая по форме система правления (всеобщее, прямое, равное и тайное голосование, парламент). Трудно было все-таки догадаться, что это — только имитация. (Что это означает сегодня, знают даже западные интеллигенты).

Впрочем, были изменения и более существенные. Были уравниены в правах все граждане, независимо от их социального происхождения. Это действительно облегчило положение недовымерших представителей старой русской интеллигенции, «лишенцев» и их детей (правда, многие из последних были уже к тому времени фанатическими большевиками и относились к происхо-

дящему как к трагедии). Уравненные в правах получили возможность жить как все остальные граждане, что для многих было не так уж мало. Измученные всякого рода красными террорами и дискриминациями, они уже ни о чем, кроме как о покое, не мечтали. Особенно нетерпеливые получили даже возможность — разумеется на общих основаниях отказа от личности и достоинства — делать карьеру.

Были довольны даже ученые. К ним стали относиться с подчеркнутым уважением. Некоторые из них постепенно превратились в кукол, украшающих всякого рода президиумы, где они своим «научным видом» (потом его научились имитировать и «свои в доску») изображали трогательный союз интеллекта с новой властью. Многие даже не заметили, как это с ними произошло и в каких именно правах их восстановили.

Словом, трудно не согласиться с Кусковой, когда она на вышеприведенное предположение Милюкова о том, что в России в 1937 году происходил термидор, ответила (цитирую по памяти): «Вы ошибаетесь. Никакой это не термидор. Это — азиатчина». В наше время пробуждающейся повсюду национальной гордости и роста европейских симпатий к азиатским формам жизни считаю долгом отметить, что, не будучи специалистом, не дерзаю утверждать, что термин «азиатчина» имеет отношение к реальной Азии (хотя подозреваю, что некоторое отношение все-таки имеет), но в России действительно происходило то, что Кускова, Милюков, а с ними вся русская и западная, в том числе и марксистская интеллигенция подразумевали под этим понятием. Только бессмысленной азиатчиной можно объяснить уважение к Сталину со стороны некоторых военных людей сегодня. «Помилуйте, — говорят они, — под его руководством мы гнали немцев от Москвы, Сталинграда и Кавказа до самого Берлина». Что ж, остается их пожалеть за то, что им не пришлось начинать контрнаступление под Новосибирском. То-то славы было бы!

Впрочем, речь не об отступлениях и поражениях — на войне всё бывает, речь о характере этих поражений. Германская армия потерпела много поражений, но успокоиться немцы не могут из-за одного Сталинграда, ибо это поражение вызвано неграмотностью их фюрера. А чем вызвано наше киевское поражение? Теперь говорят некоторые, что оно спасло Москву. Получается, что если бы погибшие под Киевом армии существовали и нависали над левым флангом противника, ему было бы легче. Нельзя внушать людям идиотские мысли, нельзя их учить идиотизму, довольно азиатчины.

Эта привычка к бессмысленности — следствие переворота, совершенного Сталиным. Но при всей грандиозности его последствий, результатов, при всем уголовном его характере, следует помнить, что этот поворот совсем не был результатом некоего грандиозного замысла. Конечно, Сталин (а его индивидуальные качества сыграли здесь не последнюю роль) свои замыслы действительно вынашивал долго, но это было больше по линии личной мести отдельным лицам, по линии злопамятности, но не более того. В основном он защищался, то есть защищал свое положение, для этого не брезгуя ничем — ни гибелью миллионов, ни атакой на крестьянство, составлявшего тогда абсолютное большинство населения страны. И систему свою он тоже создавал защищаясь, — от последствий своих опрометчивых шагов, например. В сущности, он и здесь только развивал традицию. Красный террор 1918-1921 гг. преследовал те же цели — создать «рабочую обстановку» для руководителей, которые не умеют руководить. Отличие Сталина в том, что им это делалось чисто в личных целях и в мирное время.

Тот слой, которым (я намеренно употребляю страдательный оборот) Сталин заменил уничтоженный и изгнанный слой «старой гвардии», тем не менее сам по себе не состоял ни из бандитов, ни из уголовников (хотя и это бывало — например, Багиров). Даже лица, с само-

го начала мечтавшие о большой карьере, встречаются среди представителей этого слоя довольно редко. Вряд ли кто-нибудь из людей, занимающих сегодня высокое положение в нашей стране, мечтал о нем в 1936 или в 1937 году. Тогда мечтали только уцелеть — и в физическом, и в служебном смысле (часто это совпадало), но какая-то неведомая сила тянула их вверх и вверх по лестнице должностей. В конце концов уцелевший человек сам искренне начинал верить, что он всего этого достоин: знает то, чего не знает, и понимает то, что ему непонятно. Авторитет его был защищен довольно плотно, системой «партийной этики» (не знаю, был ли перед войной в ходу этот термин, но система была.) По этой системе он имел право в личной жизни общаться только с людьми своего ранга, максимум — с ближайшими подчиненными. Это надежно ограждало его от всяких влияний и критики (которая тем не менее оставалась основным законом нашей жизни), кроме, конечно, критики сверху, но это уже была не критика, а верховная воля.

Не надо забывать, что основу этого образования (потом оно получило официальное и в то же время нелегальное наименование номенклатуры) составляли выходцы из необразованных прослоек, люди, только недавно освоившие грамоту. В их сознании она прочно была связана с людоедством официальной пропаганды — это первое, к чему они приобщились, стремясь к культуре и вырываясь из вековой темноты. Как темноты, они стеснялись иногда не только обыкновенных крестьянских добродетелей, но даже сельскохозяйственного опыта. Книге верили больше. Извилисты пути просвещения на Руси.

О таких людях говорил Бухарин Николаевскому как о самом страшном последствии коллективизации (Париж, 1936, цитирую по памяти): Самое страшное — не разрушение хозяйства, не жестокость даже, а то, что на этом выработался тип работников, для которых

террор — наиболее естественный способ обращения с массами и которые с самого начала привыкают рассматривать себя как бессмысленные зубья страшной машины.

Совершенно необязательно, чтобы все они лично участвовали в коллективизации, некоторые из них могли быть по своему положению даже ближе к раскулаченным, чем к раскулачивающим, но всё равно за ними стоял страшный опыт беззакония и жестокости, всё равно соображение «всё дозволено» не было для них и вопросом. Они и теперь так рассуждают, говоря о прошлом: «А может, это было нужно!» Даже термин «ошибка» в применении к преступлениям идет от этой логики. Среди них были и есть умные люди, не говоря уже о людях, обладающих организационными способностями, они так привыкли к алогизму и лжи, как иные к логике и правде (информация ведь тоже стала привилегией, даже привилегией опасной). Они считали себя коммунистами, хотя не было и нет людей более далеких от коммунизма (несмотря на то, что мировой коммунизм благодаря родовой испорченности им продался и предался), они были русскими патриотами, хотя держали русский народ впроголодь и объявляли его счастливым...

Говорят, что это необходимый этап русской истории, преодоление того разрыва между государством и нацией, которое волновало славянофилов и которое образовалось в XVIII веке. Может быть, они в самом деле орудие истории. Но это не меняет их собственной сущности. А сущность эта — люмпенская. Вряд ли люмпенизация психологии всей страны, которая столько лет ей навязывается, даст хорошие плоды.

Но я забежал вперед. Такие отношения сложились по-настоящему уже после войны, которая неожиданно явилась мощным катализатором этого процесса. Ибо номенклатура многое скопировала с военной иерархии, в общем необходимой, но подчас утрированной (коман-

дир лётного полка должен был обедать отдельно от своих офицеров, то есть не то что имел право, а *был должен*). Но начали отношения складываться на основе общей мистики их быта и возвышений именно в конце тридцатых, как раз тогда, когда Смеляков вернулся из лагеря в Москву.

Разумеется, такие отношения, когда алогизм становится повседневностью, когда подлинные мысли представителей правящего слоя в словах не выражаются да и не часто домысливаются до конца, — ничего хорошего литературе не обещали. Некоторая возможность касаться правды (пусть хоть в причудливом освещении), свойственная литературной атмосфере двадцатых годов, объяснялась тем, что люди, от которых это зависело, все-таки были еще убеждены в правоте своего дела и меньше боялись этой правды. К тому же что-то значили еще и просвещенные меценаты от большевизма (Луначарский, Каменев и т. д.).

Теперь в это едва верилось. Меценаты исчезли. Хоть Маяковский был объявлен лучшим и талантливейшим, стало тихо. Друзья Смелякова Павел Васильев и Борис Корнилов исчезли за чертой небытия. Впрочем, жизнь всё равно продолжалась. Только по-другому. Становился известным Симонов. И, самое главное, взошла звезда Твардовского. Он получил всеобщее — в том числе и государственное — признание.

Не знаю, как тогда отнесся к этому Смеляков. В последние годы жизни он безоговорочно считал Твардовского первым поэтом страны, но тогда мог отнестись к его успеху несколько ревниво. Все-таки, когда Смеляков гремел на молодежных эстрадах, о Твардовском еще мало кто и слышал. Да и разные они были. Смеляков продолжал традиции русской лирики, во всяком случае именно это пытался делать; Твардовский шел в поэзию совсем с другой стороны. К нему — при всем признании — еще надо было привыкнуть, многие и по сей день не привыкли.

Сравнение этих двух поэтов, их путей и судеб открывает многое не только в них самих, но в самой истории нашего общества.

В дни, когда входил в поэзию Смеляков, о Твардовском еще мало кто слышал. Он влачил вериги сына кулака и вынужден был по этой причине, кажется, прервать образование, к которому относился, судя по всему, весьма серьезно. Был его отец кулаком или не был, не имеет значения ни для нас, читатель (а хоть бы и был), ни для его биографии (все равно считалось, что был).

Потом события пошли разворачиваться в ином направлении.

Правда, сидит в тюрьме пролетарский поэт Смеляков, правда, уничтожают старых большевиков, людей, которым недавно еще все поклонялись. Но Сталин произносит: «Сын за отца не отвечает» — и несправедливость, жертвой которой был Твардовский, как бы устраняется (конечно, если поверить, что отец — преступник). Впрочем, в это можно и не верить, мало ли во всякой жизни несправедливостей, лес рубят — щепки летят. Во всяком случае до этого плотно прикрытая перед ним дверь в жизнь (может быть, не без помощи тайных доброжелателей), благодаря этим словам, открывается. Он наконец получает возможность закончить ИФЛИ. Правда, до этого, а может, и во время учебы ему удается (кажется, с помощью М. Светлова) опубликовать свою поэму «Страна Муравия», и она приносит ему небывалый успех. Откуда этот успех?

Конечно, какую-то роль могло здесь сыграть то, что поэма талантлива и значительна. Но это могло взволновать Маршака, отнюдь не Сталина. Для Сталина Твардовский был национальный по форме, крестьянский, колхозный типаж, нечто вроде разбитного сельского гармониста, русский вариант Джамбула или Сулеймана Стальского. Этот образ вплетался во всю систему декора, вводимую Сталиным. Что он ошибся, что Твардовский совсем не был типом сельского гармониста, —

это многие поняли значительно позже. Возможно, тогда еще этого до конца не понимал и сам Твардовский. Во всяком случае он написал тогда несколько стихотворений в этом ключе. Среди них тоже были талантливые.

Впрочем, эта временная потеря зоркости не должна никого удивлять. Вряд ли Твардовский тогда относился к духу, который централизованно насаждался, подозрительно. Если его что и не устраивало, так это только формы, в которых делалось, не устраивало, прежде всего, эстетически. Для того, чтобы всегда сохранять зоркость, нужно было с самого начала быть настроенным антиправительственно. Между тем та часть сельской молодежи, которая рвалась к культуре (а именно к ней относился Твардовский), так настроена не была, из каких слоев деревни она бы ни происходила. Советская власть для нее была связана с городской культурой, с более широкими горизонтами жизни. Тем более, что всё, противостоявшее ей, — так было поставлено дело еще в начале двадцатых годов — выглядело себялюбивым, самолюбивым, мещанским. Тем более, что мечта о справедливости, равенстве, альтруизме — идея вообще близкая общинной психологии русского крестьянства. Думаю, что и он, претерпевая все мытарства, с которыми была связана судьба «кулацкого сына», конечно, сетовал на несправедливость, но хотел единственного: чтоб его восстановили во всех правах и позволили участвовать в общей жизни. Думаю, что подобное же чувство владело и большинством раскулаченных, «подкулачников» и уж во всяком случае их детей (не говоря уже о детях большинства жертв 1937 года). Сознания общей греховности происходящего не было не только у Твардовского или Смелякова, — его не было почти ни у кого из их сверстников и читателей.

Отсутствие этого сознания имело весьма страшные и необратимые последствия для нашей страны: была обесценена жертва.

Действительно, когда мы сознаем, что находимся в руках злой силы, мы — при любой нашей общественной активности, пусть даже подсознательно, — всё равно как-то ей сопротивляемся, отстаиваем себя. Все ее жертвы видятся нам в ореоле мученичества. Когда же мы признаем эту силу нормальной и законной (а тем более имеющей право на «неизбежные эксцессы»), мы можем только скорбеть о несчастном стечении обстоятельств, о собственной неловкости, благодаря которой нас неверно поняли и истолковали, наши страдания в глазах окружающих (да и наших тоже) выглядят жалко и глупо, словно это не нарушение справедливости, а только наше личное, никого не касающееся несчастье. Мы только тупо доказываем, что мы лично (или наши родители) не мироеды, а трудяги, не двурушники, а честные революционеры, но и сами знаем, что это не так важно, ибо «лес рубят — щепки летят».

В этих условиях все старания человека, естественно, направляются на то, чтобы не попасть в такое жалкое положение, не быть неверно истолкованным, даже высказывая деловое и здоровое соображение, иначе говоря, чтобы любой ценой изворачиваться, шагать в ногу с «настоящей» жизнью.

Это умонастроение, это низложение жертвы сильно способствовало полному торжеству того царства страха, в которое успешно превращал нашу страну Сталин; тем более, что речь шла о народе, который так или иначе весь прошел через коллективизацию и раскулачивание. На глазах у многих участников — как раскулачиваемых, так и раскулачивающих — было наглядно продемонстрировано, что все правила, в которых их воспитали родители, и бытовые традиции — относительно, что закона нет и его и не надо, что законно всё, на что выйдет распоряжение, что нажитое горбом в этом случае в глазах у многих действительно превращается в нечестно присвоенное и легко отдается лодырю и пьянице, которые так же естественно возводятся

в достоинство трудового народа. Короче, как говорит один из героев Солженицына: «что хотят — то и делают». И как будто так и надо.

Беда состояла в том, что многие решили, как это свойственно людям, что раз так есть, значит, так и надо, что такова — новая жизнь (а старая, как они теперь узнали, — темнота и невежество), и начали внутренне приспособливаться к этим правилам. Уж если так надо, не в пример лучше — и в моральном даже отношении — в следующий раз исхитриться быть уже не раскулачиваемым, а раскулачивающим. Тем более, что для этого требовалось очень мало — «знать слова́». Велико уважение к слову при социализме!

Не знаю, входило ли это в замысел Сталина, но сочетание всех этих стихий, а также недавней грамоты с людоедством, о чем я уже говорил, сказалось и на всех чистках второй половины тридцатых годов, и на формировании номенклатуры. Многие тогда брали реванш, в том числе и реванш за жестокое обращение с ними. Однако это был не единственный вид реванша. Собственно, с духом реванша, допустим, за историческую обделенность, неразрывно связан и весь дух Октября. Этого рода реваншизм никогда не прекращался, его эскалация происходила и теперь. Но этот реванш был один из самых нечестивых: люди начинали поклоняться главному виновнику своих страданий.

Одним из людей, бравших такого рода реванш, мог показаться и Твардовский. Возможно даже, что такие люди чувствовали его своим, и он их — тоже. Но тут я должен оговориться: чувствовали они так или нет, но это было неправдой — никогда, ни за что и ни у кого никакого реванша Твардовский не брал, да и незачем ему это было. Он никогда не был выдвинутцем. Его стали выдвигать, когда он уже сам выдвинулся. Свою карьеру он сделал бы и до Октября. Для ее начала достаточно было, чтоб в детстве ему на глаза попалась хоть одна подлинная книга, чтоб он увидел, что т а к о е

бывает. Остального он бы добился сам, как Ломоносов или Есенин. У него не было и быть не могло такого чувства, что он занимает чужое место, которое надо оборонять от законного владельца, что кто-то — если этого кого-то допустить к нему — сделал бы его работу лучше, чем он.

Отрицать некую обманную связь Твардовского с такими людьми (хотя далеко не все они крестьянского происхождения) — дело безнадежное. Он вступил в партию. И почти до конца своих дней (может быть, до самого его отстранения от «Нового мира») для него сохраняло значение это слово, хотя вступил он в партию, когда она была не коммунистической, а сталинистской. Правда, сам он потом в устных беседах не раз говорил, что переpleсы второй части «Страны Муравии» никак не отвечают на вопросы, поставленные в первой; правда, что, может быть, резче, чем многие другие, выступал он потом против сталинизма и его наследия.

И все-таки, несмотря ни на что, его последняя (очень горькая и талантливая) поэма «По праву памяти»*, так и не опубликованная на его родине, наивно начинается со странного утверждения, что правду писать необходимо. Твардовский как бы оправдывается, что пишет именно правду (хотя в основном всю жизнь только к этому и стремился — «никогда не врал для лжи»). Перед кем он оправдывается? Перед читателем? Перед каким?

Видимо, до конца своих дней, до последних горьких его стихов, где он заговорил совсем по-другому, он мысленно включал в число своих читателей и бывших товарищей по номенклатуре. Кажется, только в самом конце жизни он перестал ощущать себя частью этой номенклатуры, которую, видимо, до этого, несмотря ни на что, воспринимал как разумную активную силу, вышедшую из народа и призванную руководить страной.

* См. «Посев» № 10, стр. 52-56 за 1969 год. — Ред.

И тут нет ничего удивительного: ведь его товарищи были полны тех же надежд, что и он, той же жажды деятельности, а многие из них, может быть, и на самом деле были когда-то талантливыми. И хотя в дальнейшем у тех из них, кого прибило к номенклатуре, этот талант угас, а душевные качества иссякли, Твардовский долго не переставал ощущать этих людей своими, а их недостатки — частными.

И почти до конца жизни не было ему чуждо их представление о законности иерархии и даже об иерархических правах. Более того, ему вполне нравилось занимать определенное положение на иерархической лестнице, тем более, что он считал его заслуженным и законным и употреблял на добрые дела. И его, наоборот, удивило и огорчило, когда он вдруг перестал быть ко двору, когда его перестали приглашать и «выбирать». Думаю, что это не столько задевало его самолюбие (он, конечно, знал, что он всё равно Твардовский), сколько компрометировало в его глазах саму идею этой лестницы как разумной основы бытия страны.

Безымянный капитан у Достоевского держался за веру в Бога, потому что полагал, что если Бога нет, то какой же он капитан? Твардовский же держался за веру в партию именно потому, что знал, что он при любых условиях остается Твардовским и что ему придется выполнять свой долг — только без той опоры, к которой привык и на которую возлагал он свою главную надежду.

Из всего этого следует, что Твардовский тоже довольно обстоятельно подвергался деформирующему воздействию времени, что оно его пытало кнутом, а еще более — пряником. И тем не менее этот человек упорно развивался, если с отклонениями, то с мельчайшими, и в одном направлении — всё большего постижения духа русской культуры и верности этому духу. Думается, что уже тогда (то есть в конце тридцатых годов) он был одним из самых образованных литераторов своего поко-

ления, а в конце жизни стал (может быть, за исключением старших поэтов, таких, как Пастернак или Ахматова) едва ли не самым образованным русским поэтом. И при любых — иногда, с моей точки зрения, самых неправильных взглядах — он оставался верным чувству собственного достоинства, благородству, здравому смыслу и серьезности своего творчества.

Разумеется, здесь сказалась и природа индивидуальности Твардовского, его незаурядные личные качества, сила духа (не зря ведь Солженицын назвал его богатырем), но мне кажется, что не последним фактором, формировавшим эти качества, было его крестьянское происхождение.

Говоря так, я должен подчеркнуть, что отнюдь не разделяю убеждения Твардовского, что поэзия — дело «негородское», ибо всё «городское» — вторично. Я лично убежден, что само по себе происхождение ничего не решает. Крестьянского происхождения были ведь и творцы такого некрестьянского дела, как «рязанское чудо», когда «истово», под звуки фанфар, они перерезали большое количество скота, имея в виду быстро увеличить производство мяса (забыв, что мясо так легко не производится). Крестьянского происхождения и многие другие деятели, в том числе и поэты, которые вспоминают о своем происхождении только тогда, когда надо противопоставить кому-то свое право не быть крестьянами; крестьянского происхождения и такие литераторы, которые к родной деревне относятся как к интересной экзотике.

Кроме того, не одних крестьян я считаю наделенными добродетелями. Сент-Экзюпери, например, уважал еще и ученых. Крестьян и ученых считал он людьми, которые больше, чем другие — пусть на разных уровнях — наделены цельным и органичным восприятием мира. Разумеется, под словом ученый он подразумевал качество личности, а не просто обозначение профессии научного работника.

Но в то время, о котором я говорю, на «ученое мироощущение» велась главная атака с применением всех смертоубийственных аппаратов, и оно почти не проявлялось. Все ценности шатались, а земля для тех, кто на ней вырос и при этом — что бывает не так часто — умел и хотел видеть и чувствовать, всё равно оставалась мерой вещей и первоосновой всего сущего. При любых завихрениях облучаемого ума в этом была и некая оздоравливающая антисептическая сила, хотя, конечно, любой мог по своей воле отворачиваться и от нее и от самой земли, то есть становиться духовно люмпеном. «Вы знаете, какое теперь время?» — спрашивал у меня один ныне уже умерший писатель. И сам отвечал: «Такое теперь время, что мужик Твардовский, благодаря своим обыкновенным крестьянским добродетелям, кажется в собственной стране иностранцем». Видимо, не такое это простое дело — ощущение своих истоков и верность им; если не живешь в деревне, для того, чтобы сохранить это, обязательно надо стать «ученым».

Но поскольку Твардовский стал таким «ученым», земля щедро одарила его: обогатила его палитру, жизненный опыт, дала устойчивость, помогла сохранить (при любых своих отношениях с иерархией) верность себе и своему здравому смыслу. Даже трагедия русской деревни, к которой он по-разному относился в разное время, — для него была не абстракцией, а реальной трагедией. Он мог, впадая в грех, оправдывать ее, но никак не мог не видеть, что она — трагедия. Такое внутреннее состояние всегда сохраняет возможность возвращения к реальности, к здравому смыслу, к реальному миру ценностей.

Особенно ясно сказалось это преимущество Твардовского именно в тяжелые и мутные годы — с середины тридцатых до середины пятидесятых.

Революция, которая была духовной основой Смелякова, всё больше становилась абстракцией, и ему всё трудней становилось сохранять ощущение почвы под

ногами. Твардовский же, духовной основой которого (что бы он сам о себе ни думал) была Россия, наоборот, эту почву всё больше и больше обретал. Ощущение России вывело его к высотам мировой культуры, к ощущению ее духа. Между тем мировая революция уводила Смелякова в сторону от всякой культуры и всякого духа, мешала его духовной свободе. Конечно, тут не было ничего фатального: возможность уходить вглубь оставалась и у Смелякова. Но, во-первых, нужно было больше иметь внутренней свободы и внутренней решимости, которых в тех условиях нигде было выработать; во-вторых, уходить пришлось бы недозволенными путями: более или менее прямого разговора о смысле и состоянии духа.

К такого рода решениям тогда не был готов и Твардовский. Но в силу специфики его биографии, истоков, в силу специфики его творческого развития откровения его духа могли без ущерба для себя совершенно свободно проявиться в пластике эпоса. Твардовский всё время как бы полз по земле, и не сразу было видно, что ползет он всё время в гору.

Дух подлинной культуры связан с сутью земли неразрывно, какими бы сложными порой ни были эти связи. Настоящая культура невозможна без постижения духовных ценностей и сложности «примитивных» основ бытия, она не допускает абстрагирования от этих основ. Твардовскому не пришлось постигать их, он на них вырос. Но культура помогла ему должным образом их оценить и взглянуть на них шире. Я отнюдь не утверждаю, что такой путь обязательно должен быть плодотворней, чем, допустим, путь Ахматовой, который вел к той же цели от противоположной точки. Я просто говорю, что невольная (а тогда, может быть, и бессознательная) приверженность к этим основам помогла ему оставаться самим собой в том нравственном хаосе, в котором мы жили во второй половине тридцатых годов, помогала ему находиться подалеке от разрушительной

для поэзии революционной романтики и поближе к сути жизни и культуры, чем большинству поначалу как будто бы близких к культуре его сверстников-литераторов. Тут нет заслуги Твардовского, это игра истории. Но само его приобщение к культуре и ее духу — да еще в такое время — это личная заслуга Твардовского. Впрочем, к этому его вел его талант и поэтическая сущность. Ибо без этого — без культуры, представлений о жизни, о ее смысле, о назначении человека и т. д. — поэзия немислима. Ведь она, прежде всего, явление культуры. Дело не только в том, что Твардовский прочел много книг и обогатил свою память знанием фактов (хотя и это вполне необходимо и имело место), дело в том, что всё это собралось в одно, что он ощутил культуру как жизненную сущность и единое духовное целое.

Это качество, то есть причастность к культуре, весьма сильно отличало его от людей, которых он долго считал социально близкими.

Впрочем, полностью значение Твардовского тогда вряд ли еще было осознано. Да и вряд ли оно тогда уже проявилось полностью, тем более, что к тому времени, кроме «Страны Муравии», он написал еще ряд стихов в стиле умиленности тогдашнего времени. Да и вторая часть «Страны Муравии», несмотря на богатую инструментовку, на демонстрацию мастерства, как-то перекликалась с этими стихами. Я не думаю, что стихи эти были неискренними, — желание шагать в ногу тоже было искренним. Но поэтического откровения в большинстве из них не было.

**
*

Да, в трудное время вернулся в Москву Смеляков. В конце концов не так уж важно, тогда ли он признал Твардовского или чуть позже, важно, что он не мог не почувствовать себя обделенным. Впрочем, это соответствовало реальности, хотя его отнюдь не забыли, не разлюбили и встретили вполне хорошо.

Но надо было начинать почти с нуля, это всегда обидно. Надо было опять доказывать свою верность и свой талант. Надо было обжиться и проявляться, хотя обжиться и проявиться он тогда не успел — началась война. Ему опять не повезло: он попал в плен, к счастью, в финский, а не в немецкий. По возвращении из плена он некоторое время сидел в проверочном лагере (опять в лагере!), потом жил «вольно» где-то в Мосбассе и даже получил право работать в многотиражке. В Москве он появлялся только наездами. Это была самая нетяжелая и незначительная из его опал, к тому же она скоро кончилась; Смелякова восстановили во всех правах.

Думаю, что объяснять читателю, что означали «все права» тогда, в 1946-47 годах, когда сталинская «идеология» дошла до своего апогея, то есть до полного маразма, — излишне. О каких правах может идти речь во время разгула террора и репрессий? Для Смелякова это имело вполне осязательный смысл — ему разрешили жить в Москве.

Вернулся он не с пустыми руками. В каком-то смысле это тяжелое время было кульминационным пунктом его творческой биографии. Так много хорошего подряд он никогда не писал — ни до, ни после этого периода. Привезенные им стихи явственно отличались почти от всего, что тогда писалось. (Разумеется, речь опять-таки не идет о старших поэтах или о таких, как Мартынов или Заболоцкий, — все они стояли в стороне от процессов, которых я здесь касаюсь).

Что это был за фон? Для того чтобы понять его, нельзя никак отвлечься от деморализующего воздействия времени и режима. Дело в том, что террор и давление влияют на сознание не только прямо, но и косвенно. Одним из последствий такого косвенного влияния является добровольный инфантилизм всякого сознания и всякого восприятия, — поэтического, безусловно, тоже.

Тогда только что кончилась война, и появилось много стихов, вполне даже честных, но каких-то эмпирических, натуралистических, что ли, чья суть ограничивалась самым впечатлением, вызвавшим эти стихи, самой конкретной обстановкой, вызвавшей впечатление. Иногда это сдобривалось экспрессией. Упор делался на зрительность. Зрительные детали почему-то считались признаком и доказательством присутствия эмоциональности. Еще говорили: «поэзия должна не рассказывать, а показывать», не понимая, что этот принцип, чья верность относительна даже для прозы, к поэзии никакого отношения не имеет. Ибо поэзия не рассказывает и не показывает, а «только» (и путем рассказа, и путем показа, и любым другим путем) выражается. Много писалось, таким образом, о войне, но подвиги как-то абстрагировались от своей духовной сути, от общего взгляда на жизнь и на мир. Даже от коммунистического — нельзя забывать, что и коммунизм тогда был почти в загоне.

Потом всё это изобразительство по команде «Хватит!» переключилось на воспевание трудовых будней.

Стихи Смелякова отличались на общем фоне поверхностной и по существу бесчувственной эмоциональности прежде всего выношенностью, зрелостью, обобщенностью чувства. Чувство — не просто реакция, не просто впечатление, а такое впечатление, которое задевает и проявляет глубины существа, характера, содержания данной жизни. Смеляков не просто реагировал, он чувствовал и говорил голосом, исполненным этого чувства. Говорил о себе, о пережитом, о России. Теперь он тоже пришел к ощущению России как ценности. Но теперь это не противоречило в его сознании (и в моем, например, тоже) ценности революции и ее духа, которыми он жил раньше. Что делать!.. Как я уже говорил, другой духовности мы тогда не знали. И этот дух, хотя о нем почти не говорится, чуть приглушенным трагизмом проявляется в каждой строке Смелякова, придает

его стихам драматизм и обаяние; обаяние духовной жажды, самой духовности, которая в данном случае проявляется и утверждает себя так. И эта же духовность, воспитанное на этой духовности уважение к духу наполняет обаянием и смыслом и другие стихи, в которых речь идет о другом: например, мягкое лирическое доброе стихотворение «Хорошая девочка Лида». Очень непростые вещи — духовность и поэзия, особенно в такие времена.

Конечно, Смеляков мог бы быть тогда мудрей, как мог бы быть мудрей и я, и многие другие. Но мы не были мудрей. В каком-то смысле был мудрей Твардовский, чья духовность, несмотря на его взгляды, опиралась на более глубокие и незыблемые ценности, чем наша. И это так, хотя и «Тёркин» и «Дом у дороги» (пусть последняя поэма была потом «раскритикована») были вполне издаваемы и прославляемы при Сталине (к этому времени относятся его апологические и, к сожалению, искренние стихи о последнем). Но высокой духовности творчества Твардовского я тогда не понимал, впрочем, как и те, кто его награждал. Не то что я не увидел в нем ничего; увидел, что тут не всё так просто, как кажется, но счел всё это частным и провинциальным. Уж слишком далеко от моих тогдашних поисков это лежало. Близость к Твардовскому я почувствовал гораздо позже, в ссылке, и оформилось это в фразе: «Вася Тёркин не будет моим конвойным». Как показало дальнейшее развитие биографии («Тёркин на том свете»), я не ошибся. Но впечатление от поэм Твардовского было гораздо более глубоким и существенным, чем это соображение. И, конечно, ценность его творчества не исчерпывается для меня его гражданскими заслугами, хотя они для него органичны.

Всё это я понимаю теперь. Тогда же поэзия Твардовского мне нравилась гораздо меньше, чем стихи Смелякова. В стихах последнего (я и теперь их люблю не меньше, просто я еще больше полюбил Твардовского)

меня поражала какая-то — явно не в духе времени — чистота и благородство тона, лирическая смелость и тот приглушенный, едва уловимый трагизм, о котором я уже говорил выше. К сожалению, всё это хоть и проявлялось в творчестве Смелякова и потом, но не получило достаточного развития.

Между тем положение Смелякова, несмотря на то, что его признавали почти все, было каким-то двойственным. В чинах-то, как и в официальном ранге он сильно поотстал от многих своих сверстников, которые теперь уже чуть не классиками считались. Конечно, он не мог не понимать цену этому, но, с другой стороны, видимо, не мог найти в себе мужества признать, что это вообще ничего не значит. Чего-то в нем не хватало, чтоб всё это презреть и идти своим путем, не оглядываясь. Ощущение преемственности власти от революции с ее романтикой (от начала тридцатых годов) у него не пропадало, а внутренне противопоставить нечто свое всему этому он ничего не мог. Только пробовал догонять. Написал, используя свою старинную искреннюю любовь к рабочему классу и рабочей теме, поэму о шахтерском труде, но Сталинской премии ему за это так и не дали. Другому бы дали, а ему нет — отчасти из-за извивов биографии (плен был тогда пятном значительным), отчасти вообще он был каким-то не таким, как надо. Вроде такой, а всё же не такой. Видимо, — это мое замечание тогдашнего времени — для того, чтобы стихи имели успех, мало было, чтоб они были плохими, надо было еще верить в то, что они хорошие. Первое он еще сделать мог, второму, по-моему, так и не научился.

Мне кажется, что именно тогда в нем если не появилось, то сильно укрепилось то невысокого пошиба тщеславное желание выглядеть не хуже преуспевающих сверстников, даже если те ему в подмётки не годились, и раздражительность, и несправедливость. Видимо, просто он не чувствовал твердой почвы под ногами. Этим он отличался от Твардовского, который, при

всех сложностях своей биографии, почвы никогда не терял, наоборот, всё глубже в нее вращался. В этом нет ничего удивительного: Россия всё равно оставалась, а революция всё больше становилась абстракцией. Живое ощущение России выводило Твардовского к ценностям мировой культуры, к живому ее ощущению, а Смелякову ощущение революции преграждало все дороги к культуре, отнимало и то, что у него было, в значительной степени делая его беззащитным перед властью бездуховности. Пряник для поэта бывает не менее губительным, чем кнут. Кстати говоря, — правда, после неоднократного испытания кнутом — Смеляков потом и испытание пряником вынес отнюдь не блестяще. Но это — потом. Когда же в конце 1947 года я был арестован (этим, кстати говоря, закончился двухлетний позорный период моего интеллектуального сталинизма, о котором мне и сейчас стыдно вспоминать — ни до, ни после ничего похожего у меня не было), кнутом для Смелякова еще как будто не пахло. Он оставался в чести и на виду. Лишь через несколько лет его опять арестовали.

Все эти годы я его не видел. Только один раз (в 1951 или 1952 году, во время одного из моих полулегальных посещений Москвы) я встретил его на Арбатской площади, как говорится, пьяного в дым. Хотя мне и раньше приходилось видеть его пьяным, на этот раз он меня поразило. Вид у него был страшен: одутловатое лицо, растерянный взгляд, маниакальная стремительность. Второе впечатление, имеющее отношение к Смелякову, связано с рецензией С. Львова на его книгу «Кремлевские ели» в «Литературной газете».

Я никак не связываю статью С. Львова с последовавшим вскоре арестом Смелякова, но она запечатлелась в моей памяти сама по себе. Это одно из самых сильных моих впечатлений тех лет. Очень спокойно и для того времени вполне интеллигентно статья эта общалась широкому читателю, а значит, и кому ведать надлежит, что в книге Смелякова только внешне всё

благополучно, что его стихи только внешне оптимистичны, а по существу они — всегда о смерти, и это неслучайно. Я с тех пор не видел этой статьи, передаю ее содержание по памяти, передаю то, чем она меня поразила. Идея ее, сформулированная мной тогда, гласила: куда начальство смотрит! Именно после нее я сострил в одном доме: «Задача литературной критики — писать доносы». Помню, что ни на кого, кроме меня, эта статья такого впечатления не произвела. Уже в 1952 году о ней никто не помнил. Знаю, что С. Львов и теперь считается среди знакомых порядочным и интеллигентным человеком. Возможно, он таким и является — я плохо его знаю. Возможно, что он имел даже основания полагать, что «ударить» всё равно придется, и он это сделает мягче, чем другой. В тогдашней действительности могло быть и так. Я прочел эту статью непосредственно, как она была написана — без учета посторонних тексту соображений, и такой запомнил.

Эта статья никак не объясняет причину второго ареста Смелякова, разве что факт ее опубликования показывает, что Смеляков, несмотря на общее признание, был все-таки не ко двору: напечатать отрицательную рецензию на литератора такого ранга у нас и теперь не просто. К тому же МГБ для ареста ни в каких статьях и тогда уже не нуждалось. Да и арестовать его могли и не за стихи вовсе, а за то, например, что он уже один раз был арестован: в тот период как раз подбирали «повторников» «по новой». А может быть, и не за это, а за плен, и ему решили приписать измену Родине. Всё могло быть. Но я думаю, что речь шла и о пессимизме. На это меня наталкивает одна довольно безобразная, но по-своему значительная сцена, свидетелем и невольным участником которой оказался я сам.

Это было в день возвращения Смелякова из лагеря. Собрались на квартире его бывшей жены. Много было выпито, все старались говорить ему приятное, и это было вполне искренне. В конце концов он растрогался и —

кажется, впервые в Москве — прочел написанные им в лагере главы поэмы «Строгая любовь». Поэма всем понравилась. Понравилась она и мне (она мне, в общем, и теперь нравится). Я подошел к нему, поздравил с успехом и спросил, как он думает кончать ее, ведь согласно ее внутреннему течению и исторической правде она должна кончиться трагически. Смеляков неожиданно взорвался. «Вы что, хотите сказать, что меня за нее арестуют! — закричал он. — Это вас арестуют, а не меня!.. Вас!.. Вот увидите!» Потом он спохватился: «Господи! Что это я говорю?.. Я вам этого вовсе не желаю!.. Разве можно такое желать человеку?» Тогда я был только озадачен (конечно, я не думал, что он мне этого желает, да и не с чего было), но мне кажется, что скрытые и явные обвинения в пессимизме в той или иной форме преследовали его всё время: и на воле, и в тюрьме. А иначе — откуда такая бурная и неспровоцированная реакция?

Герои этой поэмы — так они построены — обязательно должны были столкнуться с ходом времени, с тем, что случилось позже; их чистота, вера, представления и даже сами жизни должны были подвергнуться жесточайшим испытаниям. Этого требовала не только историческая правда, но, как сказано выше, и само развитие, сама тональность поэмы. К этому шло, но не пришло. Смеляков не стал придумывать искусственный конец поэмы, не стал противоборствовать ей (к слову скажем, что и на это способен не каждый, чья поэма при начале хорошо «принята»), он просто немного потоптался на месте, написав еще несколько кусков, и кончать ее не стал. И хотя такой «конец» всё же лучше, чем фальшивый, это очень плохо для поэта. Это тоже, как мы уже говорили в начале статьи, измена себе. Поэмы должны кончатся, если начаты. Даже если поэма не кончается из-за «честного» внутреннего разлада, из-за невозможности — это дурной симптом для автора. Но еще хуже, когда не кончается поэма, цельный замысел

которой уже светится сквозь строки, а течение и развитие уже определилось. Это нарушает профессиональную — душевную и духовную — гигиену, ибо живые остатки этой поэмы, не пробившись на свет, остаются в душе, как в материнской утробе, умирают, гниют и разлагают весь поэтический организм. И, конечно, дело тут не только в окончаний поэмы, дело в откровениях, к которым он не прислушался, в шагах, которых он не сделал, и в пути, которым он должен был пойти, но не пошел. А путь — это отнюдь не дело свободного выбора, ни у одного поэта нет и не может быть еще одного, запасного, пути, кроме того, который ему предназначен.

Почему он это сделал? (Или вернее: почему он этого не сделал?) Однозначно ответить на этот вопрос трудно. Хотя, конечно, не последнюю роль здесь играла усталость, желание спокойно жить и работать, получить по заслугам и таланту и, конечно, страх вдруг опять лишиться всего из-за необдуманного шага. Всё это, конечно, могло действовать и подспудно, подсознательно. К тому же никакие мытарства не выбили из Смелякова комсомольского духа начала тридцатых годов. Нет, я вовсе не хочу сказать, что его поэзия только этим духом и ограничивалась — всё-таки речь идет о Смелякове, а не о Безыменском. Некоторые его стихи сороковых годов да и сама поэма «Строгая любовь» — гораздо шире этого, но осознать всю относительность прелести комсомольского духа того времени Смеляков не смог до конца жизни. Вероятно, он боялся не только физических последствий этого шага, но и духовных, боялся оказаться в пустоте. Боязнь же эта как раз и завела его в пустоту, в которой он жил последние годы жизни, оставила без среды и даже подлинного признания, несмотря на его официальные успехи.

Может показаться странным, что в статье, посвященной судьбе поэта, так много говорится не о нем и так мало — о его стихах. Словно это — работа не о литературе, а об истории. Что ж, в значительной степени это

так и есть. Эта работа посвящена главным образом не тем стихам, которые Смеляков написал (с ними более или менее все ясно, расхождения могут быть лишь в частных оценках), а о тех, которые он написать не смог. Именно о них я думал, когда узнал о его смерти (хотя, конечно, материал для этих мыслей мне давали стихи, им написанные, среди которых есть замечательные). А понять, тем более, объяснить, как это произошло, невозможно, не объяснив, не раскрыв, не дав почувствовать определенного периода истории нашей страны, с которым был связан Смеляков. Кратко же говорить об этом периоде — невозможно, ибо он специфичен, и специфика его как бы засекречена, закамуфлирована, представляет собой белое пятно на исторической карте. Тут намеками не отделаешься, всё надо объяснять и разъяснять, как будто речь идет о неведомой экзотической стране, куда доселе не ступала нога европейца. Всё это удлинняет статью, разрушает ее форму, но другого способа донести до читателя свои мысли и чувства я не вижу. Без этого тупик, в который привели Смелякова его жизненные дороги в середине пятидесятых годов, будет понятен не вполне.

Впрочем, внешне жизнь его складывалась теперь сравнительно благополучно. В газетах, журналах и сборниках всё чаще стали появляться его стихи. Почти все они были талантливы и носили печать индивидуальности, написаны были четким, отчетливым выразительным языком и как будто даже искренне. Почти в каждом, даже относительно слабом стихотворении были сильные строки и четверостишия.

Но при всех добрых качествах при чтении этих стихов, особенно большого их количества, возникало ощущение необязательности их появления на свет, не чувствовалось, что они необходимы для автора, что это его последнее слово обо всем (а таким должно быть каждое подлинное стихотворение, и такими и были — даже в этот период — лучшие стихи Смелякова). Неслучайно

многие из его тогдашних стихотворений написаны в форме зарисовки, соображения, лирического репортажа (жанр сам по себе не хуже, чем любой другой, но трудно отделаться от мысли, что вся эта живость и впечатлительность — только средство для того, чтоб не говорить о главном).

И дело не столько в том, что я не согласен с его взглядами или поведением (если, конечно, не считать таких стихов, как его стихотворение о венгерских событиях 1956 года, которые, как и уже упоминавшееся его интервью, относятся больше к категории поступков, чем к чему-либо другому), как в том, что эта необязательность проявлялась в форме, в организации стихотворения, нечёткости его течения, в многословии...

Иногда он подходил более близко к тому, что его волновало. Но чаще всего в таких стихах (см. «Рязанские Мараты») он старался скорее самому себе зубы заговорить старой романтикой, чем обнажить (хотя бы перед собой) свое отношение к чему-то. Нет, эти стихи талантливы, они всегда трогают, но это как бы... не для взрослого человека; какой-то насильственный инфантилизм пробивается в них сквозь строгие четверостишия. Это отдаляло от него читателя, который как раз в то время жил напряженной духовной жизнью, поисками и хватался за любые поделки, если они были ему созвучны.

Это понятно, но всё равно в этом есть, как я уже говорил, какая-то несправедливость. Ибо даже в таких непроявившихся стихах есть — пускай заглушенное и побежденное — обаяние подлинной поэзии, следы этого обаяния. Ведь уход от судьбы — тоже имеет отношение к судьбе. Это тоже, в каком-то смысле, — самовыражение. Но уж очень много у него таких недовыраженных стихов, и не могут они заменить строгий суд над временем и собой, от которого он ушел, отказавшись кончать «Строгую любовь». И если суд над собой, над своими представлениями в ней всё же слегка намечен (посеще-

ние бригадой «легкой кавалерии» «мещанской» квартиры Зинки), то суда над временем в ней нет вообще. Неуловимая элегичность тона для этого недостаточна, ибо хоть она всё время присутствует в поэме, но нигде не фокусируется, и внимание сосредоточено не на ней. Она — в поэме такого характера — должна была отыграться в сюжете, а этого не произошло, и поэтому она только подчеркивает общую незавершенность поэмы.

Странное ощущение оставалось от встреч со Смеляковым в эти годы. Успехи явно не шли ему впрок. Они как будто, наоборот, взвинчивали его, напрягали его последние силы, приводили и привели к неизбежному срыву, уложили в больницу. Видимо, он слишком был поэтом, слишком глубоко в нем сидела его личность, и победить ее и свой талант до конца он так и не смог. И путь его всё равно жил в нем. Жила прозорливость, ощущение шкалы ценностей, цены себе и всему. И хотя проявлялось это как-то искаженно (в той же водке, в том же ЦДЛ, где он ее пил, а потом в пьяном виде грубил своим собутыльникам, потому что ему наскучивало обращаться с бессмысленными куклами так, будто он и впрямь в них во всех видит своих собратий), но всё-таки проявлялось. И хотя это общение вытекало из его позиции, и хотя раздражение, вызванное этими неинтересными для него людьми (с другими он почти не общался), он срывал иногда на посторонних людях, трудно было не разглядеть сквозь все эти наслоения его подлинное нутро: ум, совесть, мягкость, доброту и, не побоюсь сказать, мудрость. И прежде всего — боль. Через нее, собственно, проявлялось и всё остальное.

Вряд ли нужно упоминать о том, что суть Смелякова, его путь и судьба и в эти годы иногда пробивались наружу и прямо — в виде существенных творческих побед. Хорошие, замечательные стихи Смеляков не переставал писать до конца жизни. Гони поэзию в дверь, она лезет в окно. Часть из этих стихов («Меншиков», «Поэты», «Элегическое стихотворение» и т. д.) опубли-

кована, часть, может быть, наиболее пронзительная («Жидовка», «Когда встречаются этапы», «Голубой Дунай», «Старший санитар» и др.) — нет. Но всё это — подлинная поэзия, подлинные чувства и прозрения. Так что надпись, которую я сделал на своей книге в 1963 году, — «Ярославу Васильевичу Смелякову, почти единственному поэту из тех, чьи стихи я любил в детстве, в котором я не разочаровался до сих пор» — сохраняет для меня свой смысл и поныне.

И, конечно, он состоялся как поэт. Боль времени прошла через его душу и сердце и выразилась в его лучших стихах. И пусть в результате получится не толстый том, а маленький, состоящий из глав «Строгой любви» и около тридцати стихотворений. Но от многих ли из тех, кто сегодня выпускает полные собрания, останется хоть столько. И я убежден, что он не хуже и некоторых более молодых своих собратий, играющих с режимом в кошки-мышки, но имеющих несравненно лучшую репутацию, чем имел он. Падения их были отнюдь не менее частыми, чем его падения, но выглядели более грациозно, что ли. А взлёты их были всё-таки менее значительными. Он, может быть, больше, чем они, боялся властей (да ведь и знал больше, чего он боится), может быть, менее, чем они, был свободен от власти идеологии (в верности которой, не будучи уж слишком ей привержены, они не устают распинаться тоже), но он, например, никогда не заигрывал с публикой, что они делали совершенно открыто, по наивности и греха в этом не видя, не понимая, что, с точки зрения искусства, это не меньший грех, чем заигрывание с властью. У него наверняка было больше достоинства, чем у них, просто достоинство это было задавлено и поругано. Им самим? А под чьим давлением?

Но иногда оно выпрямлялось. И в том, что он написал как бы против своей разумной воли, житейского страха и привычных убеждений, гораздо больше силы и неопровержимости, чем во многих легковесных наско-

ках «смелых» поэтов хрущевского времени, в которых так отчетливо проявляется склонность к равнодушию. Смеляков же не был равнодушен. Что угодно, только не это.

Теперь его уже нет в живых. Больше ему нечего бояться. И пусть та работа, для которой он предназначался, выполнена им только отчасти, но это не надо понимать слишком буквально. Хорошее стихотворение по своей природе не может выполнять что-либо отчасти, это слишком цельный организм, связанный с жизнью во всей ее цельности, воплощающий наиболее цельную реакцию на поставленные ею вопросы и проблемы. Оно всегда — цельное духовное завоевание, а не часть его. Таких духовных завоеваний немало у Смелякова. Из-за них он и остается в нашем сознании, ими — чем дальше, тем больше — будет определяться его образ в памяти потомков. Его завоевания и толкнули меня на написание этих нестройных страниц и на привлечение в качестве подсобного материала широкого исторического фона.

Остальное в нем воспринималось и при его жизни многими и особенно теперь как искажение и болезнь. Только не надо забывать, что это была не его личная болезнь, а болезнь всего его общества и его времени. Просто у него как у поэта, эта болезнь приняла обостренную форму. К сожалению, поэты не отличаются иммунитетом против таких болезней общества. В какой степени сможем противостоять этим болезням мы сами, покажет будущее.

Предъявлять ему сегодня претензии — дело зряшное. А не видеть его лица за грязью, которой оно забрызгано, дело и несправедливое, и расточительное. Он — всё равно часть нашей жизни, часть нас самих. Воздадим ему должное и подумаем о себе.

Третий путь

«...и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестной нам революцией».

А. Герцен

1. В ЗАЩИТУ МИФА О ТРЕТЬЕМ, «ИДЕАЛЬНОМ» ПУТИ

До сих пор мы занимались в основном разоблачением мифов. Сейчас же нам предстоит заняться прямо противоположной работой — защитой мифа. То есть доказательством того, что так называемый третий путь является не мифом, как считают иные люди, а единственно реальным выходом из апокалипсического тупика, в который зашла советская Россия и в который медленно, но, кажется, верно движутся и многие другие страны мира.

С представлением о мифичности или утопичности третьего пути тесно переплетается прискорбное убеждение в утопичности создания «идеального строя» на нашей грешной земле. Это убеждение особенно широко распространилось в мире после провала попытки создать идеальный строй на основе марксистского социализма, а также в результате неспособности с помощью всех других видов социализма решить «проклятые» проблемы человечества.

«Третий путь» — глава из книги «Два мифа и третий путь», которая должна выйти в этом году в польском эмигрантском журнале «Kultura» (Париж). — Р е д.

ТРЕТИЙ ПУТЬ

За этим разочарованием, в свою очередь, скрывается разочарование в человеческом разуме, в прогрессе, в людях.

И, думается, что именно неверие в возможность создания «идеального строя» есть главная беда человечества, и даже более того — угроза его существованию, так как является главным деморализующим фактором, вынуждающим людей считать незыблемым существующий порядок вещей и мириться с тем, с чем мириться нельзя.

Но вера в рай на земле — это ли не миф, это ли не утопия?! — поспешат воскликнуть многие.

В том и состоит шарлатанство догматиков и утопистов, что понятие «идеального» строя они смешивают с понятием идеальной жизни.

Конечно, говоря серьезно, и «идеального» строя быть не может, к идеалам можно только приближаться; и я тут употребляю это понятие лишь для заострения мысли (и потому в кавычках). Под «идеальным» строем я в данном случае понимаю такой строй, который даст, наконец, людям возможность (и необходимость) начать реальное приближение к своим лучшим *идеалам*, даст возможность всем подняться с четверенек, из положения полузверя-получеловека.

«Какая же история человека, если доброта его недвижима?» — говорит один из героев В. Гроссмана в романе «Всё течет...»*.

И ведь надо признать, что герой Гроссмана прав. До сих пор, при всех существовавших и существующих режимах, доброта человеческая и нравственность, действительно, остаются недвижими или топчутся на месте. А сейчас, похоже, вновь вспять пошли, невзирая на все отчаянные усилия подвижников Добра и их призывы к нравственному самоусовершенствованию. Их при-

---

* Изд-во «Посев», Франкфурт-на-Майне. 1970 г. Стр. 204. — Ред.

звымы и проповеди говорят об одном, а жизнь учит совсем другому. Разница лишь в том, что при одном строе она учит своему сильнее, при другом — слабее. В одном случае ограничивается *потолок* среднего нравственного уровня общества, в другом — ограничивается лишь *падение* этого уровня до полного нуля. И ограничивается, если вдуматься, лишь необходимостью хоть как-то *физически* существовать, стеснением откровенно рвать горло друг другу, т. е. по не зависящим от данного строя обстоятельствам. Впрочем, в отдельные периоды даже это последнее стеснение исчезает...

Конкретнее, при буржуазно-демократическом строе средний нравственный уровень находится в динамическом равновесии, определяемом рядом противоположных процессов и тенденций. К повышающим относятся сами демократические свободы, в том числе (и особенно!) свобода объединения людей для коллективной реализации или защиты своих интересов. К понижающим же факторам — *агрессивная* конкуренция, обуславливаемая возможностью, а следовательно, и необходимостью накопления капитала (или расширенного воспроизводства) с вытекающей отсюда эксплуатацией, превращением человека в *средство* накопления, а деньги, капитал — в цель, господствующую над человеком. И, между прочим, увеличение числа накопителей (акционеров) в сущности лишь увеличивает число людей, непосредственно закабаленных гонкой накопления, агрессивной конкуренцией, самоэксплуатацией.

Ограничивает нравственный уровень также и *абсолютная* дисциплина, существующая внутри частных и государственных организаций, и усиливающая эту дисциплину материальная зависимость подчиненных от их начальников, работодателей (поскольку отсутствует у большинства людей собственность, способная дать им средства к существованию).

Наконец, ограничивает нравственный уровень человека и сознание бессилия, невозможности активно

ТРЕТИЙ ПУТЬ

влиять на ход своей жизни и жизни общества, т. е. положение пешки, от которой мало что зависит.

Ну, а о тоталитарном госкапиталистическом строе и говорить нечего. Тут вообще отсутствуют повышающие факторы и действуют одни лишь понижающие.

Так вот: «идеальный» строй и должен, очевидно, устранить наконец понижающие нравственный уровень факторы и приумножить повышающие. При этом «идеальный» строй не должен, конечно, нуждаться для своего нормального функционирования в *идеальных людях*. Он должен обладать встроенными, ненасильственными механизмами для защиты от человеческого несовершенства, должен быть саморегулирующимся строем. Далее, он должен, видимо, дать обществу в целом возможность перестать тратить большую часть сил на трансформации и революции, на внутренние проблемы, на классовую, сословную, национальную и прочую междоусобную борьбу, то есть открыть эпоху, действительно, бесклассового общества, движущими силами которого будет сотрудничество и солидарность людей в борьбе за улучшение условий человеческого существования в борьбе с силами природы (в том числе и за ее сохранение), в борьбе за улучшение собственной физической природы человека. Иначе говоря, этот строй должен позволить обществу тратить большую часть сил на внешнюю борьбу, на борьбу за продолжение рода человеческого (что и предназначено природой всем живым существам), то есть превратить человеческое общество из интровертированной «личности» в *экстровертированную**, одновременно (в этом диалектика) давая возмож-

---

* Если сравнить развитие общества с развитием индивидуума (а такое сравнение здесь правомочно), то мы увидим, что в низшем, детском периоде нормой является экстровертированный тип личности; затем наступает нормально интровертированный период, со зрелостью же вновь приходит экстровертированный. Без интровертированного периода формируются, как

ность отдельным индивидуумам внутренне нравственно развиваться и совершенствоваться.

Каждый строй одновременно является, очевидно, и путем к чему-то (даже госкапиталистический: путем к уничтожению жизни на земле). И поэтому, если применять понятие «строя-пути», то описанный нами по его *целям* строй-путь можно будет уже безо всяких кавычек назвать идеальным.

Дальше мы постараемся доказать, что человечество неизбежно создаст такой строй-путь и вступит на него, если только... до того не истребит самое себя. Или — или, а третьего здесь нам не дано.

**
*

Повторяем: был «тезис» — частная собственность на средства производства; был «антитезис» — государственная собственность на эти средства (как основа квазиидеального строя); возможен и синтез. Законы развития никому как будто еще опровергнуть не удалось.

2. «ТРАГЕДИЯ» СОЗНАНИЯ И ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПОТРЕБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Основное, что определяет природу человека и отличает ее от природы всех остальных живых существ, — это, очевидно, сознание (включая в это понятие все его уровни).

правило, примитивные, ущербные личности, но его фиксация также приводит к ущербу. И более того: ставит существование индивидуума под угрозу, понижая его жизнеспособность, жезнедеятельность и способность к адаптации.

Первобытное, доклассовое общество было экстровертированной «личностью», затем пришел интровертированный период, а сейчас уже совершенно ясно, что он опасно затягивается. — В. Б.

ТРЕТИЙ ПУТЬ

Сознание дает человеку власть над природой и возможность осознать ее величие и красоту, сознание же дает человеку, единственному из всех живых существ, ясное понимание своей смертности. И это сознание смертности, недолговечности, страх перед быстротекущим временем также имеет двоякое значение, оказывает двоякое влияние на природу человека и его действия.

Страх перед смертью и временем есть, в сущности, основополагающий стимул для творческой (в широком смысле), созидательной деятельности человека, для его доброты и любви к себе подобным.

Ибо, если мы начнем всматриваться в свое подсознание, мы не сможем не испытать острой жалости ко всему живому, обреченному на короткое и быстротечное существование, неумолимо уходящее, как песок в песочных часах, в тончайшей, неостановимой струйке которых заключен страшный и ясный образ жизни и смерти, *жизни как смерти*.

Но всякое сравнение хромает, и жизнь, в отличие от песочных часов, — не замкнутая система, и каждая «струйка» *жизни-смерти* влияет на окружающую жизнь, оставляет свой след (другое дело, какой след: еле уловимый или заметный, идущий на пользу или во вред окружающей жизни).

Но как бы там ни было, мы всё равно не можем не испытывать жалости ко всему обреченному на смерть живому (от цветка до резвящегося щенка), и уж тем более к человеку, который, как мы это по себе знаем, осознает всю красоту мира и сам представляет собой целый неповторимый мир. А испытывая эту тонкую, возвышенную жалость, мы не можем не испытывать острого стремления скрасить, сделать как можно более счастливой друг для друга быстротечную нашу жизнь. Из этой жалости и сопереживания и рождается всё лучшее в человеке: доброта и совесть (или чувство нашей ответственности) и так называемые абсолютные поня-

тия добра и зла (или нравственные принципы), нежность и любовь.

Доброта, желание помочь и вместе с тем желание оставить след в вещах и в памяти людей, — т. е. обрести бессмертие, — являются движущей силой, целью и смыслом творчества, созидания, жизни.

Такова, очевидно, материалистическая гипотеза внебожественного происхождения всего лучшего в человеке. «Бог есть боль страха смерти» (слова Кириллова из романа «Бесы» Достоевского).

Но в страхе смерти заключен и «дьявол», первоисточник всяческого зла, творимого людьми друг другу. Источник и хищного эгоизма (мне суждено умереть, так я хочу иметь всего как можно больше!), и малодушия, и садизма, ненависти, злобы и страха (я страдаю, мне страшно, пострадай и ты!), стимул для *злотворчества*. В каком-то романе мне запомнилась сцена, как умирающий купец в припадке бешенства от страха смерти велит рубить свой сад. И будь у него «атомная кнопка» под рукой, он, наверное, нажал бы и на нее: раз мне погибать, так пусть гибнет и весь мир!

Страх перед смертью, концом, небытием стоит за всеми другими человеческими страхами: за страхом перед импотенцией и старостью, утратой любви и утратой (или необретением) творческих потенций, т. е. сознанием, что ты сгинешь, не оставив следа. И отсюда же в нас страх перед всем, что символизирует собой для нас Конец, Небытие: страх перед темнотой, перед пространством и теснотой, черным и белым цветом, одиночеством...

И тяга к самой смерти, к бездне, наверное, отсюда же — от неосознаваемого желания разом избавиться от всех страхов, от неизбежного, затаянного умирания, от страха перед жизнью-смертью.

Борьба между богом и дьяволом сознания и есть, очевидно, главная пружина всех человеческих коллизий. Чем меньше защищен человек от страха смерти, тем больше этот страх овладевает им вместе со всеми своими «бесами». Но страх перед смертью много сильнее страха перед жизнью, и люди испокон веков, осознанно или подсознательно, ищут защиты от страха перед смертью.

Что же может защитить нас от него? Думается, полнота жизни, возможность удовлетворять наши основополагающие потребности, потребности бога сознания: *возможность быть добрым*, возможность помогать людям, близким и дальним, заботиться о них (и о себе, конечно, также), возможность любить и оставить добрый след, творить, созидать (и для этого познавать). Иначе говоря, быть нужным людям, быть не одному, а с людьми, ибо вместе легче бороться со страхами и легче «оставить добрый след».

Но чтобы быть добрым, повторяю, надо иметь *возможность* делать добрые дела, влиять на мир и на людей. Когда у нас нет такой возможности, мы черствеем, теряем способность к сочувствию, к сопереживанию (которая также отличает человека от животного), отчуждаемся от людей и остаемся один на один со страхом смерти, становимся его рабом. А ведь это самый страшный вид рабства.

Короче говоря, люди «приговорены» либо к тому, чтобы в конце концов создать себе такие условия, найти такой строй-путь, при котором они могли бы быть активно добрыми, либо «броситься в бездну», для чего у них уже есть реальные возможности и средства (и дальше будут еще больше). И бог и дьявол сознания не дадут людям бесконечно топтаться на месте. И альтернатива эта осознается всё большим числом людей, и, повторяем, средства реализации обоих решений сейчас уже имеются в их руках.

3. СВОБОДА И ВЛАСТЬ

Очевидно, чтобы иметь возможность быть активно добрым, иметь возможность для добротворчества, человек должен обладать свободой. Свободой мысли и ее реализации. Свободой от необходимости и свободой от злоеволия других людей. (Видимо, именно потому свободный человек ни о чем так мало не думает, как о смерти). Истина азбучная.

Но, к сожалению, не совсем так «азбучна» другая истина, а именно, что свобода немыслима без власти. Без власти над ходом своей жизни и общества, над бытием и материей. Как и власть немыслима без свободы. Свобода без власти возможна ведь только в полном одиночестве, в пустыне. В обществе же свобода без власти — это в лучшем случае полная анархия (то есть опять-таки невозможность делать что-нибудь путное и хорошее), а на деле — фикция.

Свобода и власть — неразлучная пара, две стороны одной и той же медали, название которой — возможность. Свободу и власть с еще большей необходимостью (чем строй и путь) надо объединять в одно понятие: власть-свобода.

Свобода не может быть пустой для человека, если он при этом обладает еще и властью, возможностью творить добро и защищать себя от страха смерти. Не может быть при такой ситуации у человека и страха перед настоящей свободой, свободой-властью. (Начальную неуверенность, сумеет ли он правильно воспользоваться ею, нельзя называть страхом в полном смысле этого слова, т. е. отношением и чувством к тому, что несет нам зло и гибель и от чего мы бы хотели быть подальше).

Иное дело, когда рабу говорит его хозяин: «Вот тебе твоя желанная свобода, иди на все четыре стороны, а власть (т. е. средства производства, иначе говоря, средства к существованию!) я оставляю себе». Такая «отри-

ТРЕТИЙ ПУТЬ

цательная», «пустая» свобода, конечно, покажется рабу страшной.

Дайте людям настоящую свободу, и они найдут, для чего ее применять. Проблемы, стоящие перед человечеством, велики и неизбежны. И настоящая свобода сама по себе неразрывно, диалектически связана с ответственностью. Она не только *дает*, но и очень много *требует*.

Свобода же без власти в лучшем случае — лишь свобода пассивной защиты от явного зла и крайнего угнетения, от крайнего и явного злоупотребления властью со стороны власти и собственности имущих. Она в лучшем случае дает возможность лишь сдерживать наступление зла, может быть, даже временно вынуждать его к отступлению. Но зло, как показывает опыт, перегруппировав свои силы, или сменив обличье, неизменно вновь переходит в наступление, находит слабые места, обходные пути, и свои поражения превращает в победы. Врага нельзя победить лишь с помощью обороны. И вся история человечества представляет собой, если взглядеться, картину медленного (а иногда и быстрого), но верного наступления зла, наносящего всё более тяжёлые и опустошительные удары, всё более деморализуя людей, сильнее подчиняя их страху перед будущим (точнее, перед отсутствием будущего) и в результате вербуя среди них всё новых и новых вассалов в свою армию. И сейчас, по мнению Норберта Винера («Кибернетика и общество»), зло подошло уже к последней черте, и человечеству отступать больше некуда.

Но, с другой стороны, власть противостоит свободе и душит ее по той «простой» причине, что до сих пор везде и всегда *власть сосредоточивается в руках меньшинства*. А в этом случае лишаются власти (над ходом жизни), а с нею и свободы (от необходимости) неизбежно все люди, в том числе и «власть имущее» меньшинство, и у всех людей остается лишь власть-свобода творить зло друг другу в итоге всех своих начинаний. Ибо

ничего хорошего нельзя добиться, руководя деморализованными; эгоистичными людьми, рабами страха или безответственными «пешками». Да и само «власть имущее» меньшинство, теряя реальную власть-свободу над ходом жизни (т. е. возможность творить добро) и, следовательно, теряя защиту от страха, нравственно (а значит, и умственно) вырождается. А там, где первые из людей не являются лучшими, — как говорит Заратустра у Ницше, — там всё делается криво, фальшиво, чудовищно!

Власть-свободой могут обладать все или никто. И вот в этом, пожалуй, действительно, состоит «великий вывод мудрости земной», ради которого сто́ит идти на бой, последний и решительный (но желательно — не кровавый, ибо «кровь — сок особенного свойства...»).

Но повторяем: до сих пор, увы, большинство людей полагало, что если есть власть, должно быть и подчинение, если есть начальники — должны быть подчиненные, а иначе — анархия!

Или: всё равно все сразу не могут управлять, командовать; и реальная власть всегда будет у меньшинства, у «специалистов» власти. «Сам собою народ управлять всё равно никогда не будет» (А. Солженицын, «Август Четырнадцатого», стр. 536).

Или наконец: далеко не каждый захочет лезть в начальники, даже если будет иметь возможность.

На первые пункты ответ будет дан нами при разборе механизма и структуры идеального строя-пути; что же касается последнего, то необходимо сказать следующее: да, не каждый человек в каждый данный момент будет иметь желание (и необходимость) пользоваться властью, но сама *возможность* имеет огромное самостоятельное, психологическое значение. Уж от *возможности*-то не откажется ни один человек. Сегодня он не имеет желаний и необходимости воспользоваться властью, а завтра может и захотеть, и если не он, то его дети. Каждый человек должен иметь на это право,

ТРЕТИЙ ПУТЬ

каждый человек должен иметь право лорда. Ведь обладание возможностями и дает ощущение свободы, да это и есть свобода.

Чтобы понять великую успокаивающую и защищающую роль возможности, надо только представить себе, что ты ее имел и вдруг потерял, что у тебя ее отняли. Об этом в шутку хорошо сказано в одной из пьес, кажется, Шона О'Кейси.

— Почему ты не хочешь жениться на мне? — спрашивает англичанка американца.

— Женившись на иностранке, я потеряю право стать президентом США, — отвечает ее возлюбленный.

— Но разве ты хочешь быть президентом?!

— Нет, конечно. Но права терять я не хочу!

Итак: «...у человека... нет другого исхода, кроме свободы» (В. Гроссман, «Всё течет...», стр. 198). Кроме свободы-власти, — добавим мы.

«Мы еще не выполнили свой долг перед птичницей, — пишет Г. Померанц. — Но по крайней мере известно, как это сделать. А как быть с младшим научным сотрудником Акакием Акакиевичем, пожизненно осужденным готовить бумаги Значительному лицу? Этого никто не знает, и мы в потемках ищем ответа, одновременно с Европой и Америкой, которые по крайней мере о птичнице могут не думать»*.

И до тех пор, пока не найдем, — опять же добавим мы, — смута и беспокойство не только не переведутся в мире, но и будут нарастать, ибо мы переживаем сейчас не только демографический «взрыв» населения, но и «младших научных сотрудников». А мы уже говорили (и Г. Померанц об этом говорит в той же работе), что участь Акакия Акакиевича куда тяжелее, чем птичницы. Но в то же время он никогда не приобретет настоящей свободы, свободы-власти, пока ее не будет и у птични-

---

* Г. Померанц. Неопубликованное. Изд-во «Посев», Франкфурт-на-Майне. 1972. Стр. 133. — Ред.

цы. Прибавить птичнице «корму», национализировать и облегчить ее труд — это еще не значит выполнить перед нею наш долг. Птичница ведь тоже человек, существо, обладающее сознанием. И до тех пор, пока она также не станет Значительным Лицом, у нас и яиц не будет в достатке (или денег на них), и не оставит нас страх, что в один прекрасный день, обезумев от бессмысленной и бесправной жизни, птичники не бросятся под штандартами какого-нибудь новоявленного фюрера сворачивать головы людям (в том числе и младшим научным сотрудникам!).

В прошлом эта перспектива не была столь реальна, так как птичницы и птичники рождались таковыми. (Рабы рождались рабами.) И свобода (даже «отрицательная») не стояла за воротами их «птичников». Детей рабов не учили в школе, что они свободны и равны, что они «хозяева жизни и государства», а правители — их слуги (хотя эти «слуги» ездят в черных машинах, орут на своих «хозяев» и чуть что — отправляют их за решётку или на тот свет). И то появлялись Разины и Пугачевы!

4. СВОБОДА И САМОУПРАВЛЕНИЕ

Да, читатели, наверное, уже поняли, какой строй-путь мы имеем в виду и считаем идеальным для людей. Это, конечно, самоуправление, основанное на групповой собственности на средства производства.

Олдос Хаксли в работе «Наука, мир, свобода» (которую я читал в «Самиздате» в СССР) справедливо утверждает, что всё зло в мире происходит от того, что большинство людей при всех существующих режимах всё больше лишается собственности на средства производства (с ростом монополизации при современном государственном монополистическом капитализме, и уж тем более при чистом госкапитализме). Люди же, лишённые собственности, которая может давать им сред-

ТРЕТИЙ ПУТЬ

ства к существованию, попадают в *абсолютную* зависимость от работодателей и начальства, и свобода их становится иллюзорной. Человек в бóльшей или меньшей степени, в скрытой или явной форме остается (или становится) рабом, пешкой, никем (то есть рабом страха!).

Помню, я читал в каком-то западном романе, как один клерк вдруг получил наследство. Что же он в первую очередь сделал? Он снял свои черные налокотники, прошел без доклада в кабинет своего Значительного Лица (шефа) и выложил ему всё, что он о нем думает! То есть, получив средства к существованию, он впервые смог по-настоящему воспользоваться одним из самых главных прав свободы и человека, правом высказывать свое мнение кому угодно.

Итак, свобода, власть и собственность (дающая средство к существованию). Но главным в этом триединстве остается власть. Без нее не удержать ни свободы, ни собственности.

И при всех массовых революциях, от Великой Французской до Венгерской и Чешской (в наше время), подневольные «массы» боролись не столько за свержение всяческих «измов», как учит советская история (по анекдоту: рабы древнего Рима несут плакат «Да здравствует феодализм, светлое будущее всего человечества!»), сколько первым делом, сами, может быть, часто того не осознавая, пытались установить в том или ином виде самоуправление, будь то секции, коммуна, советы депутатов или рабочие советы. Иными словами: «Свободу, равенство и братство», или точнее: чтобы тот, кто был никем, мог стать бы всем.

Подневольным людям деваться больше некуда, у них нет другого исхода, другого пути, кроме самоуправления, ибо только с его помощью каждый из них может обрести право решающего голоса во всех касающихся его делах, то есть власть-свободу, и перестать быть никем, пешкой, рабом.

Но «массы» неизбежно терпели поражение, ибо самоуправляющийся строй-путь — не простая вещь. Тут необходима коренная перестройка всех механизмов государства и экономики (форм собственности). Необходимо их строгое соответствие друг другу. Ну и, конечно, достаточно высокое развитие производительных сил и связанное с этим широкое и достаточно высокое развитие образования и культуры. Все эти предпосылки, как мы уже отмечали, созрели или созревают только сейчас (в развитых странах), а вместе с ними — и глубокая жизненная заинтересованность в самоуправлении большинства людей. Интеллектуальной пешкой, повторяем, быть много труднее и обиднее, чем «физической».

«Борьба начата за свободу и против бюрократических организаций, лишаящих человека ответственности, против тех ученых или технических руководителей, которые овладели знаниями, чтобы увеличить свою власть... против псевдоморалистов, мирящихся с несправедливостью капитала, с насилием государства, против профессионалов от политики», — говорится в манифесте молодых французских католиков («Новый мир», № 10, 1972 г. «Утраченные иллюзии и обретенные надежды»). Не случайно, между прочим, лозунги и манифесты «новых левых» находятся под запретом в СССР! В условиях госкапитализма они звучат уже совершенно убийственно.

Но было бы большой ошибкой рассматривать движение всех «новых левых» как бунт неспециалистов (не говоря уж о формулах, вроде «подстрекательства» или «с жиру бесятся»).

Выдающийся американский ученый Д. Шапиро, ведущий автор величайшего открытия — синтеза гена, вскоре после окончания этой работы, отмеченной Нобелевской премией, публично заявил о своем «выходе» из науки для того, чтобы целиком посвятить себя общественной и политической деятельности. Причины:

1) Научные достижения, — заявил Д. Шапиро, — в области, в которой он работает, могут быть в недалеком будущем обращены во вред человечеству.

2) Он не согласен с таким положением, когда простые люди практически лишены права участвовать в решении дел, относящихся к работе ученых и к практическому использованию их идей и исследований. (Сегодня это практически означает: участвовать в управлении государством. — В. Б.).

3) Шапиро пришел к убеждению, что наиболее острые проблемы современной Америки (война, расовая политика, бедность, болезни, загрязнение окружающей среды) нуждаются в первую очередь в решениях политических, а не научных («Сайенс»).

Такое высказывание, между прочим, было бы невозможно тридцать лет назад, когда наука и техника еще реально не угрожали людям и когда «простые» люди еще не были так образованы, как теперь, то есть так способны «участвовать в решении дел» науки и государства. (В 1940 г. в США в вузы поступало 18% из каждой тысячи человек восемнадцати-двадцатипятилетнего возраста, а в 1970 г. — 50%! Из них 30% — из рабочих семей. И по данным ЮНЕСКО, число студентов в развитых странах удваивается каждые пять лет!).

Таким людям, как Д. Шапиро, надо было бы только понимать, что борьба за кардинальное решение проблем Запада будет крайне затруднена до тех пор, пока будут продолжать существовать режимы госкапитализма и госфеодализма на Востоке. Ибо до тех пор будет существовать и угроза войны (локальной и тотальной), и необходимость гонки вооружений со всеми вытекающими последствиями (военно-промышленный комплекс и т. д.), и угроза односторонней «конвергенции» с тоталитаризмом, не говоря уж об индуктивном влиянии госкапитализма на слаборазвитые страны.

**
*

Кроме всего сказанного выше, в самоуправлении есть и еще одна великая притягательная сила и чрезвычайно важное свойство. Ведь самоуправление означает и свободное самостоятельное объединение людей для реализации своих интересов.

В свободном самоуправляющемся объединении нравственные принципы и правила человеческого общежития и сосуществования становятся необходимы и выгодны людям. Когда же люди теряют возможность сообща добиваться своих целей, они вынуждены добиваться их поодиночке, и нравственные правила начинают им только мешать. «Чувство локтя становится искусством ловко спрятанного когтя» (С. Кирсанов, «Семь дней недели»), человек снова начинает превращаться в обезьяну.

Профессор Принстонского университета по социальным исследованиям Фримен Дайсон пишет: Я пришел к выводу, что человеческие существа предпочитают действовать в довольно мелких группировках. Почти всем нам известно счастье, которое доставляют общие усилия. Все мы испытываем потребность чувствовать себя отождествленными с группой предпочтительно не слишком большой, имеющей общую цель. И далее: Наша молодежь деморализована по той причине, что она больше не вовлекается в общественную деятельность.

Очевидно, Ф. Дайсон говорит именно о свободных самоуправляющихся объединениях, не слишком больших, чтобы доля участия в общих усилиях и ответственности не была бы исчезающе малой, неощутимой.

Конечно, особенно способствуют «счастью общих усилий» и нравственному росту свободные объединения для достижения сверхличных целей.

По-видимому, только сочетание свободного самоуправления и нравственного самосовершенствования

ТРЕТИЙ ПУТЬ

могут дать желаемый результат. В противном же случае призывы и проповеди говорят об одном, а жизнь требует совсем другого.

Для людей, лишенных логической фантазии, для эмпириков хочется подчеркнуть, что между свободным самоуправляющимся коллективом, полностью отвечающим за свои действия, и казарменным — качественная пропасть. В свободных и ответственных коллективах люди изменяются к лучшему необычайно быстро. Становятся добросовестнее, терпимее, дружественнее, открывают в себе таланты, избавляются от комплексов и т. д. Для них, повторяю, это становится необходимо и выгодно, необходимо для преуспевания в соревновательной конкуренции с другими коллективами.

И только в таких коллективах «первыми людьми» становятся, действительно, лучшие, умнейшие, потому что люди быстро начинают понимать, что для них выгодно следовать советам умнейших. Раз, другой не последуют, обожгутся и впредь станут умнее. Каждая общая ошибка быстро и заметно скажется на всех и на каждом так же, как и успех. И лучшие не будут поэтому вырождаться, так как будут, действительно, ответственны, не обладая в то же время абсолютной властью над незащитными, зависящими от них подчиненными. И сами также не будут пешками в руках высшего начальства.

Путем голосования, разумеется, не всегда можно сразу выявить как истину, так и лучшего руководителя. Но такой способ неизмеримо лучше, чем когда право на утверждение истины или выдвижение людей принадлежит безответственному начальнику или клике руководителей, подверженных неизбежному моральному и умственному вырождению.

К тому же мы исходим здесь из твердого и научно обоснованного убеждения, что большинство людей потенциально достаточно умны, чтобы оценить умнейших. Лишь в казарменных коллективах большинство пред-

ставляется глупцами, ибо умным там приходится держать язык за зубами.

Помню, как поражался один мой знакомый писатель в 1956 году во время оттепели, когда казарменный дух на время ослаб. «Сидишь на собрании, — говорил он, — и удивляешься, сколько, оказывается, у нас есть умных людей и куда подевались дураки!»

Или Герцен в своей книге «Былое и думы» с удивлением отмечает, что в самоуправляющихся швейцарских кантонах (в XIX веке!) простые пастухи проявляли куда бóльший интерес, знание и понимание государственных и местных проблем, чем большинство интеллигентов в других странах.

И тот общественный строй, который дает большую свободу для свободного объединения и самоуправления, является, очевидно, более прогрессивным. Это, видимо, наиболее точный критерий прогрессивности. По этому критерию госкапитализм есть самый регрессивный строй в истории человечества, ибо он предельно лишает людей возможности свободного объединения и самоуправления, обрекая тем самым все слои общества на нравственное и умственное вырождение. И это вырождение заходит дальше всего в тех слоях общества, которые наиболее разъединены (к таким слоям, как отмечалось раньше, принадлежат чиновники, гуманитарные интеллигенты и «шестой слой»).

Самоуправление это одновременно и цель и средство, фундамент, «базис», на котором необходимо, очевидно, строить всё здание общества, если мы хотим создать в нем для себя условия человеческого существования. И если что-либо не получается, надо перестраивать здание, а не фундамент, добиваясь бóльшего соответствия «надстройки» и «базиса». И повторю: в век кибернетики, которая, конечно, не усложняет, а упрощает управление государством и экономикой, и в век «демографического взрыва» числа работников умственного труда, которые больше всех заинтересованы

ТРЕТИЙ ПУТЬ

в самоуправлении в больше всех способны к нему, такая перестройка и подстройка вполне осуществимы.

Нельзя только останавливаться на полпути и создавать кентавров вроде соединения политической демократии (парламентского многопартийного типа) с централизованной государственной экономикой, как в Чили (где у людей нет ни заинтересованности в добросовестной работе, ни дисциплины). Или, наоборот, как в Югославии, где тоталитарная государственная власть соединяется с самоуправлением в промышленности. В этом случае коллективы попадают, очевидно, в положение отдельных людей в тоталитарном обществе. То есть, не имея возможности, объединяясь, добиваться своих интересов и влиять на решение государственной власти, они вынуждаются приспособляться к безответственной власти, используя или обходя ее решения, что в конце концов превращает самоуправление в фикцию или в *самоуправство*.

5. СООТВЕТСТВИЕ «НАДСТРОЙКИ» И «БАЗИСА»

Итак, самоуправление, чтобы оно не шло во вред обществу и могло раскрыть все свои лучшие качества, требует, очевидно, ряда «механизмов соответствия»:

а) коллективной, групповой собственности на средства производства и продукты труда (как основной формы собственности) как гарантии экономической независимости людей от государственной власти или работодателей; и одновременно как защиты общества от ошибок или злоупотреблений отдельных коллективов (за которые никто не должен расплачиваться, кроме них самих); ну и, конечно, как решающего условия полнейшей заинтересованности всех людей в добросовестном труде;

б) свободного рынка товаров, сырья, средств производства и услуг как единственно мыслимого способа

оценки качества в эффективности труда, зависимости производства от потребления как выражения демократии в экономической жизни;

в) пресечения *агрессивной* конкуренции, которая есть главное зло (и главный признак, суть) капитализма, и, в сущности, глубоко безнравственное явление, водворяющее в жизни общества законы джунглей.

Советские марксисты, как и скрытые и явные апологеты капитализма (которых справедливо называли «псевдоморалистами» молодые католики Франции), не хотят признать, что возможны два вида конкуренции — агрессивная и соревновательная. Они ставят людей перед альтернативой: либо конкуренция, либо социальное соревнование (то есть соревнование в том, кто лучше обманет государство, больше погубит средств сырья и оборудования, а затем и людей). Но и тут есть третий путь.

Агрессивная конкуренция возникает тогда, когда становится возможным частное или акционерное (кооперативное, коллективное) расширенное воспроизводство (то есть накопление капитала и эксплуатация — удержание в своих частных или коллективных руках прибавочной стоимости для дальнейшего непрерывного экстенсивного расширения и накопления капитала). И коллективы, точно так же, как частники (если не устранить агрессивной конкуренции), вынуждены будут заняться самоэксплуатацией — урезать свое личное потребление, копить деньги, чтобы потом расширять свое дело за счет новых «моцностей» и новых рабочих. И уже тогда с этих новых рабочих (из новых цехов-филиалов) «стричь прибавочную» себе, в свой коллективный карман. А точнее — большую часть вновь откладывать, копить для нового расширения. Ибо кто не будет расширяться, того разорят, съедят, присоединят другие коллективы. И уже, конечно, в качестве эксплуатируемых. Расширяться, не эксплуатируя новых рабочих, не удерживая с них прибавочную

ТРЕТИЙ ПУТЬ

стоимость, всё равно что своими руками за счет своих средств создавать себе конкурентов. Никто добровольно не пойдет на такой идеализм.

Короче, начнется сказка про белого бычка. Накопление ради накопления; деньги — товар — деньги, человек — средство накопления, преобладание (резкое) предложения над спросом, истребление природы, анархия, перепроизводство, кризисы, монополизация, глушение конкуренции и «спасительное» вмешательство государства, то есть приехали, сделав «штрафной» круг, назад, к точке, на которой находятся сейчас развитые капиталистические страны (то есть опять к засилью «бюрократических организаций, лишаящих людей ответственности»).

Но запретить расширенное воспроизводство коллективным собственникам, разумеется, нельзя. На запрещениях, насилии идеального строя-пути не создать. Там, где какая-нибудь система нуждается в запрещениях, во внеэкономических рычагах регулирования, там, очевидно, выходит на поверхность ее глубинная неестественность, в лучшем случае — непродуманность, разрыв в цепи соответствия.

Необходимо, очевидно, сделать так, чтобы расширенное воспроизводство было бы совершенно *невыгодным* для коллективов. И для этого есть только одно средство: расширенным воспроизводством должно заниматься государство, и при том *безвозмездно*. Иначе говоря, построенные новые предприятия *бесплатно* передавать новым, образуемым с помощью государства, коллективам. Финансировать это воспроизводство государство сможет за счет процентного, дифференцированного (по отраслям) налога с прибыли коллективов, то есть за счет национализации и централизации прибавочной стоимости отдельных коллективов. Старшее поколение будет как бы вкладчину, совместно обеспечивать делом младшее поколение граждан и работников, сокращаемых с предприятий по мере развития тех-

ники. Сокращаемых, разумеется, с выдачей пая (минус амортизационный процент) и по единому и справедливому принципу (если надо, предоставляя возможность для поднятия квалификации или переквалификации).

Государственное воспроизводство сможет, разумеется, проводиться, исходя из анализа рынка, согласно воле большинства коллективов, которые в этом случае будут выступать в качестве потребителей, то есть в интересах всего общества и согласно перспективному плану развития, утвержденному представителями всех коллективов.

Для строительства новых предприятий государство сможет привлекать коллективные строительные фирмы и проектные институты, которые будут нести материальную ответственность перед государством и будущими хозяевами за качество строительства. Представители вновь организуемых коллективов должны будут, конечно, участвовать в разработке проектных заданий. В помощь им наверняка возникнут самостоятельные консультативные фирмы.

Расширенное воспроизводство в руках государства будет рычагом пресечения анархии, перепроизводства и влияния на цены, а также средством сохранения природы. Будет пресечена частная инициатива инвестиций? И прекрасно, ибо кибернетика (и план) тут лучше, чем частная интуиция.

Имея возможность пойти «работать хозяином» и бесплатно приобрести «дело», никто, разумеется, не захочет идти в эксплуатацию к уже существующим коллективам, если бы они захотели самостоятельно расширяться. Такое расширение сделается практически невозможным, бессмысленным. Конкуренция между коллективами будет носить лишь *соревновательный* характер, за счет *интенсивного* развития предприятий: улучшения качества, ассортимента, снижения себестоимости и цен. А интенсивное развитие всегда и везде (будь то развитие предприятия или страны) эффектив-

нее экстенсивного. Ну, и степень заинтересованности *всех* членов трудового коллектива при групповой собственности и самоуправлении будет выше, чем при всех других экономических формациях.

Целью производства (при бессмысленности накопления и расширенного воспроизводства) станет увеличение личного благосостояния членов коллектива. Формулой производства будет наконец товар-деньги-товар. Человек перестанет быть средством (накопления), а деньги — целью. Тенденция к повышению цен и к инфляции сменится тенденцией к понижению.

За государством должны сохраниться, конечно, те отрасли производства, которые не производят *качественно отличных рыночных* товаров и где централизация важнее конкуренции, то есть такие, как энергетика, связь, транспорт, наука, образование, медицина, и, возможно, юридическое обслуживание. В последних двух областях возможна двойная оплата труда: государственный минимум и доплата клиентов (или их больничных касс по твердым тарифам, но уже прямо в руки пользующихся специалистами с отчислением процентов в кассу всего коллектива и администрации, чтобы им выгодно было привлекать хороших доходных специалистов).

Вероятно, государство должно будет создавать и оставлять себе некоторые принципиально новые, экспериментальные производства до времени, когда будет доказана их нужность. Государство будет способно пойти на такой риск, так как будет достаточно богатым, освободившись от необходимости постоянно изыскивать средства для затыкания брешей в национальной экономике.

Земля и недра ее, вероятно, также должны оставаться за государством, а крестьяне (или их кооперативы) и коллективы старателей будут в этом случае арендаторами. Производительность труда арендаторов, как известно, весьма высока, невозможна будет и спекуля-

ция и скупка земли, да и легче будет производить крупное землеустройство. Но возможны здесь, наверное, и смешанные формы: часть земли — за государством, часть — в частной или коллективной собственности.

В торговле, обслуживании, кустарной и мелкой легкой промышленности возможна и полезна, разумеется, частная и кооперативная инициатива (в конкуренции с коллективными предприятиями).

Дисциплинарная централизация как метод руководства народным хозяйством должна быть, очевидно, заменена координационной или доверительной централизацией. На основе изучения рынка государство будет давать советы коллективным предприятиям относительно желаемого ассортимента и объема их производства. И у коллективов будут все основания доверять советам государства, так как благосостояние государственного бюджета будет зависеть от благосостояния коллективов: чем выше будут доходы коллективов, тем полнее будут проценты подоходного налога, взимаемого государством.

Кроме расширенного воспроизводства и дифференциации по отраслям подоходного налога в качестве экономических рычагов, у государства будет также возможность размещать заказы среди коллективных предприятий с последующей продажей соответствующих товаров по государственным ценам. «Рычагов» будет более чем достаточно.

И тут возникает новое условие соответствия — государство должно быть объективным посредником, судьей и одновременно исполнителем воли большинства коллективов. Иначе говоря, государство должно быть, очевидно, советом представителей коллективов, ответственных только перед своими коллективами.

Следовательно, выборы в контрольно-законодательные органы государства должны производиться по производственному принципу (в сельских местностях — по территориальному; подразумевается, естественно,

представительство не только производственных коллективов, но и всех остальных: научных, конструкторских, гуманитарных, студенческих, профсоюзных, торгово-обслуживающих и частно-кооперативного сектора).

Руководство требует огромной энергии и свежести. Поэтому должен быть, очевидно, ликвидирован и институт профессиональных «представителей»-руководителей, ибо постоянных представителей можно называть таковыми только в кавычках (со временем они неизбежно теряют понимание интересов своих избирателей, начинают штамповать свой подход к решениям, начинают подстраиваться друг к другу, особенно низшие к высшим, теряют собственное лицо, приобретают кастовые интересы, становятся над обществом и над избравшими их коллективами, и никакая «ленинская зарплата», равная зарплате рабочего, от этого процесса не спасает, из лучших они неизбежно превращаются в худших).

Наши потомки наверняка будут удивляться нашей упрямой глупости в этом вопросе. ореол незаменимости профессиональных руководителей и политиков — один из самых вреднейших мифов, особенно в наше время, при бурном росте числа высокообразованных людей и развитии технических, кибернетических средств руководства. Кроме всего прочего, профессионализм руководства отпугивает от него самых достойных, творчески одаренных и интеллигентных людей. Важно еще учесть, что в обществе самоуправляющихся коллективов способности и навыки к руководству будут воспитываться у очень большого числа людей, что называется, «с пеленок», то есть с работы в «родных» коллективах. Наконец, ликвидация гигантского национализированного промышленного организма и дисциплинарной централизации, а также и гигантомании в строительстве предприятий во много раз облегчит и упростит функцию управления.

Разумеется, на самые высокие посты *исполнительной* власти (членов правительства, руководителей министерств) необходимо будет выдвигать кандидатов из числа работников региональных исполнительных органов самоуправления. То есть выборы на такие должности должны быть двухэтапными: по окончании срока полномочий низших руководящих кадров они будут перед уходом выдвигать из своей среды наиболее хорошо проявивших себя руководителей на высшие должности. Таким образом, эти выдвинутые люди будут находиться у власти два срока: один на низшем уровне, другой — на высшем.

Преемственность опыта и традиций можно будет сохранить за счет поэтапного обновления руководящих кадров, а также за счет кадров технических работников и экспертов-специалистов, которые, однако, тоже должны обновляться, но в более растянутые, удвоенные сроки.

В заключение этого пункта хочется подчеркнуть, что институт профессиональных государственных руководителей особенно недопустим в бесклассовом государстве, где нет мощных, концентрированных сил, с которыми госруководству и аппарату пришлось бы считаться.

Государственный аппарат самоуправляющихся коллективов скорее всего будет (или станет со временем) *беспартийным*. Свободный коллектив вряд ли допустит, чтобы его представитель защищал чьи-либо еще интересы, кроме интересов избравшего его коллектива. И устранение партий от госвласти (никто запрещать их, разумеется, не предлагает) произойдет автоматически, если никому нельзя будет избираться на какой-либо руководящий пост дважды и после окончания срока полномочий нужно будет возвращаться в свой коллектив (к своей основной специальности) с правом избираться вновь лишь после определенного срока.

Пора нам уже осознать, что партии вообще отжи-

ТРЕТИЙ ПУТЬ

вают свое время. Они несовместимы с последовательной демократией, так как почти непроницаемы в своей внутренней жизни для воли избирателей (особенно, когда приходят к власти). Они имеют свою дисциплину и интересы профессиональных руководителей и мешают своим собственным членам свободно и быстро менять свое мнение и взгляды. Партии становятся всё более неприемлемыми с ростом числа образованных людей, стремящихся, естественно, к свободе инициативы, мысли и действий. Даже Энгельс писал в конце своей жизни (в письме к Бебелю) о необходимости ослабить внутрипартийную дисциплину ввиду «притока в партию большого числа образованных элементов». «Быть зависимым, даже от рабочей партии, — тяжкий жребий». И там же писал, что они с Марксом никогда бы не согласились работать в партийной прессе, что представляет собой «неблагодарный пост для каждого, кто обладает инициативой» (том 38, стр. 441).

И там, где будет покончено с классами, классовой и национальной борьбой (равно и с темнотой масс), с «изобретением» новых социальных систем, отпадет необходимость и в партиях.

Разумеется, отпадет при самоуправлении и групповой собственности и необходимость в профессиональных союзах (исключая лиц свободных профессий, служащих государства и рабочих частного сектора), которые начинают сейчас играть весьма сомнительную роль в жизни общества, благодаря укрупнению и бюрократизации руководства.

В самоуправляющемся обществе должен быть изменен порядок формирования армии и органов охраны порядка. Регулярная армия (за исключением пограничных войск, пока в них будет нужда, и технических) должна быть, очевидно, заменена отрядами народной гвардии или ополчения. Опыт тут имеется уже большой. Отряды эти должны будут формироваться из людей соответствующих возрастов на добровольной осно-

ве и по производственному принципу (в сельских местностях — по территориальному). Их оружие должно будет, конечно, храниться в специальных арсеналах, а нити руководства отрядами сходиться в центральном штабе, непосредственно подчиненном парламенту — совету представителей коллективов. Командные должности должны быть также выборными (в мирное время). В определенные сроки отряды такой гвардии могут собираться на кратковременные сборы для приобретения, поддержания и совершенствования необходимых военных навыков.

Такой принцип формирования армии будет иметь главным образом психологический эффект: даст людям дополнительную уверенность в нерушимости их прав и будет хорошей гарантией от всяческих авантюр.

В то же время органы охраны порядка — полиция или милиция — должны будут формироваться по принципу нынешних регулярных армий, то есть путем срочного призыва. Профессиональная полиция (милиция) несовместима с последовательным демократизмом. Она неизбежно отчуждается от народа. Да и вообще нет ничего более бессмысленного и пагубного для нравственности, чем профессия надсмотрщика над людьми!

Принцип «сегодня я надсматриваю, а завтра — ты» (как соответствующий порядок в руководстве) будет чрезвычайно благотворно сказываться на быстром развитии сознательной дисциплины и уважения к законам.

Исчезнет традиционная вражда между народом и полицией (особенно, конечно, сильная, доходящая до ненависти в тоталитарных странах).

Принцип «вооруженного народа» был, как известно, взят как священный принцип на вооружение марксизма. И сами же марксисты в первую очередь отказались от этого принципа, на практике превратив армию и органы надзора, в предельно непроницаемые для общественного мнения, над обществом стоящие форми-

ТРЕТИЙ ПУТЬ

рования. И иначе быть не может в условиях госкапитализма, который, как никакой другой строй, нуждается в свирепом подавлении народа. Чтобы ублажать Молоха тяжелой индустрии, раковой опухолью растущей на теле общества, чтобы затыкать бесчисленные бреши в экономике (прежде всего в группе «А»), необходима такая эксплуатация людей, которая немыслима без наличия беспрекословной армии и полиции.

**
*

Последним по порядку, но не по важности, является Институт Решающего Голоса. Мы рассматриваем этот пункт в конце, так как вначале, до рассмотрения других принципов и устоев самоуправления, он мог бы показаться утопичным.

В самоуправляющемся обществе каждый гражданин по достижении определенного возраста должен получать право решающего голоса в делах всех объединений, членом которых он состоит: района, города, области, государства. (В делах своего трудового коллектива он, естественно, должен будет обладать решающим голосом с момента вхождения в этот коллектив или после некоторого проверочного стажа работы). Этот решающий голос должен давать ему право на все те действия, которые могут производить в демократических странах члены парламента: право на устное или письменное выступление в соответствующих органах власти или их официальных печатных органах, право на постановку вопроса для обсуждения и принятия какого-либо предлагаемого им решения, на интерпеляцию, на требование создания различных комиссий и наконец на проведение общенародного (или регионального) референдума.

Для реализации этих прав (и против злоупотреблений) необходимо будет, разумеется, разработать определенную процедуру. Например, предложение (или

требование) будет считаться обязательным к рассмотрению, если оно будет предварительно одобрено одной третью голосов (минимум) в низовом коллективе. А для «вхождения» в самые высшие уровни власти — дополнительно одной третью голосов промежуточного органа власти (скажем, городского совета) или третью — коллективов города. Для принятия же решения, естественно, будет требоваться большинство голосов того уровня и подразделения власти, к компетенции которого будет относиться поданное предложение.

Одна треть как проходной процент для принятия к обсуждению предлагается ввиду того известного предположения, что новые идеи часто не сразу признаются большинством людей (особенно в низовом коллективе — в своем отечестве пророка нет).

Таким образом, высшим парламентом самоуправляющегося общества должно быть сообщество, форум всех граждан государства.

Конечно, в налаженном самоуправляющемся государстве, совете представителей коллективов необходимость такого вторжения в работу государства рядовых граждан будет не частой. Но здесь опять же чрезвычайно важны *возможность* и *право* на такое вторжение, что вместе с другими правами, возможностями и установлениями будет создавать психологическую атмосферу уверенности людей в реальности своей свободы-власти, атмосферу сопричастности, ответственности и неотчужденности от хода жизни общества.

Для оперативного осуществления права решающего голоса и всех других демократических процедур обсуждения и решения различных вопросов уже современная техника связи и подсчета дает достаточные возможности. Легко представить себе, например, что в каждом коллективе (или в его достаточно большом подразделении) можно будет установить стационарное и всегда готовое к действию оборудование селекторной связи с другими коллективами и со всеми инстанциями власти

ТРЕТИЙ ПУТЬ

(как контрольно-законодательной, так и исполнительной): телетайпы, телеустановки и т. д. И при них — машины для голосования и подсчета голосов, связанные в одну сеть с региональными и центральной станцией подсчета голосов.

Такая система связи и подсчета сделает легким и оперативным любое обсуждение. Отпадет необходимость в созыве специальных совещаний с *отрывом* людей от дела на значительное время и с переездом в места сбора. Большинство обсуждений и голосований можно будет проводить, таким образом, заочно, на расстоянии. Участники смогут оставаться на своих местах.

**
*

Право решающего голоса за каждым членом общества во всех касающихся его делах и во всех организациях, членом которых он состоит (трудовой коллектив, союз, район, город, страна), необходимо рассматривать и как правовую формулу (суть) самоуправления и как неотъемлемое основополагающее право истинно свободного человека.

Все остальные ныне декларируемые права человека являются частными производными (или составляющими) этого основополагающего права, без существования которого они не могут быть гарантированы и по настоящему действительны.

В свою очередь и описанная выше приблизительная модель самоуправляющегося общества является логическим следствием права решающего голоса и одновременно суммой средств для его реализации.

И верится, что настанет время, когда люди осознают органичность, законность и неотъемлемость этого своего права. Осознают его и как свое главное право и как главный признак истинной демократии, при которой смысл этого слова: народовластие — сольется наконец с его реальным содержанием. Вся история демо-

кратии есть история приближения реального значения этого понятия к семантическому.

Верится, что право решающего голоса будет стоять во главе Декларации прав человека. И не будет преувеличением предположить, что именно с того момента человечество начнет исчислять свою новую эру — эру истинной свободы и гуманизма.

Разумеется, и после этого не сразу полностью исчезнет разница между семантическим и реальным значением слова «демократия», но путь для приближения первого ко второму будет наконец расчищен.

**
*

В заключение этого обзора — ряд частных.

1. О бесчеловечности и безнравственности абсолютной дисциплины.

Мало того, что голова дана человеку не только, чтобы прикладывать к ней руку: «Слушаюсь, будет сделано!» Нынешняя абсолютная и иерархическая дисциплина является, как мы уже отмечали, совершенно нетерпимой и с нравственной точки зрения. Если мы ясно еще не осознаем этого, то всё по той же причине, что не верим в возможность такого порядка, при котором абсолютная дисциплина станет ненужной.

Но если вдуматься: что может быть отвратительнее и безнравственнее, чем когда один человек (да еще в течение всей жизни) бесконтрольно распоряжается судьбой другого человека, да подчас еще и судьбой его семьи, его детей. Когда он может безнаказанно оскорблять, унижать, травить, понижать, выживать своих подчиненных; может (и часто вынужден) не считаться с их самыми человеческими просьбами и желаниями, с их положением и с их мнением.

И в то же время этот же человек вынужден сам бегать «на полусогнутых» перед своим начальством.

ТРЕТИЙ ПУТЬ

Что может представлять собой нравственный облик такого человека!

И так же тут всё изменится, когда, руководя своими товарищами и коллегами, человек будет знать, что завтра он окажется в их положении. Как быстро тут научатся люди, с одной стороны, не упиваться, не злоупотреблять властью, а с другой — добросовестно выполнять поручения и приказы, которые к тому же будут отдаваться во исполнение принятых решений и в общих интересах. Легко будет отдавать такие приказы и руководить. Исчезнет проклятая стена, которая вмиг отделяет тебя от твоих бывших товарищей, как только ты сегодня становишься начальником. Исчезнет неизменная скрытая враждебность, настороженность, подозрительность. И как распрямит самого руководителя независимость от произвола и капризов вышестоящего начальника! Как и подчиненного — отсутствие страха, что начальник может его в любой момент безнаказанно оскорбить или уволить. Без санкции коллектива невозможны станут никакие серьезные наказания и тем более увольнения (статус «парламентской» неприкосновенности).

Только когда спадет с плеч людей абсолютная дисциплина, они осознают, какую тяжесть носили. Дисциплину в самоуправляющихся коллективах можно будет назвать *условной*. Люди, в сущности, будут улавливаться о посменном распределении на роли начальников и подчиненных для успешного исполнения и реализации общих решений и интересов.

2. О гигантских предприятиях.

Могут спросить, а что делать с предприятиями, на которых очень трудно наладить самоуправление?

Во-первых, не так уж трудно. Оно может быть там ступенчатым, по отделениям, цехам, как в маленьком государстве. Во-вторых, такие предприятия часто можно и нужно будет разделить на самостоятельные произ-

водственные единицы — самоуправляющиеся коллективы.

У Терещенко, бывшего американского экономиста, вернувшегося в СССР, я прочел поучительную историю трансформации предприятия Форда. Его «империя» с некоторых пор по непонятным причинам начала становиться нерентабельной. Никакие меры не помогали. В конце концов были приглашены специалисты по научной организации труда и управлению. Обследовав «империю», они пришли к выводу, что единственная причина падения рентабельности заключается в ее размерах, затрудняющих при дисциплинарной централизации обратные связи и «местную» инициативу. Они рекомендовали разделить фирму на ряд самостоятельных филиалов вплоть до конкуренции между ними, оставив за центральным правлением в основном лишь вопросы расширенного воспроизводства и «внешней» торговли. Форд последовал их совету и спасся от разорения. Иными словами, он допустил *соревновательную* конкуренцию между филиалами, а дисциплинарную централизацию заменил координационной.

И это, между прочим, пример настоящего созревания основ нового общества в недрах старого, в отличие от образа централизованной почты или прусского казарменного госкапитализма, как считал Ленин.

Наконец, важно понимать, что укрупнение заводов совершенно не диктуется потребностями развития производительных сил, особенно в условиях нынешней технотронной революции. С изобретением, например, нового метода выделения радиоактивных элементов атомные заводы, как известно, могут стать во много раз более «портативными». Укрупнение диктуется в основном или требованиями агрессивной конкуренции или облегчением всяческого надзора при госкапитализме.

Как пишет тот же Олдос Хаксли («Наука, мир, свобода»), исследования экономистов показали, что выигрывает в себестоимости производства на гигантских

ТРЕТИЙ ПУТЬ

предприятиях перечеркивается не только затруднением обратных связей, но и возрастающими затратами на транспортные и перевалочные операции по доставке сырья к заводам и продукции — к потребителям. Не говоря уже о том, что гигантские заводы и коллективы угнетающе действуют на психику людей, что для нас должно быть самым главным и решающим.

**
*

Итак, последовательное и логическое построение государства на фундаменте самоуправления и групповой собственности, интегральное действие всех основных необходимых, но в отдельности недостаточных элементов и принципов, которые мы здесь вкратце рассмотрели, позволит, думается, создать наконец тот идеальный строй-путь, о котором мечтали многие поколения людей. Люди смогут добиваться реализации своих потребностей и проявлять свое «я» без агрессивной конкуренции друг с другом и между коллективами, без того, чтобы жертвовать тем, чем нельзя жертвовать человеку, и мириться с тем, с чем нельзя мириться. Люди получают возможность для проявления действенной доброты — высшего смысла жизни — и обретут наконец защиту от бесов страха перед эфемерностью своего существования. Такой строй будет представлять собою, в сущности, последовательное развитие принципов демократии, то есть народовластия. Он сдвинет наконец с места «историю Доброты» и в то же время делает человеческое общество в целом экстровертированным по отношению к природе.

По-другому начнет развиваться и техника, быстрее уменьшая разрыв между умственным, творческим и физическим (повторительным) трудом, а задачи перед человечеством стоят (и будут вставать) такие грандиозные, что для творческих и добрых дел никогда не окажется рук и голов в избытке.

Воистину лишь с самоуправлением «воспрянет мир людской» (или уж по крайней мере Россия!).

Можно ли назвать этот строй-путь социализмом? Скорее всего — нельзя. Социализм, даже не марксистский, слишком связан с представлением об огосударствлении производительных сил и ущемлении свободного рынка. Что же касается идеала социализма «с каждого — по способностям и каждому — по труду», а также формулы «товар — деньги — товар», то они, в сущности, являются идеалом любого разумного и нравственного человека.

Кроме того, название должно подчеркивать главное, сущность. И, думается, нет необходимости поэтому изобретать какой-нибудь другой, мудрёный термин с «измом», вроде «эргонизма». Достаточно одного слова или двух: самоуправление или самоуправляющееся общество. А «измы» — Бог с ними. Они порядочно надоели людям, и не мешает им вместе с профессиональными начальниками и абсолютной дисциплиной, партиями и профсоюзами, агрессивной конкуренцией и госкапитализмом, регулярной армией и нерегулярной полицией отправиться в музей истории, в тот самый — энгельсовский (заодно и с марксизмом!).

Социалистические партии, принимающие в свою программу принципы самоуправления, я бы (на их месте) назвал, скажем, партиями социалистического самоуправления. Это название имеет еще и тот смысл, что может противостоять системе капиталистического самоуправления, при котором за самоуправляющимися коллективами оставляется функция расширенного воспроизводства, то есть накопления и неизбежной в этом случае конкуренции.

(Окончание следует)

ОБРАЩЕНИЕ журнала «ГРАНИ»

к читателям и друзьям, ко всем людям живой души

4 ноября 1972 года умер замученный лагерем и бездушием тоталитарного режима Юрий Тимофеевич ГАЛАНСКОВ — поэт, публицист и гражданин в подлинном смысле этого слова.

Своими стихами и машинописными изданиями («Феникс» № 1 и 2) он одним из первых пробивал русло для потока свободной мысли, не признающей государственной партийной цензуры, для потока, который ныне разлился в море Российского Самиздата. Юрий Галансков сам оказался тем «первым подснежником, презревшим опасность и холод», который он приветствовал в своих стихах.

За свободу мысли и слова его судили и приговорили к семи годам ИТЛ строгого режима. Но и в лагере он продолжал бороться, защищая права других заключенных. О себе же молчал. И вот после пяти лет истязаний — недосыпания, беспощадных рабочих дней, без необходимых язвенному больному продуктов и лекарств — он, наконец, обращается в Международный Красный Крест и в Комиссию по правам человека:

«Пять лет меня мучили в заключении — я терпел и молчал. Оставшиеся два года меня будут убивать. И я не могу об этом молчать, ибо под угрозой не только мое здоровье, но и жизнь».

Мир узнал об этом обращении только после смерти Юрия Галанскова, полгода спустя!

Умер Юрий Галансков — представитель лучшей части современной молодежи. Не только русской, но и мировой. Молодежи атомного века, ищущей, страдающей, в жертве высвобождающей свой дух из материалистических пут коммунизма и капитализма.

Юрий Галансков — на площадях Москвы, столицы самого тоталитарного государства — открыто читающий свой «Человеческий Манифест», взывающий к Человеку в человеке, — разве не символ для всех задыхающихся в загрязненном технической цивилизацией и насилием мире? Для всех бунтующих против нависшей угрозы атомной войны? Для всех тоскующих о чистоте совести в мире, развращенном лицемерием?

Юрий Галансков умер, но пример его жертвенной жизни остался:

...Гимны петь и славить не могу.

Я не лгу.

Я к совести пришит.

Пример его продолжает служить людям, которые рождаются, растут и мужают в этом мире; людям, которые тоже «к совести пришиты» и которым — и только им — суждено одухотворить и очистить мир. Поэтому мы обращаемся с призывом установить Юрию Галанскову памятник. Памятник-символ. Памятник, к которому бы потянулись люди, чтобы найти в образе этого человека новые силы для борьбы за победу совести в нашем мире. Памятник, который стал бы нашим общим вкладом в это дело и вечным напоминанием о нем.

С идеей создать Галанскову памятник-символ обращались к нам молодые люди разных национальностей и из разных стран, и мы идем им навстречу. Мы верим, что их идея будет поддержана другими, что в разных государствах создадутся инициативные группы, которые возьмут на себя осуществление ее на практике. Мы верим, что найдутся люди, которые вложат в это дело и свое творческое вдохновение, и свои средства. Мы готовы взять на себя координационную функцию и просим всех, кто захочет принять участие в установлении памятника Юрию Галанскову, обращаться к нам по адресу:

A. Tschemessova c/o Redaktion „Grani“
6230-Frankfurt/Main-80
Flurscheideweg 15
Bundesrepublik Deutschland

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ГРАНИ»

СПИСОК КНИГ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ

Арсеньев Николай. Единый поток жизни. (К проблеме единства христиан). Издательство «Жизнь с Богом», Брюссель, 1973. Стр. 298 + 7.

Надеждина Леля. Колосья. Стихотворения. Афины, 1973. Стр. 32.

Каратеев М. Ярлык великого хана. Исторический роман. Книга I. Второе издание. Буэнос Айрес, 1973. Стр. 294.

Донат Александр. Неопалимая купина. Еврейские сюжеты в русской поэзии. Антология. Издательство Нью-Йоркского университета, 1973. Стр. 480.

Редлих Роман. Библиотечка солидариста. Серия философская. Выпуск 7. О сопротивлении злу силою. (По монографии И. А. Ильина). Изд-во «Посев». Франкфурт-на-Майне, 1973. Стр. 31.

Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин (1857-1921 г.). Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973. Стр. 351.

А. Сахаров в борьбе за мир. Изд-во «Посев». Франкфурт-на-Майне, 1973. Стр. 294.

Galanskov. Samisdat. Edizione italiana Europa civiltà. Roma, Oktober 1973. P. 40.

Ehre Milton. Oblomov and his creator. The life and art of Ivan Goncharov. Princeton University Press. New Jersey, 1973. P. 298.

Marktwirtschaft und soziale Verantwortung. Herausgegeben von Dr. Bodo B. Gempfer. Peter Hanstein Verlag GmbH. Köln, 1973. S. 574.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ
в № 89 — 90

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
216	4 снизу	перепутаны строчки	
238	1-ая сверху	к нем	к нему

Редактирует Редакционная Коллегия
Главный редактор Н. Б. Тарасова
Ответственный секретарь Г. Т. Напиваненко

Адрес редакции журнала «Грани»:
Grani c/o Possev-Verlag, 623 Frankfurt/M., Sossenheim,
Flurscheideweg 15

Druck: Possev-Verlag, V. Gorachek KG, Frankfurt am Main

**ОБРАЩЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ»
К ЛИТЕРАТУРНОЙ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНЧЕСТВУ,
К ПИСАТЕЛЯМ, ПОЭТАМ,
ЛИТЕРАТУРНЫМ КРИТИКАМ,
К ДЕЯТЕЛЯМ ИСКУССТВА, НАУКИ И ТЕХНИКИ
— КО ВСЕЙ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Русское издательство «Посев», находящееся в настоящее время за рубежом, во Франкфурте-на-Майне, предоставляет Вам возможность публиковать те Ваши произведения, которые по условиям политической цензуры не могут быть изданы на Родине.

Эти произведения могут быть напечатаны в журнале «Грани», в ежемесячнике «Посев» или изданы отдельными книгами. Возможна также публикация этих произведений на иностранных языках.

Рукописи могут быть подписаны как фамилией автора, так и псевдонимом. В последнем случае издательство принимает необходимые меры для того, чтобы исключить возможность установления личности автора, и гарантирует, что оригинал рукописи не попадет в чужие руки.

Рукописи, вышедшие в Самиздате, перестают быть исключительным достоянием автора, — они становятся достоянием российской литературы. Поэтому наше издательство считает прямым своим долгом способствовать публикации таких рукописей, поскольку новая российская литература лишена политической цензурой права голоса у себя в стране. При этом мы, естественно, не пытаемся заручиться формальным разрешением автора на такие публикации.

Авторские гонорары в размере, соответствующем установленным в «Посеве» ставкам, будут храниться в издательстве до того времени, пока автор найдет возможным их получить.

Пересылать рукописи в издательство «Посев» можно как через своих граждан, едущих за границу в некоммунистические страны, так и через иностранцев, посещающих СССР.

Приехавший за границу может сдать пакет с рукописью на почту, а в случае необходимости — опустить в почтовый ящик и без марок. На пакете с рукописью необходимо указать следующий адрес:

P o s s e v - V e r l a g ,

623 Frankfurt am Main, 80, Flurscheideweg 15.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Это обращение составлено нами до подписания Советским Союзом Всемирной конвенции об авторском праве. Теперь создалась новая обстановка, которая будет нами учитываться. Но мы будем продолжать помогать российской интеллигенции, а в особенности молодежи, выполнять возложенную на нее историей ответственную задачу — в свободном творчестве правдиво изображать жизнь и стремления нашего народа, воспроизводить его духовный облик. За свободное творчество! За свободную Россию!

С дружеским приветом

ИЗДАТЕЛЬСТВО « П О С Е В »

Содержание номеров журнала « Г р а н и » помещено:

с № 1 по № 58 в № 59

с № 52 по № 74 в № 74

с № 75 по № 78 в № 78

с № 79 по № 86 в № 87-88

Новый каталог вышедших номеров высылается бесплатно по требованию.

В. Максимов

История жизни большой рабочей семьи Лашковых в период от революции 1917 года и до наших дней — художественно достоверное отражение будней трудовой России, простых русских людей, задавленных и обманутых властью и с мучительным недоумением задающих себе вопрос: «Что же случилось с нами? Что?»

Роман проникнут верой автора в могучие жизненные силы народа, в его будущее.

Большой формат, 512 стр., твердый переплет с золотым тиснением. Цена 28.80 н. м.

Уменьшенный карманный формат, в мягком переплете «Скай» с золотым тиснением. Цена 18.40 н. м.

Роман проникнут идеей самопознания и самосовершенствования человека... Пройдя через «карантин» жизни, герой и героиня этого произведения приходят к пониманию истинной любви, к познанию сути человеческого бытия, познанию пути к Богу. Высокая символика перемежается в романе с конкретностью обыденной жизни современной России,

изображенной автором с большой силой художественного таланта.

Твердый переплет с серебряным тиснением, 352 стр.
Цена 23.50 н. м.

Суперобложка обеих книг работы художника Н. И. Николенко.

Александр Солженицын

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ШЕСТИ ТОМАХ

Твердый переплет, тисненый золотом. Цветная художественная суперобложка. Фотографии автора и его портрет работы московского художника В. Сидура на меловой бумаге.

Цена всех томов: (а) большой формат, с суперобложкой - 121.— н. м., (б) уменьшенный формат - 95.— н. м.

ТОМ ПЕРВЫЙ

ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА РАССКАЗЫ

Матренин двор • Случай на станции Кречетовка
Для пользы дела • Захар Калита
В томе 308 стр. и фотографии А. И. Солженицына на меловой бумаге. Цена (а) 18.— н. м., (б) 14.— н. м.

ТОМ ВТОРОЙ

РАКОВЫЙ КОРПУС

В томе 600 стр. Цена (а) 24.— н. м., (б) 19.— н. м.

ТОМА ТРЕТИЙ И ЧЕТВЕРТЫЙ

В КРУГЕ ПЕРВОМ

Цена каждого тома (а) 18.— н. м., (б) 14.— н. м.

ТОМ ПЯТЫЙ

ПЬЕСЫ, РАССКАЗЫ, СТАТЬИ

Олень и шалашовка • Свеча на ветру • Правая кисть
Крохотки • Пасхальный крестный ход • Как читают
Ивана Денисовича • Не обычай дегтем щи белить, на
то сметана • Ответ трем студентам

ТОМ ШЕСТОЙ

«ДЕЛО СОЛЖЕНИЦЫНА» КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Второе, сильно расширенное издание. «Нобелевская премия» • «Дело Солженицына» • Библиография
В томе 662 стр. Цена (а) 28.— н. м., (б) 22.— н. м.

На складе издательства «Посев» имеются:

А. СОЛЖЕНИЦЫН.

Август Четырнадцатого 573 стр. Цена 25.— н. м.

А. СОЛЖЕНИЦЫН.

Архипелаг ГУЛаг 606 стр. Цена 23.— н. м.

А. Галич

Поколение обреченных

Книга стихов (песен), баллад и поэм Александра Галича, широко известных всей нашей стране по многочисленным «самиздатовским» магнитофонным записям.

Стихи (песни) Галича в книге сгруппированы по разделам:

- «Я выбираю Свободу» — стихи, выражающие жизненное кредо автора;
- «Облака плывут в Абакан» — стихи, посвященные «лагерной» теме;
- «Эрика» берет четыре копии» — стихи, посвященные проблемам творческой интеллигенции в СССР;
- «Жуткое столетие» — стихи о повседневной жизни простых русских людей.

Обложка работы художника Н. И. Николенко.

Малый формат. — 304 стр. Цена 17.70 н. м.

А. и Б. Стругацкие

Гадкие лебеди

Роман братьев Стругацких — «Гадкие лебеди» — до недавнего времени был известен только советскому читателю литературы Самиздата. Большое количество самиздатовских копий этого произведения показывает, какой огромный (и вполне заслуженный) интерес вызывает этот роман у читателей. Увлекательный динамичный сюжет, меткие характеристики персонажей, умелое сочетание разящей сатиры с тонким юмором, — все это, подчиненное общей гуманистической идее романа, делает его одним из лучших произведений братьев Стругацких.

Обложка работы художника Н. И. Николенко.

Большой формат. — Твердый переплет. — 287 стр.

Цена — 21.00 н. м.

Г Р А Н И

**ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

Стоимость подписки на 4 номера (включая пересылку)

**В Германии и во всех других странах,
кроме США и Канады:**

**При подписке непосредственно из издательства —
36,— н. м.**

**При подписке через представителей и книжные магазины —
43,— н. м.**

**Цена в розничной продаже — 10,— н. м.
(двойной номер — 20,— н. м.)**

В США и КАНАДЕ:

**При подписке непосредственно из издательства —
15,— ам. дол.**

**При подписке через представителей и книжные магазины —
18,— ам. дол.**

**Цена в розничной продаже — 4,— ам. дол.
(Двойной номер — 8,— ам. дол.)**

**Подписную плату следует посылать:
почтовым переводом или чеком (в письме) по адресу**

POSSEV-VERLAG

D-623 Frankfurt/Main 80, Flurscheideweg 15

**или же банковским переводом на
Konto 2 412 755, Dresdner Bank, Frankfurt/M.**

**Из Германии удобнее переводить деньги на
Konto 334 61, Postscheckamt Frankfurt/Main.**